

В.Н. Винокуров

**ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
И ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ**

Монография

Красноярск 2009

**Министерство внутренних дел Российской Федерации
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

В.Н.Винокуров

**ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
И ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ**

Монография

Красноярск
СибЮИ МВД России
2009

УДК 343.2
ББК 67.408

Рецензенты: профессор кафедры уголовного права Тюменского юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент А.В. Сумачев;
профессор кафедры уголовного права Академии ФСИН России кандидат юридических наук, доцент А.А. Лакеев;
доцент кафедры уголовного права Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент В.Б. Поезжалов.

Винокуров, В.Н.

Объект преступления: история развития и проблемы понимания : монография / В.Н. Винокуров. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2009. – 140 с.

ISBN 978-5-7889-0132-9

В монографии рассматриваются история развития учения об объекте преступления, а также различные аспекты понимания объекта преступления.

Предназначена для курсантов, студентов и преподавателей юридических вузов.

© Сибирский юридический институт МВД России, 2009.

© В.Н. Винокуров, 2009.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. История развития учения об объекте преступления.....	5
1.1. Развитие учения об объекте преступления в дореволюционный период	5
1.2. Развитие учения об объекте преступления в советский и постсоветский периоды.....	29
Глава 2. Вопросы понимания объекта преступления.....	60
2.1. Три аспекта понятия объекта преступления.....	60
2.2. Человек в системе общественных отношений как объект уголовно-правовой охраны.....	81
2.3. Правоотношения – объект преступления как элемент его состава	102
2.4. Интересы как форма выражения общественных отношений и способ конкретизации непосредственного объекта преступления.....	114
Заключение	124
Библиографический список.....	126

*Посвящается памяти моих наставников
Костырева Владимира Ивановича
и Григорьева Владимира Александровича*

ВВЕДЕНИЕ

Объект преступления как элемент его состава, определяет содержание других элементов преступления. Важность объекта преступления учитывается и при назначении наказания. Кроме этого, объект преступления имеет и политическое значение, так как определяет понятие преступления и задачи уголовного законодательства. Определенную сложность при определении понятия, содержания и структуры объекта преступления представляет наличие большого объема литературы, посвященной объекту преступления.

Изучение литературы, посвященной такому сложному и многогранному понятию, как «объект преступления», позволило автору прийти к выводу о том, что это понятие должно рассматриваться в трех аспектах: как объект уголовно-правовой охраны, как элемент состава преступления и как объект реально совершенного деяния, что позволит разрешить существующие разногласия в понимании такого сложного явления как объект преступления.

Изучение литературы, посвященной объекту преступления, показывает, что в советский период идеи дореволюционных ученых в лучшем случае не рассматривались, в худшем – подвергались критике как буржуазные и не пригодные для науки советского уголовного права. Хотя как показывает изучение истории уголовного законодательства дореволюционной России, многие теоретические вопросы, в том числе и вопросы учения об объекте преступления, были детально разработаны в теории и учтены законодателем. Аналогичная тенденция наблюдается в постсоветский период, когда в работах, посвященных объекту преступления, доминируют призывы к механическому возврату к идеям дореволюционных авторов, не принимая во внимание все наработки теории советского уголовного права об объекте преступления как общественных отношениях. Поэтому в работе предпринята попытка выявить и проанализировать причины формирования концепции объекта преступления как общественных отношений, а также при-

чины, побудившие к отказу от этой концепции. В работе не только рассматриваются различные точки зрения на объект преступления в дореволюционном уголовном праве, когда зарождались идеи о признании в качестве объекта преступления общественных отношений, но и проводятся параллели дореволюционного и современного законодательства в аспекте сравнения способов указания в законодательстве объекта преступления. Также в работе рассматривается значение объекта преступления для построения системы Особенной части УК РФ, для квалификации преступлений, а также влияние на формулировку и место отдельных норм в системе Особенной части УК РФ.

Глава 1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1. РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Изучение любого явления необходимо начинать с анализа причин его возникновения. Анализ истории вопроса позволяет выявить определенные тенденции развития изучаемого явления, с тем, чтобы отобрать наиболее значимые черты и сформулировать определение исследуемого понятия применительно к современным условиям. «Изучение прошлого, – как отмечал Б.М. Кедров, – может и должно служить средством для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее и на основе этого осмыслить развитие науки как целенаправленный исторический процесс. В этом состоит, на мой взгляд, одна из основных, если не главных задач истории науки».¹ Рассмотрение вопроса об объекте преступления следует рассматривать с момента формирования уголовного права как отрасли.

Периоды истории отечественного дореволюционного уголовного права следует различать в зависимости от понятия и назначения наказания и преступления. На основании этого выделяют пе-

---

¹ Кедров Б.М. История науки и принципы ее исследования // Вопросы философии. 1971. №9. С.78.

риод мести и частных композиций (уголовное право Русской Правды), период устрашающих наказаний (уголовное право Московского государства) и период наказаний, основанных на вменении (уголовное право империи).¹ Круг объектов преступлений по древнерусскому праву был небольшим – права лиц физических. Преступлений против государства Русская Правда не содержала, так как преступность некоторых деяний из этого разряда была не вполне осознанна.² Среди преступлений, предусмотренных Русской Правдой, нет преступлений против государства ввиду отсутствия абстрактного понимания государства и его интересов, вред государству отождествлялся с вредом князю. Объектами преступлений являлись личность (жизнь, здоровье, честь, достоинство) и имущество. Интересы государства и его органов в качестве объектов преступления стали выделяться в Псковской судной грамоте.³ Эта тенденция закрепляется в Судебнике 1497 г., где преступление рассматривается уже не как обида, то есть нанесение материального, физического, морального вреда, а как «лихое дело», то есть совершение такого деяния, которое нарушает интересы господствующего класса и государства.⁴

В Русской Правде четко выделялись преступления против жизни, против здоровья, против чести, против свободы, против прав имущественных; преступлений против веры; преступлений против семейного права и нравственности.⁵ С этого момента появилась четкая тенденция делить все преступления на преступления против государства и преступления против физических лиц, которые затем стали дробиться в зависимости от глав, составляющих уголовные уложения и уголовные кодексы. В праве Московского государства понятие объекта изменяется, уголовный закон уже ограждает не только права лиц физических, но и защищает строй, «установленный государством, церковью, нравственным учением и кодексом бытовых приличий». Поэтому в Соборном Уложении выделялись следующие виды преступлений: преступления против религии и церкви; преступления против государства, включающие в себя политические преступления, преступления по службе, преступления граждан против порядка управления, преступления против судебной власти; преступления гражданские, к которым отно-

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1905. С.316.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С.325, 330.

³ Георгиевский Э.В., Чернов А.В. Теоретический анализ объекта преступления. Иркутск, 1999. С.8-9.

⁴ Штамм С.И. Судебник 1497 г. М., 1955. С.36.

⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С.325-333.

сились преступления против жизни, преступления против чести, преступления против прав имущественных.¹

В Артикулах воинских в зависимости от объекта все преступления подразделялись на: преступления против религии, государственные преступления, должностные преступления, преступления против порядка управления и суда, преступления против благочиния, преступления против личности, имущественные преступления, преступления против нравственности.² В последующем в теории стали выделять преступления против государства и преступления против личности. Так, в одном из первых учебников по уголовному праву выделялись два объекта преступления: всеобщая воля государства и субъективное право конкретного лица³ (общий и непосредственный в современном понимании). Такому пониманию объекта преступления способствовала и вся структура законодательства России, на основании чего в своде законов Российской империи 1832 г. уголовные законы размещались в последнем XV томе, что подчеркивало охранительный характер уголовного права.⁴

В дальнейшем учение об объекте преступления получило развитие в связи с совершенствованием уголовного законодательства, которое стало гораздо объемным. Так, Особенная часть Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее Уголовное Уложение 1845 г.) состояла из 2043 статей, расположенных в 11 разделах.⁵ Таким образом, как отмечает С.В. Землюков: «История изучения уголовного законодательства показывает, что формирование объектов уголовно-правовой охраны шло от более простых элементарных форм к более сложным».⁶

Учитывая, что объект преступления влияет на определение понятия преступления и является одним из элементов его состава, развитие учения о нем следует рассмотреть в хронологическом порядке развития понятия преступления и состава преступления с целью установления факторов, определяющих его содержание и способы его закрепления в уголовно-правовых нормах.

Так, В. Спасович, выделяя такой признак преступления, как противозаконность, отмечал, что он выражается в том, что пре-

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С.353-362.

² Исаев А.А. История государства и права России. М., 1993. С.108-111.

³ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. Часть Общая. СПб., 1865. С.400.

⁴ Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. С.176.

⁵ Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С.171.

⁶ Землюков С.В. Уголовно-правовые последствия преступного вреда. Новосибирск, 1991. С.79.

ступление представляет собой посягательство на чье-либо право, то есть выражается в отрицании известной обязанности, а так как право и обязанность предполагают, по крайней мере, всегда отношения между двумя лицами, то преступление должно содержать в себе посягательство на известные общественные отношения. При этом автор использует термин «посягательство», а не «нарушение», так как посягательство охватывает не только совершение правонарушения, но и покушение на правонарушение и приготовление к правонарушению.¹ По мнению В.С. Прохорова, в данном случае речь идет об отношениях между купцом и покупателем. Такое понимание общественных отношений «далеко от марксистско-ленинского понимания природы общественных отношений, главное в котором заключается в том, что в мнимом хаосе бесчисленных действий людей, в бесконечно возникающих и распадающихся связях и отношениях была выявлена система, объективная форма, в которой отливаются человеческие действия и интегрируют общество в целостную систему».² Рассмотрение общественных отношений как отношений между конкретными субъектами влияло на квалификацию при ошибке в предмете и потерпевшем. Так, по мнению В. Спасовича, удар кинжалом в мертвого человека, когда субъект полагал, что человек жив, преступлением не является. Подобных взглядов на понятие «общественные отношения» придерживались все дореволюционные правоведы. Данное положение получило даже законодательное закрепление, о чем будет сказано далее. Кроме этого, объект преступления рассматривался и как один из элементов его состава. В. Спасович, рассматривая состав преступления как совокупность всех признаков, содержащихся в понятии преступления, выделял два главных признака – субъект и объект, виновника и предмет преступления, то есть такие данные, связь между которыми образует преступное деяние. По его мнению, лицо, страдающее от преступления, называется технически предметом или объектом преступления. Поэтому предметом преступления может быть только человеческое лицо, а не вещь, не животное, не отвлеченное понятие. Далее он уточнял, что право может принадлежать как физическим, так и юридическим лицам, то есть целым группам и сочетаниям, состоящим из лиц физических, поэтому предметом преступления могут быть частное лицо, семья, сословие, церковь, совокупность лиц, находящихся в определенной местности, государство. Правда, государство, как организм, поддерживающий совокупность

---

¹ Спасович В. Учебник уголовного права. Том I. СПб., 1863. С.84.

² Прохоров В.С. Преступление и ответственность. ЛГУ., 1984. С.35.

всех юридических отношений, не бывает никогда в целом своем объеме прямым и непосредственным предметом преступлений, так как преступление его касается только опосредованно, через отрицание какого-нибудь отдельного особенного права. Но, с другой стороны, вредные последствия идут дальше нарушенного права отдельного лица и потрясают весь общественный порядок. Поэтому всякое преступление есть преступление против лица юридического – государства, вследствие чего непосредственным объектом выступает чье-нибудь непосредственное право, а посредственным – целое правосостояние, то есть весь государственный быт. Выделяя и юридическую сторону предмета преступления, В. Спасович указывал на то, что преступления нет, если нарушаемое право не находится под защитой закона.¹ Примечательно, что во всех дореволюционных учебниках и комментариях учение о необходимой обороне, крайней необходимости рассматривалось сразу же после объекта преступления, то есть анализировались ситуации, когда предмет преступления исключался из системы уголовно-правовой охраны. По мнению Н.С. Таганцева, предмет или объект преступления составляют известные юридические отношения, охраняемые государством и угрожаемые или нарушаемые действиями виновного, вследствие чего объектом убийства может быть только неприкосновенность человека,² то есть акцент делался на формальный момент нарушения запрета, сформулированного в норме права. В дальнейшем, при указании на объект преступления выделяли формальную (внешнюю) и внутреннюю (содержательную) стороны. Так, по мнению Д.М. Тальберга, объектом при разбое и грабеже являются юридические нормы, которые охраняют имущественные отношения. Предметом преступного действия в этом случае выступает чужое имущество.³ Тенденция рассмотрения объекта преступления как двухаспектного явления получила развитие и в дальнейшем. При определении сущности преступления упор делался на внешний, формальный критерий, а при рассмотрении конкретного преступления – на внутреннюю (содержательную) сторону. «Преступное деяние, – писал Н.Д. Сергиевский, – являясь по своей отвлеченной природе нарушением норм закона и посягательством на интересы всего правопорядка, в конкретной своей форме всегда заключает в себе конкретный вред или конкретную опасность». Поэтому норма закона, охраняющая неприкосно-

---

¹ Спасович В. Указ. соч. С.89-96.

² Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому уголовному праву. СПб., 1873. С.240-243.

³ Тальберг, Д.М. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). СПб., 1880. С.126.

венность жизни человека, может быть нарушена лишь в форме посягательства на жизнь отдельного определенного лица. Далее Н.Д.Сергиевский отмечал, что вред, заключающийся в преступном деянии, может быть или вредом отдельному лицу или вредом для всего общества – вред общественный, так как всякая норма, нарушаемая преступным деянием, имеет своим предметом права, блага или интересы частных лиц, или интересы целого общества, или то и другое вместе. Вследствие чего в праве формируется представление, что всякое нарушение отдельного лица есть вместе с тем правонарушение общественное. Поэтому всякое причинение вреда мыслится как преступное деяние против всего общества, даже если оно нарушает интересы частного лица. Содержанием преступления является вред, причиненный всему обществу. Нарушение частного права есть только средство или форма нарушения права общественного. Вследствие чего, по мнению Н.Д. Сергиевского, возникает как бы двойственность объектов преступления, во-первых, непосредственным объектом выступает непосредственный предмет посягательства, а во-вторых, та юридическая норма, то предписание закона, которое нарушается. Далее, рассматривая понятие объекта с точки зрения его фактического содержания и правовой формы, автор делал вывод о том, что только соединение обоих моментов образует понятие объекта и вместе с тем обосновывает состав преступного деяния: нарушение нормы невозможно без посягательства на конкретные предметы или отношения, посягательства на предметы и отношения, взятые сами по себе, не будет преступным, если за ним не стоит нарушение права.¹

Учение об объекте преступления, как о двухаспектном явлении получило развитие и в работах Л.С. Белогриц-Котляревского, отмечавшего, что объектом преступления с формальной стороны является норма, а с материальной – те жизненные интересы или блага, которые этими нормами охраняются. Однако далее он косвенно признает объектом преступления правоотношения: «Так как нормы предназначены регулировать отношения людей или друг к другу, или к юридическим установлениям, то очевидно, что область преступного должна ограничиваться этими двумя отношениями, отношения всякого другого рода должны быть исключены».² «Право как внешний распорядок нашей деятельности, – писал Н.С. Таганцев, – регулирует отношения лиц между собой, а не

---

¹ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. СПб., 1896. С.80, С.290-291.

² Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев-Петербург-Харьков, 1903. С.161-162.

отношения человека к его собственным благам и интересам».¹ Данная позиция базировалась на устоявшемся положении теории права, о том, что, «многие юридические отношения возникают по поводу вещей, но, в конце концов, всегда есть отношения между лицами. Под юридическими отношениями или правоотношениями, таким образом, следует понимать регулируемые нормами объективного права отношения лиц между собой».²

«Правовые нормы, – писал Н.Н. Розин, – действуя наряду с другими социальными нормами, регулируют определенный круг применения, ограниченную сферу своего вменения. Регулируют точно определенный круг отношений граждан, отношений, в которые они вступают по поводу определенных материальных или духовных благ – интересов». Материальное содержание благ определяется в нормах Особенной части.³ Таким образом, в идеях указанных авторов четко просматривается структура конкретного общественного отношения, состоящего из субъектов отношений и предмета отношений, то по поводу чего эти отношения сложились. При этом в литературе отмечалось, что охране подлежат только те блага, которые, по мнению государства, необходимы для его нормального функционирования. «Государство, учредив правовой порядок или объективное право, – отмечал П.П. Пусторослев, – тем самым наложило на людей обязанности и при том наложило в обеспечении возможности членам государства, а иногда ради них и иностранцам удовлетворять их потребности достойные удовлетворения по мнению государства».⁴ В последующем в качестве объекта преступления стали рассматривать интерес. Наиболее полно понятие «интерес» как объект преступления был разработан Н.С. Таганцевым. Так, «... право в субъективном смысле, – отмечал Н.С. Таганцев, – в свою очередь представляет отвлеченное понятие, как и норма, а потому сама по себе по общему правилу не может быть непосредственным объектом посягательства, пока оно не найдет выражение в конкретно существующем благе или интересе». Поэтому «... для бытия преступного деяния необходим определенный, материально или идеально существующий, проявляющийся предмет. Субъективное право делается доступным для посягательства (доступным для восприятия последствий – В.В.) на него только тогда, когда оно реализовалось, воплотилось в сочи-

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т.1. М., 1994. С.179.

² Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С.154.

³ Розин Н.Н. Конспект лекций по уголовному праву. Томск, 1904. С.81-82.

⁴ Пусторослев П.П. Анализ понятия преступления. М., 1892. С.103.

нении, картине доме, поместье и т.п.». При этом охраняемые интересы могут иметь реальный (материальный) характер – жизнь, здоровье, неприкосновенность владения или идеальный – честь, религиозное чувство, благопристойность. «Так, говоря, что воровство есть похищение чужого движимого имущества, мы этим указываем, что конкретным предметом, на который направляется преступное деяние, являются часы, кошелек и т.п., находящиеся в чьем либо обладании, а отвлеченным объектом – норма права, определяющая отношения лиц по имуществу и защищающая неприкосновенность собственности». Интерес обычно совпадает с тем предметом, к которому прилагаются непосредственно действия преступника: здоровье как правоохраняемый интерес совпадает с выбитым глазом, переломанными ребрами, но интересы идеальные могут различаться с теми предметами, на которые направляются действия виновного и без повреждения и или изменения которых не может быть посягательства на интерес.¹

Таким образом, выделение понятия «интерес» при рассмотрении объекта преступления рассматривалось как средство его конкретизации – субъективных прав, охраняемых уголовным законом, которые проявляются через последствия преступления в виде возможности пользоваться определенными благами – здоровьем, имуществом. В последующем несколько иначе эта идея была сформулирована Б.С. Никифоровым, согласно которому объектом преступления является возможность субъектов действовать определенным образом.²

А.Н. Круглевский, объединивший формальную и содержательную стороны объекта, считал, что преступление нарушает право и потому является деянием противоправным, оно нарушает блага граждан и потому является вредоносным. При этом благо он рассматривал как непосредственный объект, а нарушенное право – в качестве опосредованного объекта или как фактический и юридический объекты посягательства. По его мнению, под интересом лица к известному явлению следует понимать отношение лица к соответствующему факту, в силу которого возникновение или наступление последнего создает для какого-нибудь блага индивида неблагоприятное последствие. Что касается существа блага, то под ним надо понимать всякий объект или отношение, поскольку они способны содействовать духовному или телесному благосостоянию человека, то есть те явления, восприятие которых вызыва-

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. С.32, 34, 178, 186.

² Никифоров Б.С. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву. 1960. С.69; 71.

ет удовлетворение эмоций у людей и переживание ими положительных чувств. Блага и интересы взаимно обуславливают друг друга. Не существует ни одного блага, которое не составило бы предмет человеческого интереса, и не может быть речи о наличии интереса к известному явлению, если это явление не заключает в себе качества блага.¹ Такого же понимания соотношения понятий «благо» и «интерес» придерживается и Л.Д. Гаухман, отмечая, что благо представляет собой условие или предпосылку существования интереса, вместе с тем уголовно-правовое значение «блага» и «интереса» сходно. Они означают условия существования общественных отношений и обеспечиваются общественными отношениями.²

Кроме этого, А.Н. Круглевский, выделял такие понятия, как – объект действия, под которым следовало понимать предмет, относительно которого совершено преступление, и объект юридической охраны как фактическое отношение, изменить которое намеревалось лицо, решаясь на совершение преступления.³ По мнению современных авторов, объект действия – это всегда предмет чувственного восприятия (человек, имущество), а объект защиты (объект охраны) – это не материальный, а мысленный, абстрактный объект (неприкосновенность личности, порядок имущественных отношений).⁴

Следует отметить, что во всех учебниках и комментариях к Уголовному Уложению 1885 г. объект отождествлялся с потерпевшим и предметом преступления. Так, по мнению Л.С. Белогриц-Котляревского, объектом убийства является жизнь человека, объектом кражи является чужое имущество, предметом вымогательства выступают вещи имущественные интересы.⁵ Но предмет преступления рассматривался через его включенность в определенную систему. Так, самоизуродование не являлось преступлением, но если оно было совершено с целью уклонения от воинской службы, то оно было преступным. Безнравственность становится преступлением, если происходит нарушение прав других лиц и

---

¹ Круглевский А.Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений. СПб., 1913. С.12; 16-17.

² Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С.34.

³ Круглевский А.Н. Указ. соч. С.12-13.

⁴ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С.129; Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С.13; Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М., 2006. С.16.

⁵ Белогриц-Котляревский Л.С. Указ. соч. С.345, 401, 429.

общества, уничтожение собственного имущества признавалось преступлением только в случае, если причинялся вред интересам общества и государства.¹ Как отмечал Н.С. Таганцев, «... обращая интерес жизни в правовое благо, право не только признает бытие этого интереса, не только дает ему охрану и защиту, но и видоизменяет его в объеме, форме, иногда даже в содержании, сглаживая его частный, индивидуальный характер и придавая ему социальное, общественное значение».²

Выделение формального и содержательного аспектов объекта преступления нашло свое закрепление и в работах И.Я. Фойницкого, по мнению которого, объектом преступления являются нормы или заповеди, которые имеют своим содержанием известные отношения, составляющие условия общежития. Например, заповедь «не убий» устанавливает отношения третьих лиц к жизни человека. Поэтому любое преступление имеет два объекта: посредственный или отдаленный, конечный – нарушаемая заповедь и непосредственный или ближайший – то отношение, которое ограждается данной заповедью, составляя ее реальное проявление. Именно поэтому классификация преступных деяний должна быть основана на различии нарушаемых заповедей по свойству охраняемых ими отношений.³ Несмотря на критику этого высказывания А.А. Пионтковским, заключающегося в том, что в указанном случае «отношения» – это не общественное отношение между людьми, а должное поведение данного лица в каждом случае с требованиями общей нормы,⁴ следует согласиться с мнением А.И. Марцева и Н.В. Вишняковой, которые полагают, что: «Несмотря на то, что это были лишь незначительные предпосылки возникновения теории объекта преступления как общественного отношения, они свидетельствуют о том, что данная теория не была какой-то искусственной и надуманной, а явилась закономерным этапом развития уголовно-правовой мысли».⁵

С.В. Познышев, критикуя, по его мнению, искусственность взглядов Н.С. Таганцева о целесообразности выделения конкретно-

---

¹ Кистяковский, А.О. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая. Киев, 1891. С.180-304.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. С.32.

³ Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Дополненное и пересмотренное А.А. Жижиленко. Петроград. 1916. С.5.

⁴ Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. II. М., 1970. С.128.

⁵ Марцев А.И., Вишнякова В.Н. Развитие учения об объекте преступления. Омск, 2002. С.26.

го предмета, на которое направлено преступное деяние, и отвлеченного объекта преступления, полагал, что интерес нельзя относить к объектам преступления, так как интерес не может быть нарушен иначе, как посредством посягательства на то благо, с которым этот интерес связан и которое является настоящим объектом преступления. Нарушение интереса выражается в том или ином повреждении или в поставлении в опасность этого блага. При этом законодатель может ошибаться, то, что он признает благом, в действительности не есть благо или составляет благо лишь для некоторых членов общежития. Также, по мнению С.В. Познышева, нельзя признать в качестве объекта преступления субъективное право, потому что субъективное право недоступно посягательству преступника, например, вор лишает собственника возможности обладания вещью, но не права собственности на данную вещь, так как собственник после обнаружения вещи может требовать ее возвращения. Поэтому объектом преступления являются те конкретные отношения, вещи, состояния лиц или вещей, которые охраняются законом под страхом наказания, которые для краткости можно назвать правовыми благами.¹ По мнению Э.В. Георгиевского, – это достаточно ярко высвечивает структурные элементы общественных отношений, как некая «зачаточная» их форма.² Таким образом, концепция «объект преступления – общественные отношения» начала зарождаться в конце XIX начале XX века.

Как было отмечено выше, под отношениями как объектом преступления в теории уголовного права того времени понимались не абстрактные, типизированные устойчивые связи, а конкретные связи между определенными субъектами. Так, похищение вещи, которая, как ошибочно полагал виновный, принадлежит церкви, следовало квалифицировать не как покушение на святотатство, а как оконченную кражу; нанесение удара ножом трупу квалифицировалось не как покушение на убийство, а только как обнаружение умысла, так как нельзя наказывать человека за оскорбление несуществующего лица. В противном случае речь идет о привлечении к ответственности за обнаружение умысла.³ Так, в комментарии к ст.9 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. (далее Уложение 1885 г.) указывалось, что посягательство, направленное на мнимый объект или такой, который не мог

---

¹ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права: (Общая часть уголовного права). М., 1912. С.132-133.

² Георгиевский Э.Ф. Объект преступления: (Теоретический анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С.12.

³ Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому уголовному праву. С.240-243.

быть предметом преступления, не подлежит уголовному преследованию. Отсутствие предмета преступления только тогда служило основанием освобождения лица от уголовного преследования, когда предмет не существовал в действительности или был безусловно негодный, то есть не имел тех свойств и качеств, лишение которых было целью предпринятых действий. В то же время случайное отсутствие той вещи, на которую было направлено действие, не лишает его преступного характера. Поэтому взлом замка в риге с целью кражи находящегося там хлеба, которого на момент проникновения не было, является покушением на кражу со взломом.¹ При этом, учитывая, что согласно ст.114 Уложения 1885г. покушение на преступление наказывалось менее строго, чем оконченное преступление, при ошибке в личности потерпевшего действовало правило, сформулированное в ст.1456: «Кто, имея намерение нанести кому-либо смерть, вместо того лица по ошибке или иному случаю лишит жизни другого, тот подвергается тому же самому наказанию, которому он должен подвергнуться, если бы умертвил того, на жизнь кого имел умысел». Таким образом, лицо, задумавшее убить отца и вместо отца по ошибке убившее другое постороннее лицо, наказывается как отцеубийца. Но это положение закона, относящееся специально к убийству, не распространялось на другие преступления в случае ошибки.² Таким образом, в статье было сформулировано как исключение правило, что при ошибке в объекте при совершении убийства действия виновного следует квалифицировать не по наступившим последствиям, а в зависимости от направленности умысла.

В последующем в Уголовном уложении 1903 г. правило квалификации при посягательстве на «отсутствующий» или «негодный» объект получило законодательное закрепление. Так, в ст.47 отмечалось: «Не почитается преступным деяние, направленное на предмет, не существующий или очевидно негодный для учинения того рода преступного деяния, которое замыслено». Не существующими объектами признавались не только не существующий физически предмет, но и предмет, не существующий юридически, то есть не имевшие тех свойств или качеств, против юридической охраны которых направленно преступное действие. На основании этого нельзя говорить об убийстве лица, находящегося в это время в другом городе, так как не может быть нападения на личность. Но выстрел в комнату, не приведший к ожидаемым преступником по-

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. СПб., 1912. С.20-21.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. С.21, 829.

следствиям только потому, что жертва стояла в стороне, является наказуемым покушением.¹ Как писал Н.Д. Сергиевский, «Преступное деяние, являясь по своей отвлеченной природе нарушением норм закона и посягательством на интересы всего правопорядка, в конкретной своей форме всегда заключает в себе конкретный вред или конкретную опасность».²

В настоящее время посягательство на «отсутствующий» объект признается преступлением. Так, в процессе ссоры с Пановым Грунтман ударил его молотком в висок, в результате чего наступила смерть потерпевшего. Через некоторое время в вагончик, где лежал труп Панова, зашел Строганов и, увидев лежащего на кровати Панова, испытывая к нему неприязненные чувства, ударил его топором по голове. Строганов был осужден по ст.15 и ч.1 ст.103 УК РСФСР (ч.3 ст.30 ч.1 ст.105 УК РФ).³

По этому поводу очень интересными являются результаты анкетирования 100 сотрудников правоприменительных органов (следователей Следственного комитета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, следователей и дознавателей МВД России), которым были заданы два вопроса: 1. Как Вы считаете, являются ли общественно опасными такие действия, как выстрел в труп, если субъект полагал, что стреляет в живого человека с целью его убийства? 2. Если указанные выше действия являются общественно опасными, укажите, в чем выражается их общественная опасность, кому в этом случае причиняется вред. На первый вопрос положительно ответили 89 человек и только 11 отрицательно. Из 89 человек 38 затруднились ответить, кому причиняется вред и в чем выражается общественная опасность указанных действий, 5 человек отметили, что общественная опасность указанных действий выражается в наличии прямого умысла у лица и что вред причиняется обществу, 14 человек не отметили, в чем выражается общественная опасность действий, указав, что вред причиняется жизни и здоровью потерпевшего, 33 человека указали, что общественная опасность выражается в наличии у лица умысла на убийство, не указав, кому причиняется вред. Таким образом, квалификация выстрела в труп как покушения на убийство основывается на широком понимании общественных отношений, как типизированных устойчивых связях.

---

¹ Уголовное Уложение 1903 г. СПб., 1904. С.90-92.

² Сергиевский Н.Д. Указ. соч. С.291.

³ Дело № 04-12. Архив Новгородского областного суда за 1995 г. Пример взят из Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления : монография. СПб., 2004. С.134.

Как было отмечено ранее, в теории уголовного права дореволюционного периода объект преступления рассматривался в единстве формальной (нарушение норм права) и материальной (посягательство на определенное благо) стороны. Обе эти составляющие объекта должны быть в каждом преступлении. При отсутствии хотя бы одного из них не может быть речи о преступлении. Поэтому не наказуемым признавалось посягательство на несуществующее материальное благо.¹ Таким образом, объект преступления рассматривался в единстве формального и содержательного аспектов.

Однако, несмотря на это, в литературе советского периода отмечалось, что в нормативной теории объекта преступления исчезает всякое указание на реальное общественное содержание объекта преступления в буржуазном уголовном праве.² «Анализ различных точек зрения, высказанных в теории уголовного права дореволюционного периода, – по мнению Ю.А. Денисова, – позволяет сделать вывод о неудовлетворительности формального понимания объекта преступления. Наряду с нарушением правовой формы, преступление посягает на определенное содержание, которое интерпретируется как интерес, благо, отношение».³ Аналогичной критике идеи объекта как двухаспектного явления, подвергаются и в литературе постсоветского периода. Так, по мнению А.В. Наумова, «нормативная теория объекта преступления, рассматривающая уголовно-правовую норму в качестве объекта преступления, отвлеклась от реального содержания тех благ (интересов), которые охраняются уголовно-правовой нормой от преступных посягательств».⁴ Именно поэтому, по мнению Г.А. Бушуевой, формально-юридическая теория объекта преступления оказалась нежизнеспособной, так как наряду с нарушением правовой нормы преступник посягает на общественные отношения, интересы, блага. «Этот момент, – как отмечает Г.А. Бушуева, – улавливается учеными, и окончательную проработку получил в советский период, когда общая теория права и особенно уголовное право достигли такого уровня, который позволил определить, что объектом преступления являются общественные отношения».⁵

---

¹ Розин Н.Н. Указ. соч. С.130, 288-289.

² Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. – С.151.

³ Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. М., 1984. С.119-120.

⁴ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций / А.В. Наумов. М., 1996. С.149.

⁵ Российское уголовное права. Курс лекций. Т.1. Преступление / Под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. С.298-299.

Представляется, что эта критика основывается на упрощенном понимании нормативной теории объекта преступления. «Если мы будем в преступлении видеть только посягательство на норму, – писал Н.С. Таганцев, – на веления правопроизводящей авторитетной воли, создающей для одной стороны право требовать подчинения, будем придавать исключительное значение моменту противоправности учиненного, то преступление делается формальным, жизненепригодным понятием, напоминающим у нас воззрения Петра Великого, считавшего и мятеж, и убийство, и ношение бороды, и срубку заповедного дерева равно важными деяниями, достойными смертной казни, ибо все это виновный делал, одинаково не страшась царского гнева».¹

Для подтверждения слов Н.С. Таганцева сравним положения Уложения 1885 г. и уголовно-правовых актов советского периода. Так, в Уложении 1885 г. ответственность за кражу была предусмотрена более чем в 10 статьях, в зависимости от способа места, наличия оружия, размера причиненного ущерба, количества совершенных краж. Соответственно за каждый вид кражи было предусмотрено и различное наказание. В то же время, согласно закону ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», смертная казнь вне зависимости от размера похищенного и способа совершения преступления применялась за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте, а также за хищение колхозного и кооперативного имущества. Несмотря на то, что теория непосредственного объекта как общественного отношения стала развиваться именно после принятия этого закона, о чем будет сказано далее, вместе с тем данный запрет как раз и является примером проявления нормативной теории объекта преступления, которую критиковал А.А. Пионтковский. Это обосновывалось абсолютизацией значения объекта преступления в советском уголовном праве. «Действительным показателем общественной опасности, – писал Н.И. Загородников, – выступает в первую очередь его объект. Каковы бы ни были средства посягательства, какова бы ни была форма вины преступника, какова бы ни была личность совершившего преступление, главным и определяющим в опасности преступного действия будет тот объект, на который эти действия направлены».² «Общественная опасность, – писал Н.Д. Дурманов, – зависит от

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. С.33.

² Загородников Н.И. Указ. соч. С.15.

важности объекта, на который направлено посягательство».¹ Объект преступления показывает степень общественной опасности преступления и выступает решающим признаком, определяющим размер назначаемого судом наказания. В ряде случаев качественные особенности объекта преступления непосредственно оказывают влияние на определяемую судом меру наказания.² Именно объект стал выражать характер общественной опасности деяния, посягающего на него, а размер вреда, причиненного объекту, стал основным критерием определения степени общественной опасности деяния.³

Таким образом, нормативную теорию объекта нельзя рассматривать в упрощенном виде, представляя совершение преступления как формальное нарушение нормы права. Признавая наличие двух объектов преступления фактического (в социальном смысле) и юридического (в правовом смысле), можно сделать вывод, что объект преступления в социальном смысле обуславливает вредоносность деяния, а в правовом смысле – его противоправность.⁴

Также следует отметить значение нормативной теории объекта преступления на структуру Особенной части Уложения 1885 г. и Уголовного уложения 1903 г. и форму описания преступления. Так, в некоторых случаях нормы Уложения 1885 г. были сгруппированы по признаку консолидации, когда в одной главе были сгруппированы нормы, предусматривающие ответственность за совершение деяний в одной сфере жизнедеятельности. Так, например, в первом отделении главы восьмой «О нарушении постановлений о казенных лесах», в ст.822, была предусмотрена ответственность за укрывательство или покупку заведомо похищенного или самовольно срубленного другими леса (частный случай преступления, предусмотренного ст.175 УК); в ст.823 – за угрозу лесным чинам или страже (частный случай совершения преступления, предусмотренного ч.1 ст.318 УК РФ); в ст.825 ответственность лесных чиновников за упушения по службе (частный случай совершения преступления, предусмотренного ст.293 УК РФ); в ст.826 ответственность за занятие лесными чинами лесной или иной рода предпринимательской деятельностью (частный случай совершения преступления, предусмотренного ст.289 УК РФ); в ст.827 ответст-

---

¹ Дурманов Н.Д. Указ. соч. С.132.

² Загородников Н.И. Указ. соч. С.23.

³ Трухин А.М. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления // Вестник Красноярского гос. университета. Гуманитарные науки. 2001. №1. С.67.

⁴ Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности. Омск, 2008. С.7.

венность лесных чинов за применение без явной необходимости оружия для поимки лесных преступников, если кому-либо будет при этом причинено увечье, рана или смерть (частный случай совершения преступления, предусмотренного ст.286 УК РФ); в ст.829 ответственность просрочку отправки денег, полученных за заготовку леса.¹ Нормативная теория объекта преступления выражалась в названии некоторых глав. Так, глава VIII Уложения 1885 г. называлась «О нарушении постановлений о воинской и земских повинностях». Согласно комментарию к ст.138, предусматривающей ответственность за неисполнение обязательного постановления, за неисполнение которого законом не определено особое наказание, находившейся в главе шестой «О неповиновении власти», объектом данного преступления являлись постановления, предписания, издаваемые органами власти, на то уполномоченными.²

В Уголовном уложении 1903 г. в главе двадцать девятой «Об оглашении тайн», в ст.541 была предусмотрена ответственность для лиц, обязанных по своему званию хранить в тайне доверенные ему сведения и разгласивших эту тайну, что могло причинить имущественный ущерб или опозорить лицо, которому эта тайна принадлежала. В настоящее время по УК РФ ответственность за указанные действия предусмотрена в ч.2 ст.137, ст.155 УК РФ. В ст.543 Уложения 1903 г. была предусмотрена ответственность служащего или рабочего, работающего на заводе, фабрике или ином промышленном заведении, за оглашение особых, употребляемых на заводе приемов производства, которые вверены виновному (ч.2 ст.183 УК РФ). В ст.544 Уложения 1903 г. была предусмотрена ответственность лиц, состоящих на службе в кредитном установлении, акционерном обществе или банкирском заведении, за разглашение сведений, составлявших тайну установлений, обществ и заведений. В ст.545 Уложения 1903 г. была предусмотрена ответственность служащего в торговом предприятии за разглашение коммерческой тайны. Следует отметить, что санкции в указанных статьях были одинаковы. Согласно УК РФ такие действия наказуемы по ч.2 ст.183 УК РФ. В настоящее время законодатель также признает преступлением разглашение коммерческой налоговой и банковской тайны, но ответственность за разглашение этих сведений предусмотрена в ст.183 УК РФ.

В главе тридцатой «О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. С.560-563.

² Уголовное уложение 1903 г. – С.247.

или иных предметов» были расположены нормы, предусматривающие ответственность за повреждение имущества. Так, в ст.547 была предусмотрена ответственность за умышленное повреждение чужого имущества (ст.167 УК РФ), ст.549 – ответственность за умышленное повреждение сухопутного или водного пути сообщения (ст.263 УК РФ), в ст.553 – ответственность за повреждение без цели оскорбить святыню, церкви или христианского молитвенного дома, в ст.554 – ответственность за повреждение могилы или надгробного памятника, если эти действия были совершены без цели поругания умершего (ст.243 УК РФ), в ст.556 – ответственность за повреждение телефона или телеграфа, в ст.550 – была предусмотрена ответственность за повреждение публичного памятника, предмета науки и искусства (ст.243 УК РФ), а также склада воинских боеприпасов и гидротехнических сооружений. При этом законодатель не указывал на цели действий виновного, как это сделано в УК РФ 1996 г., когда такие действия, если они совершены с определенной целью, следует квалифицировать как диверсию (ст.281 УК РФ) и терроризм (ст.205 УК РФ). В ст.557 была предусмотрена ответственность за повреждение служащих для водного пользования водного пути, шлюза, водоспуска, плотины, моста или иного сооружения для переправы, судоходства или предупреждения наводнения, если это повреждение повлекло наводнение или остановку в сообщении (ст.263 УК РФ), в ст.558 – ответственность за повреждение железнодорожного пути или подвижного состава железной дороги, парохода или морского судна, предостерегательного знака, что влекло нарушение безопасности железнодорожного движения или плавания. Аналогичным образом, в зависимости от предмета, были сформулированы нормы, предусматривающие ответственность за хищение. Так, в главе 32 «О воровстве, разбое и вымогательстве», в ст.582 была предусмотрена ответственность за воровство имущества из разрытой или поврежденной для похищения могилы; казенного воинского оружия, патронов, пороха из складов или войсковых хранилищ или помещений (ст.226 УК РФ).

В то же время в Уложении 1885 г. несмотря на наличие норм, предусматривающих ответственность за похищение чужого имущества (ст.ст.1626-1664), отдельно в разделе втором «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих их постановлений», главе четвертой «О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел», в ст.ст.221-227 была предусмотрена ответственность за похищение церковных вещей и денег из церкви, часовень или церковных хранилищ. Таким образом, объект преступле-

ния указывался через социальные свойства предмета преступления посредством описания места совершения преступления.

Следует отметить, что в тех случаях, когда отсутствовал предмет, воздействие на который составляло преступление, законодатель группировал нормы в зависимости от тождественности объективной стороны преступления. Так, в главе двенадцатой «О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие» Уголовного уложения 1903 г. наряду со ст.262, предусматривающей ответственность за учинение шума, крика или бесчинства в публичном месте или в общественном собрании или в иных местах, но с нарушением общественного спокойствия или порядка, в ст.264 была предусмотрена ответственность за распространение на бирже или среди других лиц, занимающихся биржевыми операциями, ложного слуха, заведомо могущего повлиять на заключение биржевых сделок. Таким образом, если ст.262, в ее современном понимании, предусматривала ответственность за посягательство на общественный порядок, то действий, предусмотренные ст.264, причиняли вред в сфере экономических отношений.

Таким образом, дореволюционный законодатель рассматривал определенную информацию, содержащую тайну, и имущество как предметы преступления, которые служили критерием построения Особенной части Уголовного Уложения 1903 г. Кроме этого, при описании деяния, являющегося преступлением, указывалось, что виновный наказывается. Именно в этом на законодательном уровне и проявлялась нормативная теория объекта преступления. Возможно, деление Особенной части Уголовного Уложения 1903 г. на главы, в зависимости от предмета преступления и казуального описания объективной стороны, с одной стороны, и облегчало применение его положений, но в то же время это приводило к его громоздкости. Так, Особенная часть Уголовного Уложения начиналась со ст.73 и заканчивалась ст.687. В настоящее время законодатель рассматривает предметы материального мира как выражение соответствующих общественных отношений, выступающих объектом преступления, вследствие чего ответственность за повреждение имущества предусмотрена в различных главах Особенной части УК РФ, что позволило значительно сократить количество статей.

Кроме выделения предмета преступления, в теории права того времени выделяли и такой признак объекта, как потерпевший. В отличие от современного законодательства в нормативных актах того периода определение потерпевшего не давалось. Так, согласно п.1 ст.42 Устава уголовного судопроизводства мировой судья приступает к разбирательству дела по жалобе частных лиц, потерпевших вред или убытки. Согласно ст.48 этого нормативного акта

лица, потерпевшие от преступного действия вред или убытки, могут обращаться прямо в местную полицию.¹ В теории уголовно-процессуального права выделяли и признаки вреда потерпевшему. «Преследуя главнейшую цель уголовного суда, – отмечал М.В. Духовский, – охрану государственного или общественного интереса, нарушенного преступлением, государство не должно забывать при этом и интересов лица, потерпевшего от данного преступного деяния. Вред для этого лица может быть двойкий: материальный и моральный».² Таким образом, потерпевший рассматривался как выражение причиненного вреда интересам лиц или организаций. По мнению С.М. Викторского, под понятие «потерпевший» подходят лица: 1) непосредственно пострадавшие материально; 2) страдающие идеальными, репутацией, например, представители железнодорожного общества из-за взяток; могущие еще только пострадать, например, выстроившие себе дом, грозящий падением; 4) законные представители непосредственно пострадавшего. При этом потерпевшими могут быть как собственник, так и управляющий.³ Потерпевшим признавались все лица, которым преступлением был причинен какой-либо вред – материальный или нематериальный, наличный или только юридически возможный, выражающийся в нарушении прав их самих или близких как имущественного, так и личного характера. Раскрывая содержания юридически возможного вреда, И.Я. Фойницкий приводил пример, когда страховое общество может выступить обвинителем по делу о поджоге застрахованного у него строения, хотя требование об уплате страховой премии ему еще предъявлено не было.⁴ Таким образом, потерпевшим признавалось лицо, в отношении которого было совершено приготовление к преступлению или покушение на него, когда материальный (осязаемый) вред еще не был причинен. Наличие потерпевшего при покушении признавалось и другими авторами.⁵ Таким образом, в качестве потерпевших признавались не только физические, но и юридические лица, юридическим фактом появления потерпевшего считалось совершение как оконченого преступления, так и приготовление к нему. Кроме этого, исходя из задач уголовного процесса, потерпевшими признавались и близкие лица, в отношении которого было совершено преступление.

---

¹ Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1909. С.15;171.

² Духовский М.В. Русский уголовный процесс М., 1908. С.182.

³ Викторский С.М. Русский уголовный процесс. М., 1911. С.162.

⁴ Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. СПб., 1995. С.21.

⁵ Фон-Резон А. О преступлениях, наказуемых только по жалобе потерпевшего по русскому праву. СПб., 1882. С.130.

Представители материального уголовного права рассматривали понятие потерпевшего несколько в ином аспекте. По мнению Н.С. Таганцева, потерпевшим от преступления является прежде всего обладатель того правоохраняемого интереса, который непосредственно повредил или поставил в опасность преступник. При этом безразлично, будет таким обладателем единичное лицо, совокупность лиц, составляющих или не составляющих юридическое лицо, включая сюда и само государство как держателя прав и интересов. Вред, причиненный лицу, может быть материальный (имущественный) или идеологический, не находящий осязаемого выражения.¹ Свойства потерпевшего учитывались и при конструировании норм Особенной части Уголовного уложения 1885 г., как средство дифференциации ответственности. Так, согласно ст.1449 виновный в убийстве отца и матери подвергался лишению всех прав состояния и каторжной работе без срока. В ст.1452 была предусмотрена ответственность за убийство беременной женщины, при этом санкция статьи предусматривала лишение всех прав и состояний и ссылку на каторгу от 15 до 20 лет или без срока. Кроме этого потерпевший рассматривался как признак, характеризующий объект преступления как элемент его состава. Наиболее четко признаки, характеризующие потерпевшего в уголовном праве, указал Л.Я. Таубер, который выделял следующие признаки, отграничивающие юридическое понятие потерпевшего от его бытового понятия. Во-первых, вред должен быть причинен именно тому интересу, который охраняется данной нормой. Во-вторых, он должен быть причинен тому лицу, которое является носителем определенного интереса, охраняемого определенной нормой. Далее автор поясняет эти признаки. Например, лицо, ставшее жертвой мошенничества и потерявшее все свое состояние, вынуждено жить с членами своей семьи в таких условиях, что у них развиваются тяжелые хронические заболевания, которые приводят к смерти одного из них. Однако потерпевшим в юридическом смысле следует признавать только главу семьи, так как норма, предусматривающая ответственность за мошенничество, охраняет имущественные интересы главы семьи, а не ее членов. Такое положение обосновывалось тем, что невозможно вменить лицу, совершившему мошенничество, смерть близких лица, ставшего жертвой его преступления, в силу невозможности установления причинно-следственной связи между его деянием и последствиями в виде смерти и вины по отношению к их смерти. Члены семьи потер-

---

¹ Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т.2 / Н.С. Таганцев. – М., 1994. – С.13.

певшего не являются даже потерпевшими с точки зрения гражданского права. Далее Л.А. Таубер поясняет второй признак, рассматривая его на следующем примере. Главе семьи причинено увечье, мешающее ему работать, вследствие чего остальные члены его семьи пострадали в своих имущественных правах, но юридически потерпевший также будет один – лицо, получившее увечье, так как ответственность за причинение увечья предусмотрена нормой, охраняющей здоровье человека. При этом в случае смерти потерпевшего его близкие признавались потерпевшими, но не с позиций уголовного права, а с точки зрения гражданского права, так как опять же невозможно установить причинно-следственную связь между его деянием и последствиями в виде смерти и вину по отношению к смерти.¹ Таким образом, в данном случае речь идет не просто о потерпевшем, как о проявлении причиненного преступлением вреда, а как о признаке, характеризующем объект преступления как элемент его состава.

Следует обратить внимание на то, что в ст.1534 Уголовного Уложения 1885 г. была предусмотрена ответственность за нанесение личной, каким-либо оскорбительным действиям, обиды отцу или матери или иному родственнику по прямой восходящей линии, в ст.1535 была предусмотрена ответственность за клевету не только в отношении самого лица, но и в отношении жены или членов семьи.² Таким образом, потерпевший был четко указан на законодательном уровне, тем самым были конкретизированы последствия преступления, что упрощало применение закона. Следует отметить, что в настоящее время дискутируется вопрос о наличии или отсутствии состава клеветы и оскорблении в отношении родственников и близких лица. По мнению ряда авторов, в качестве потерпевших следует признавать родственников умершего, когда в отношении него распространяются заведомо ложные сведения, которые задевают честь и достоинство живущих.³ Однако, по мнению В.Б. Поезжалова, если речь идет о распространении заведомо ложных, порочащих сведений в отношении умершего либо об оскорблении памяти о нем, то нормы о клевете и оскорблении неприменимы. На основании чего, указанный автор полагает, что УК РФ следует дополнить статьей, предусматривающей ответственность за клевету, диффамацию или оскорбление, совершенные

---

¹ Таубер Л.Я. Понятие потерпевшего в уголовном праве // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1907. №5. С.1-3.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. С.890-891.

³ Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С.75.

в отношении умершего.¹ Следует отметить, что Н.И. Коржанский также предлагает выход из создавшегося положения, заключающийся в том, что норма об оскорблении должна содержать следующую формулировку: «Клевета, то есть распространение заведомо ложных измышлений, позорящих другое лицо либо родных и близких этого лица».²

Подводя предварительные итоги, следует отметить, что учение об объекте преступления в теории уголовного права дореволюционного периода было достаточно разработано, что нашло свое отражение в законодательстве. Постепенно в теории уголовного права происходило разграничение таких понятий как объект и предмет преступления. Под объектом преступления понимали конкретные общественные отношения между определенными субъектами, хотя на уровне понятия преступления объектом признавалось все общество. «Только мало-помалу, – писал Н.С. Таганцев, – развивалось понятие, что за пострадавшим стоит общество, властно определяющее взаимные отношения отдельных граждан, гарантирующие отдельному лицу неприкосновенность его благ и интересов, требующее от каждого подчинения своим запретам, что поэтому за конкретным вредом, причиненным преступным деянием, стоит идеальный вред, причиненный общественному миру и порядку».³ Таким образом, одной из причин возникновения концепции «объект преступления – общественные отношения» явилось понимание того, что преступление, в конечном счете, причиняет вред не только одному конкретному субъекту, а всему обществу в целом. Условно ее можно назвать социологической причиной.

В то же время на уровне анализа конкретного преступления речь шла о предмете преступления в современном его понимании. Это объясняется отсутствием практической необходимости разработки общественных отношений как объекта преступления в качестве элемента его состава. Так, Особенная часть Уголовного Уложения 1845 г. состояла из 2043 статей,⁴ в Особенной части Уголовного уложения 1885 г. по подсчетам А.В. Наумова содержалось до 1711 статей,⁵ а Особенная часть Уголовного уложения 1903 г.

---

¹ Поезжалов В.Б. Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С.16.

² Коржанский Н.И. О недостатках уголовно-правовой охраны чести и достоинства личности // Труды ВСШ МВД СССР. Вып.3. Волгоград, 1970. С.45.

³ Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Т.1. М., 1994. С.51.

⁴ Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С.171.

⁵ Наумов А.В. Указ. соч. С.68.

состояла уже из 611 статей,¹ при этом каждая статья в отличие от УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. состояла, как правило, из одной части и отличалась казуальностью их изложения. По мнению Г.Н. Борзенкова, количественное сравнение Уголовного уложения 1903 г. с УК РСФСР и проектом УК РФ показывает, что тенденция к переходу от чрезмерно казуистических норм к более общим оказалась весьма устойчивой в отечественном уголовном законодательстве.²

В то же время, по мнению Н.И. Коржанского, многие статьи УК РСФСР не имеют достаточно четких пределов со стороны объекта преступления, одна и та же норма охватывает деяния, посягающие на различные видовые объекты, что затрудняет применение уголовно-правовых норм. Поэтому для облегчения пользования Уголовным кодексом его структуру целесообразно строить таким образом, чтобы в одной статье содержалась одна уголовно-правовая норма или нормы, посягающие на один и тот же видовой объект.³

Однако, как было показано на примере Уголовного уложения 1903 г., реализация идеи, предлагаемой Н.И. Коржанским, приведет к значительному увеличению количества норм Особенной части Уголовного кодекса. Таким образом, одной из причин появления концепции «объект преступления – общественные отношения» является отход законодателя при описании норм Особенной части казуальным способом к описанию составов преступлений более обобщенно. Условно эту причину можно назвать причиной законодательного характера. Необходимость разрабатывать концепцию «объект преступления – общественные отношения» возникла тогда, когда законодатель стал постепенно отказываться от казуального изложения уголовно-правовых запретов и переходить на более абстрактные формулировки.

Таким образом, подводя итог развитию учения об объекте преступления в дореволюционный период, можно отметить, что на уровне непосредственного объекта в современном его понимании объект преступления отождествлялся с предметом преступления. В качестве элемента состава преступления объект преступления рассматривался как двухаспектное явление, характеризующееся формальной (нарушение запрета государства, выраженного в пра-

---

¹ Наумов А.В. История создания и общая характеристика Уголовного уложения 1903 г // Вестник МГУ., Серия 11. Право. 1993. №5. С.30.

² Борзенков Г.Н. Имущественные преступления в Уголовном уложении 1903 г // Вестник МГУ., Серия 11. Право. 1993. №5. С.46.

³ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С.201.

вовой норме) и содержательной (характеризующей благо, которому непосредственно причинен вред) сторонами. В структуре состава преступления выделялись потерпевший, а также предмет преступления как определенное материализованное или идеальное благо, признаки которого были подробно описаны в диспозиции нормы. Анализ структуры Особенных частей Уложения 1885 г. и Уголовного уложения 1903 г. и казуальность формулировок уголовно-правовых норм позволяют сделать вывод, что разрабатывать объект преступления как элемент его состава в виде общественных отношений не было необходимости.

В то же время применительно к общему понятию преступления уже было понимание, что преступление причиняет вред всему обществу, соответственно это послужило одной из предпосылок зарождения теории объекта преступления как общественных отношений. Кроме этого, предпосылкой появления концепции объекта преступления как общественных отношений послужило то обстоятельство, что на уровне конкретного преступления объектом признавались отношения, существующие между конкретными субъектами по поводу определенных ценностей, либо субъективное право. Это позволяет сделать вывод, что уже на уровне конкретно существующего отношения происходило выделение его структуры. С целью конкретизации объекта преступления в теории уголовного права дореволюционного периода была разработана теория объекта преступления как правоохраняемого интереса. Под интересом понимали возможность пользоваться определенными благами (здоровьем, имуществом).

1.2. РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

В советское время в теории уголовного права, начиная с 1920-х гг., начинает доминировать концепция, согласно которой под объектом преступления понималась совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Так, в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. в ст.1 отмечалось, что право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой. В ст.2 указывалось, что уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания). Вследствие чего преступлением признавалось нарушение порядка общественных отношений, охра-

няемых уголовным правом (ст.5). Согласно ст.6 УК РСФСР 1922 г. преступлением признавалось действие или бездействие, угрожающие основам советского строя и правопорядку, установленному Рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени. Тем самым, по мнению А.А. Пионтковского, на законодательном уровне было закреплено положение о том, что объектом преступления выступают общественные отношения.¹ Почти аналогичное определение преступления было сформулировано и в ст.6 УК РСФСР 1926 г., где отмечалось, что общественно опасным признаются всякое действие или бездействие, направленные против советского строя или нарушающие правопорядок, установленный Рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени.² Таким образом, произошел отказ от определения преступления на законодательном уровне через такой признак, как противоправность. Данное положение базировалось на признании того факта, что преступление причиняет вред не конкретному субъекту, а всему обществу. Обоснование этого положения было сделано еще в дореволюционный период, когда отмечалось, что всякое нарушение права отдельного лица есть вместе с тем правонарушение общественное, поэтому всякое причинение вреда мыслится как преступное деяние против всего общества, даже если оно нарушало непосредственно интересы только частного лица.³ Таким образом, учение об общественной опасности преступления зародилось и получило свое развитие не в рамках социалистического уголовного права, а в теоретических работах представителей социологической школы буржуазного уголовного права и прижилось в теории и законодательстве отечественного уголовного права.⁴

В то же время при анализе конкретных составов преступлений, когда речь шла о непосредственном объекте, четко прослеживалась тенденция отождествления объекта преступления с его предметом, под которыми понимались определенные блага, что характерно для дореволюционного права. Так, А.А. Пионтковский, отмечавший в учебнике по Общей части уголовного права, что объектом всякого преступления являются общественные отноше-

---

¹ Пионтковский А.А. Учение о преступлении. С.135.

² Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). М., 1938. С.58, 103, 230.

³ Сергиевский Н.Д. Указ. соч. 80; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т.1. С.51.

⁴ Наумов А.В. Обновление методологии науки уголовного права // Сов. гос. и право. 1991. №12. С.28.

ния, охраняемые аппаратом уголовно-правового принуждения,¹ в то же самое время при анализе составов преступлений, предусмотренных ст.ст.113, 185 УК РСФСР, писал, что *объектом* присвоения является чужое *имущество*.² А.А. Жижиленко, в монографии, «Имущественные преступления», рассматривая общее понятие имущественных преступлений, также писал: «Особенностью этих преступлений является то, что они направляются на правовые блага, могущие принадлежать как индивиду, так и коллективу, как личности, так и обществу, причем природа их не меняется от того, является ли в отдельном случае предметом преступления благо, принадлежащее человеку или обществу. Такими правовыми благами являются, с одной стороны, имущество в собственном смысле, с другой – так называемые нематериальные блага, имеющие отчасти личный, неимущественный характер ...».³ Как имущественное благо рассматривал объект мошенничества и М.Д. Шаргородский.⁴ В другой своей работе, «Преступления против жизни и здоровья», опубликованной в 1947 году, объектом убийства он признавал жизнь человека, без упоминания об общественных отношениях.⁵

Таким образом, признание объектом преступления определенных благ или имущества объяснялось традициями и воззрениями дореволюционной школы уголовного права, что повлияло на структуру Особенных частей Уголовного кодекса РСФСР 1922 и 1926 гг., которые были тождественны со структурой Особенной части Уложения 1885 г. Кроме этого, расположение некоторых норм по главам Особенной части в УК РСФСР 1922 и 1926 гг., а также описание отдельных преступлений соответствовали дореволюционному законодательству. Поэтому нельзя полностью согласиться с мнением Н.И. Загородникова о том, что новая власть отказалась от использования достижений отечественной правовой науки.⁶ Отказ выразился лишь в упрощении системы законода-

---

¹ Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924. С.129-130.

² Пионтковский А.А. 113-ая и 185-ая статьи Уголовного кодекса. В кн.: Растрата и растратчики. М., 1926. С.9.

³ Жижиленко А.А. Имущественные преступления. Ленинград, 1925. С.7.

⁴ Шаргородский М.Д. Мошенничество в СССР и на Западе. Харьков, 1927. С.79.

⁵ Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С.31.

⁶ Загородников, Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовной политики и уголовного права : межвуз. сборник научн. трудов. М., 1994. С.7.

тельства. Так, Особенная часть УК РСФСР 1922 г. состояла из восьми глав, которые в свою очередь содержали 169 статей.

Структура УК РСФСР 1922 г. была практически перенесена в УК РСФСР 1926 г. Нормы, предусматривающие ответственность за воздействие на предметы материального мира, в основном были сгруппированы в Главе VII «Имущественные преступления». Кроме этого, ответственность за хищение огнестрельного оружия была предусмотрена в ст.166-а (в главе «Имущественные преступления»), в то время как ответственность за хищение огнестрельного оружия, частей к нему и огневых припасов со складов и хранилищ, принадлежащих Рабоче-Крестьянской Красной Армии, была предусмотрена в ст.59-3а (в главе «Особо опасные преступления против порядка управления»). Ответственность за похищение, повреждение или уничтожение официальных или частных документов была предусмотрена в ст.78 УК РСФСР, ответственность за умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям, а также общественным организациям, была предусмотрена в ст.79 УК РСФСР (глава «Иные преступления против порядка управления»)¹. Несмотря на то, что в ряде случаев законодатель уже выделял социальные свойства предметов преступлений, что влияло на расположение норм в системе Особенной части УК РСФСР, в то же время по-прежнему не было никакой практической необходимости разрабатывать понятие непосредственного объекта имущественных преступлений как общественных отношений и выделять предмет преступления. В этом случае действительно имущество выступает объектом (предметом) преступления. При этом следует уточнить понятие имущества и механизм причинения вреда объекту преступления. Под имуществом при хищении или его уничтожении следует понимать не только изымаемый или повреждаемый предмет, а совокупность всей имущественной массы, находящейся в определенном фонде, который реально уменьшается за счет похищения той или иной вещи. Именно в этом смысле имущество выступает в качестве объекта (предмета) преступления.²

Тенденции к признанию в качестве непосредственного объекта преступления общественных отношений и выделения предмета преступления начинают формироваться в 1930-е гг. применительно к имущественным преступлениям. К середине 1930-х гг. в советской уголовно-правовой и криминологической теории стала

---

¹ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). С.244, 248.

² Емельянов В.П. Концептуальные аспекты исследования объекта преступления // Право и политика. 2002. №10. С.69.

господствовать идея, что посягательство на социалистическую собственность представляет особую опасность для советского государства, поскольку создает угрозу экономической основе СССР. Это нашло отражение в Конституции СССР 1936 г., где в ст.131 отмечалось: «Лица, покушавшиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».¹

После принятия постановления от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» возникла необходимость выделять такие объекты преступлений, как государственная собственность и собственность граждан. Как отмечалось в литературе, исследование вопроса об объекте и предмете преступлений против социалистической и личной собственности имеет большое теоретическое значение. Правильное решение этого вопроса должно оказать существенную помощь судебной практике и будет способствовать укреплению социалистической законности.² Именно на примере разграничения преступлений против социалистической собственности и преступлений против личной собственности граждан В.Н. Кудрявцев указывал на необходимость разграничения объекта и предмета преступления.³ По мнению Б.С. Никифорова, «... собственность и имущество, образуя единство, в то же время не представляют собой тождества. Поэтому криминалист не может не различать собственность как объект преступления от имущества, материального выражения собственности, предмета этих преступных посягательств».⁴

Признание объектом преступления общественных отношений получило свое закрепление и в учебной литературе. Так, в учебнике по Общей части указывалось, что советское уголовное право охраняет систему общественных отношений, установленных в советском государстве рабочих и крестьян, являющихся по советскому уголовному праву объектом преступлений. Поэтому любое преступление в той или иной форме посягает на общественные отношения, установленные в СССР. Вследствие чего нормативная теория объекта преступления и теория объекта преступления как

---

¹ Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск, 1999. С.71.

² Комахидзе М.Х. Об объекте имущественных преступлений // Сов. гос. и право. 1955. №6. С.71.

³ Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Сов. гос. и право. 1951. №8. С.52.

⁴ Никифоров Б.С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. М., 1952. С.25.

правового блага и интереса признавались идеалистическими и буржуазными, так как взгляд на преступление как на нарушение нормы не вскрывает его истинной природы как классового явления. В то же время, выделяя кроме общего объекта преступления и непосредственный объект, авторы учебника на уровне непосредственного объекта ничего не говорили об общественных отношениях. Так, отмечая, что убийство и клевета, хотя и имеют общий объект – личность, но по степени общественной опасности, которая определяется непосредственным объектом, различны, потому что посягательство на личность при убийстве характеризуется посягательством непосредственно на жизнь человека, при клевете тоже происходит посягательство на личность, но иным путем – посредством посягательства на честь и достоинство личности. Поэтому непосредственным объектом выступает честь и достоинство личности. Следует отметить, что применительно к непосредственному объекту преступления речь уже шла об объекте преступления как элементе его состава, так как в учебнике отмечалось, что составы некоторых преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РСФСР, предполагают наличие двух непосредственных объектов посягательства. Так, при совершении преступления, предусмотренного ст.95 УК РСФСР (заведомо ложный донос органу судебно-следственной власти), виновный посягает на два объекта. Первый – правильная деятельность судебно-следственных органов, так как ложный донос связан с дезорганизацией деятельности указанных органов власти, второй – интересы отдельной личности, так как в результате ложного доноса человек может напрасно испытать на себе все тяготы судебного преследования. При этом если по УК РСФСР 1926 г. ответственность за заведомо ложный донос была предусмотрена в главе «Преступления против порядка управления», то по УК Узбекской ССР этот состав находился в главе «Преступления против личности». Это объясняется тем, что важность непосредственного объекта устанавливается исходя из субъективного представления законодателя.¹

В это же время в теории уголовного права начали формироваться взгляды на то, что определенные овеществленные блага, признаваемые в качестве объекта преступления, должны рассматриваться как выражение определенных свойств в системе общества. Так, Д.Н. Розенберг, выделяя в предметах материального мира экономические свойства, отмечал, что хотя письма, грамоты, паспорта представляют определенную ценность и их хищение в отдельных случаях при определенных условиях достигает такой сте-

---

¹ Уголовное право. Общая часть. М., 1938. С.244-248.

пени общественной опасности, что должны быть криминализованы, но, тем не менее, они лежат вне понятия имущественных преступлений. В связи с этим хищение документов у частных лиц нельзя рассматривать как имущественное преступление. Документ является предметом имущественного преступления только тогда, когда он является выразителем имущественных прав. Разграничение объекта и предмета преступлений против собственности, по мнению указанного автора, позволяло решить вопрос об отграничении этой категории преступлений от сходных преступлений.¹

Необходимость разграничения объекта – общественных отношений и предметов материального мира проводилась и представителями общей теории права. Как отмечал О.С. Иоффе, «Право не может быть направлено на вещи непосредственно. Однако, оказывая определенное воздействие на поведение людей, оно может обеспечить их активное воздействие на внешние предметы природы. В этом случае объектами действительно выступают вещи, но они выступают не в качестве *объектов прав*, а в качестве *объектов действий*». Поскольку объектом правовой охраны являются общественные отношения, а не вещи непосредственно, то общественные отношения и выступают в качестве объекта правонарушения.²

Вместе с тем, хотя в 1950-е гг. многие ученые считали общим объектом преступления общественные отношения, по отношению к понятию непосредственного объекта высказывались и другие точки зрения. Так, по мнению М.П. Михайлова, концепция непосредственного объекта кражи только как общественного отношения собственности в отличие от предмета кражи – имущества исходит из неправильной предпосылки о возможности существования общественных отношений отдельно от имущества. Имущество – это то, в чем концентрируются общественные отношения и по поводу чего они возникают. Поэтому разграничение непосредственного объекта и предмета кражи носит надуманный и схоластический характер. Учитывая, что имущество и его собственник органически связаны друг с другом, посягательство на имущество является одновременно посягательством и на собственника этого имущества. Право собственности не терпит ущерба от преступного посягательства, так как с обнаружением похищенного имущест-

---

¹ Розенберг Д.Н. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства) // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып.3. Харьков, 1948. С.73-74.

² Иоффе, О.С. Избранные труды: В 4 т. Т.1. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб., 2003. С.135; 298-299.

ва оно должно быть возвращено его законному владельцу. Если непосредственным объектом кражи признать отношения собственности, то суд при рассмотрении уголовного дела должен прежде всего установить наличие права собственности у потерпевшего на это имущество. Понятие имущества как непосредственного объекта кражи не исключает, а наоборот, предполагает более детальный анализ этого объекта.¹ Таким образом, позиция М.П. Михайлова в некоторой степени повторяет идеи С.В. Познышева, отрицавшего признание субъективного права в качестве объекта преступления вследствие того, что собственник в результате хищения права собственности не лишается. Следует отметить, что и Верховный Суд СССР в некоторых своих постановлениях указывал, что имущество является объектом кражи.² По мнению А. Васильева, во многих случаях объектом преступления следует признавать не общественные отношения, а материальное, имущественное выражение соответствующих общественных отношений – имущество или субъекты этих отношений. Признание непосредственным объектом преступления только общественных отношений привело бы к выводу о том, что при убийстве объектом преступления является не живой человек, не его жизнь, а абстракция – общественные отношения, обеспечивающие право на жизнь. «Такое представление о непосредственном объекте, – отмечал указанный автор, – уводило бы нас в область абстракции далеко в сторону от практических задач борьбы с преступностью, требующих конкретной охраны и общественных отношений, и материального выражения этих отношений – имущества и живых людей – субъектов общественных отноше-

---

¹ Михайлов М.П. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой. М., 1958. С.42-46.

² Аналогичным образом в настоящее время Верховный Суд РФ относит имущество как к объекту, так и к предмету преступления как на уровне постановлений по судебной практике по конкретной категории преступлений, так и при рассмотрении материалов уголовных дел. Так, в п.6 постановления Пленума Верховного Суда РФ №5 от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» отмечается: «При определении стоимости имущества, ставшего *объектом преступления*, ... ». В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 декабря 2001 г. отмечено, что *объектом преступления*, предусмотренного ст.201 УК РФ, является имущество коммерческой организации» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. №1. С.17-18.). По справедливому замечанию М.П. Бикмурзина, термин «объект преступления» в судебной практике используется для обозначения того, что принято называть предметом преступления (Бикмурзин М.П. Указ. соч. С.36).

ний».¹ По мнению А.А. Пионтковского, ненужное увлечение разграничением объекта и предмета преступления привело к отрицанию того, что в преступлениях против личности объектом являются личность человека, его жизнь, здоровье, свобода и достоинство, так как «личность не есть общественное отношение». Учитывая, что общественные отношения существуют между людьми, то, посягая непосредственно на личность как на субъекта общественных отношений, преступник тем самым посягает и на общественные отношения. Поэтому отрицать, что человек может быть объектом преступления, нет оснований.² Таким образом, позиция Г.П.Новоселова о том, что объектом преступления выступают люди, а не общественные отношения, не является новой. В то же время, по мнению М.Д. Шаргородского и Н.С. Алексеева, которые также подготовили рецензию на тот же учебник, признание непосредственным объектом не общественных отношений, а имущества или субъектов отношений противоречит элементарным правилам логики, так как часть общего должна обладать теми же свойствами, какими обладает общее. На основании чего они задают вопрос: «Каким же образом часть объектов может не быть общественным отношением, если вообще, как это говорят вначале и авторы учебника, объектом являются общественные отношения?».³ Почти через 30 лет данные доводы были приведены В.С. Прохоровым: «Представление об объекте как общественных отношениях должно последовательно проводиться во всех звеньях классификации: общем, родовом и непосредственном объекте. Если изменить этому правилу, то оказывается нарушенной не только логика классификации. Подмена «объекта как общественных отношений» другими явлениями искажает истинную природу преступления...».⁴ Таким образом, значение выделения общего объекта преступления заключается в том, что его понятие служит методологической основой для исследования непосредственного объекта преступления.⁵

---

¹ Васильев А. Рецензия на учебник Советское уголовное право, часть Общая, подготовленный коллективом авторов ВИЮН, Госюриздат, 1952 // Соц. законность. 1953. №8. С.89.

² Курс Советского уголовного права Особенная часть. Том. 1. М., 1955. С.376.

³ Шаргородский М.Д. Рецензия на Советское уголовное право. Общая часть. М.: Госюриздат, 1952 // Советское государство и право. 1953. №8. С.108.

⁴ Курс Советского уголовного права. ЛГУ., Т.5. 1981. С.476.

⁵ Тоболкин, П.С. Социальная обусловленность норм уголовного права. Свердловск, 1983. С.92.

Представляется, что попытки признания в качестве непосредственного объекта преступления субъектов отношений и предметов материального мира объясняются сложностью и абстрактностью такого понятия, как «общественные отношения». Поэтому, по мнению Н.А. Трайнина, объектом посягательства в его конкретном жизненном воплощении могут быть как материальные, так и нематериальные ценности – политические, моральные, культурные и иные. В частности, объектом такого преступления, как умышленное истребление или повреждение чужого имущества (ст.175 УК РСФСР), является чужое имущество. В марксистском понимании понятие объекта преступления сомнения вызывать не может: объектом всякого посягательства являются общественные отношения, установленные в интересах господствующего класса.¹

Несмотря на признание того положения, что объектом преступления выступают общественные отношения, в то же время, как писал Б.С. Никифоров, «к числу объектов в литературе относят самые различные и, главное, совершенно разнородные явления: общественные отношения и наряду с ними или вместо них их материальное выражение, правовые нормы ... и т.д. и т.п. Трудно назвать какую-либо другую проблему уголовного права, в которой столь многое было бы неясно и спорно, как в области учения об объекте преступления».² Общепризнанное положение о том, что объектом преступления выступают общественные отношения, носило лишь декларативный характер, и поэтому значительное количество отступлений от него, по мнению М.И. Федорова, проявлялось в двух линиях: а) по линии дополнения понятия объекта иными, кроме общественных отношений, явлениями, например, нормами права, производительными силами; б) по линии подмены общественных отношений иными явлениями, не являющимися таковыми.³

Вместе с тем сторонники признания общественных отношений в качестве непосредственного объекта преступления приводили, как представляется, неоспоримые доводы в пользу своей позиции. Как полагал Г.А. Кригер, с мнением А.Н. Васильева нельзя согласиться, поскольку человек является носителем различных общественных отношений и поэтому посягательство на него может иметь самый различный характер. Далее, критикуя А.Н. Трай-

---

¹ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С.174-175.

² Никифоров, Б.С. Об объекте преступления по советскому уголовному праву // Сов. гос. и право. 1956. №6. С.60.

³ Федоров, М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Ученые записки. Пермский гос. университет. Том XI. Вып.4. Кн.2. (юрид. науки). Пермь, 1957. С.181.

нина, как сторонника признания непосредственным объектом преступления предметов материального мира, Г.А. Кригер писал: «Этой точки зрения придерживаются и многие буржуазные теоретики, однако она не соответствует марксистскому пониманию этого вопроса».¹ Таким образом, непризнание непосредственным объектом преступления предметов материального мира объяснялось как логическим несоответствием такого понятия, как «общественные отношения», выступающих в качестве общего объекта преступления, и предметов материального мира, рассматриваемых в качестве непосредственного объекта преступления, так и причинами идеологического характера. С целью конкретизации объекта преступления начинают выделять понятие предмета преступления. «Предметом преступления, – по мнению Г.А. Кригера, – следует считать то, что подвергается непосредственному воздействию при посягательстве последнего на общественные отношения». Поэтому предметом преступления (в широком смысле этого слова) могут быть физические лица и их действия, являющиеся выражением определенных общественных отношений, юридические лица (учреждения, организации и т.п.), а также вещи или процессы, служащие условием или предпосылкой существования или формой выражения конкретных общественных отношений.² Аналогичным образом определял предмет преступления и В.Н. Кудрявцев, отмечая, что предметом преступления могут служить люди – субъекты общественных отношений, их действия как материальное выражение этих отношений, а также материальные предметы (вещи), являющиеся предпосылками или формами закрепления соответствующих отношений.³ Таким образом, в теории уголовного права стали выделять структуру общественных отношений, как объекта преступления, вследствие чего стали разрабатывать и механизм причинения им вреда, выделяя два вида воздействия. Во-первых, когда субъект исключает себя из определенных общественных отношений, когда непосредственным объектом будут установленные законом отношения: финансовые, гражданско-правовые и др. Во-вторых, посягательство может осуществляться «извне» лицом, не являющимся участником отношений, когда происходит воздействие на материальные предметы и их носителей – людей.⁴ Вред объекту

---

¹ Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник Московского университета. 1955. №1. С.118-119.

² Кригер Г.А. Указ. соч. С.118-123.

³ Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления. С.56.

⁴ Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С.53.

преступления причиняется тем, что преступник воздействует на предметы, в которых воплощаются отношения, или на лиц, являющихся носителями или предметами таких отношений. От характера и степени воздействия на предмет преступления зависит вред, причиняемый преступлением. Важность предмет преступления представляет собой критерий для измерения причиненного им вреда.¹

Во второй половине 1950-х гг. появляются работы, в которых уже закрепляется обоснование общественных отношений как непосредственного объекта преступления. Так как вопрос об объекте преступления был идеологизирован, то при обосновании того, что объектом преступления следует признавать именно общественные отношения, ссылались на высказывания К. Маркса, который в работе «Дебаты по поводу закона о краже леса» писал: «Только чувственная сторона преступления затрагивает интересы лесовладельца, преступная же сущность действия заключается не в посягательстве на лес как нечто материальное, а в посягательстве на государственный нерв его – на право собственности как таковое .... Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу ... и производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называется общественными отношениями, обществом»². Выделение двух сторон производственных отношений (производственные силы, то есть орудия производства и людей, а также производственные отношения – отношения людей в процессе производства) указывало на различное значение каждой из них. Производственные силы не могут быть объектом защиты уголовного права, так как уголовное право защищает определенные классовые интересы, тогда как орудия и средства производства нейтральны к классам. Поэтому, когда в результате преступления причиняется вред какому-либо предмету материального мира, речь идет не о посягательстве на данный предмет, а на отношения собственности по поводу данного предмета. «Рассуждая иначе, – отмечает Н.А. Беляев, – мы не смогли бы объяснить, почему по советскому законодательству наступает различная уголовная ответственность за посягательства на одну и ту же вещь». Так, за похищение имущества государственной организации виновный должен был быть привлечен к ответственности по ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», за ко-

---

¹ Ренненберг И. Объективная сторона преступления. М., 1957. С.34-37.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1954. Т.1. С.149; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1968. Т.46. Ч.1. С.214; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1957. Т.6. С.442.

торое было предусмотрено наказание на срок от 7 до 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Если же вещь являлась собственностью кооперативной организации, то виновному на основании ст.3 того же Указа могло быть назначено наказание от 5 до 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Если вещь находилась в собственности гражданина, то виновному на основании ч.1 ст. 108 УК РСФСР могло быть назначено наказание на срок до 2 лет лишения свободы. Если же собственник вещи был неизвестен, то виновный привлекался к ответственности за присвоение этой вещи по ч.2 ст.168 УК РСФСР, предусматривавшей наказание до 1 месяца лишения свободы. Различная ответственность в этих случаях наступает ввиду различия объектов посягательства, поэтому объектом посягательства во всех четырех случаях являются различные отношения собственности, а не их материальное выражение.¹

Признанием объектом каждого преступления общественных отношений, проблема объекта преступления не исчерпывается. «По существу, – писал А.Н. Трайнин, – она лишь здесь начинается, ибо для разрешения важнейших для судебной практики вопросов квалификации необходимо изучение объекта не только со стороны преступления, но и как элемента состава конкретного преступного действия. Оба эти понятия (объект – «общественные отношения» и объект – «элемент конкретного состава») органически связаны друг с другом». Для отражения специфики конкретного преступления или конкретной группы преступлений объект в качестве элемента состава преступления непременно должен обрести новые индивидуальные черты. Но это не означает, что объект в качестве элемента состава преступления может оказаться в противоречии с объектом «общественные отношения». Задача заключается в изучении объектов как элементов состава конкретных преступлений и может быть решена лишь путем анализа конкретного законодательного материала.² Как отмечал М.И. Федоров, «... объектом являются не всякие общественные отношения, а лишь охраняемые уголовным законом, что должно указать на объект как элемент преступления и ориентировать на анализ тех признаков, при помощи которых законодатель характеризует объекты в конкретных составах».³

Таким образом, в конце 1950-х гг. в теории уголовного права произошло четкое выделение объекта преступления как элемента

---

¹ Беляев, Н.А. О системе хозяйственных преступлений. Избранные труды. СПб., 2003. С.268-270; Федоров М.И. Указ. соч. – С.185.

² Трайнин А.Н. Избранные труды / Составление, вступительная статья Н.Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. С.73-74.

³ Федоров М.И. Указ. соч. С.190.

его состава и предмета преступления как признака, характеризующего объект. Понимание предмета преступления как вещи пришло в рамках разработки учения о преступлениях против собственности. Так, М.А. Гельфер выделял следующие признаки предмета присвоения: физический, экономический и юридический. Содержание физического признака выражается в том, что предмет присвоения – это предмет внешнего мира, который может находиться в любом физическом состоянии. Содержание экономического и юридического признаков характеризуется тем, что вещь должна обладать определенной материальной ценностью и быть чужой. Предмет преступления может быть материальным выражением соответствующих общественных отношений, материальной предпосылкой или необходимым условием существования, наличия или развития определенных общественных отношений (например, имущество, понимаемое в смысле вещей, для общественных отношений собственности). Предмет преступления может явиться свидетельством наличия общественных отношений, составляющих объект преступления (документы, удостоверяющие существование определенных общественных отношений). При этом в силу тесной связи предмета преступления с объектом, а также того, что общественные отношения не могут существовать без своего материального предмета, вопрос о предмете должен рассматриваться вместе с вопросом об объекте преступления.¹

В то же время А.Н. Трайнин рассматривал предмет преступления как признак, характеризующий объективную сторону состава преступления, так как, по его мнению, предметом преступления являются те вещи, в связи с которыми или по поводу которых совершается преступление, поэтому в отличие от объекта предмет преступления не терпит ущерба от преступного посягательства. Так, объектом в составе взяточничества является законная деятельность должностных лиц, а предметом – деньги и иное имущество, переданное в качестве взятки. Объектом преступления в составе, предусмотренном ст.108 УК РСФСР 1926 года (ст.228 УК РФ), здоровье граждан, а предметом – одурманивающие вещества.² Позже такой позиции придерживался и А.А. Пионтковский, отрицавший необходимость разграничения непосредственного объекта и предмета преступления. По его мнению, вопрос о выделении

---

¹ Гельфер М.А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве // Ученые записки ВЮЗИ. М., 1955. С.57-58; Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1962. С.104; Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1964. С.88-89.

² Трайнин, А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С.205-206.

предмета преступления имеет значение лишь в некоторых случаях, например при взяточничестве, где объектом является нормальная работа государственного аппарата, а предметом выступают определенные материальные ценности, передаваемые в виде взятки. При таком понимании предмет принадлежит к объективной стороне преступления.¹ Именно так некоторые современные авторы понимают предмет преступления.² Представляется, что такая позиция связана со стремлением конкретизировать общественные преступления как объект преступления.

В то же время, по мнению Т.Л. Сергеевой, следует отличать вещи материального мира, на которые воздействует виновный, выступающие предметом, от предметов материального мира, при помощи которых виновный совершает преступление, выступающих не как предмет преступления, а как средство его совершения.³ По мнению В.Н. Кудрявцева, различие предмета и средства посягательства проводится и в законодательстве и имеет практическое значение. Так, в ст.66 УПК РСФСР 1926 г. указывалось, что вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектами преступных действий обвиняемого (предмет преступления). Согласно ст.69 УПК РСФСР орудия преступления подлежали конфискации.⁴ Аналогичное положение содержится и в ст.81 УПК РФ, где указывается, что вещественными доказательствами признаются любые предметы: 1) которые служили орудием преступления или сохранили на себе следы преступления; 2) на которые были направлены преступные действия; 3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Представляется, что во втором случае предметы, на которые направлены преступные действия, характеризуют объект преступления как элемент состава преступления. В первом случае предмет является орудием совершением преступления, и их следует рассматривать как факультативный признак объективной стороны преступления. В третьем случае предмет – это вещи материального мира, изготовление которых свиде-

---

¹ Курс Советского уголовного права Особенная часть. Том 1. М., 1955. С.376. Аналогичных взглядов на предмет преступления А.А. Пионтковский придерживался и позже.

² Бикмурзин М.П. Указ. соч. С.84.

³ Сергеева Т.Л. Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву. М., 1949. С.40-41.

⁴ Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления. С.57.

тельствует о факте совершения преступления, они имеют криминологическое значение и их следует рассматривать как предмет совершения преступления.

Место предмета преступления в системе признаков состава преступления активно обсуждалось и в советский период. При определении понятия предмета преступления следует исходить из того, что предметы, находящиеся вне отношений, не относятся к объекту преступления. Поэтому нельзя относить к предмету преступления как признаку такого элемента состава преступления, как объект, оружие применительно к составу преступления, предусмотренного ст.222 УК РФ, наркотические средства (ст.228 УК РФ), документы (ст.327 УК РФ), так как они не входят в структуру отношений, охраняемых уголовным правом. В этом случае они не могут рассматриваться в качестве предмета преступления и являются доказательствами того, что было совершено преступление. Будучи компонентами преступления, эти предметы служат орудием воздействия (взлома) на общественные отношения и относятся к признакам объективной стороны преступления.¹ В.Я. Таций, соглашаясь с тем, что предмет преступления входит в состав охраняемого отношения, вместе с тем считает нецелесообразным отделять от объекта те предметы, которые не входят в состав охраняемого отношения, так как это привело бы к тому, что одни предметы преступления следовало бы рассматривать как признаки объекта преступления, а другие как признаки объективной стороны, что недопустимо.² Именно это терминологическое разногласие о том, что в одном случае предмет – это то на что происходит воздействие, а в других – то, чем воздействуют, и позволило Б.С. Никифорову говорить о ненужности изучения предмета преступления в рамках учения об объекте преступления.³

Вместе с тем разграничение предмета преступления как признака объекта преступления от иных предметов материального мира, наличие которых свидетельствует о совершении преступления, имеет практическое значение. Так, Володарским районным судом г. Брянска Феценец был осужден по ч.1 ст.188 УК РФ, вещественные доказательства (6 тыс. долларов США) поставлено конфисковать в доход государства. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, признав правильной квалифика-

---

¹ Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979. С.46-51.

² Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С.47.

³ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С.129.

цию действий Феценца по ч.1 ст.188 УК РФ, в то же время указала на незаконность конфискации в доход государства 6 тыс. долларов. Как указала Судебная коллегия, принимая решение о конфискации валюты, суд исходил из того, что незаконно перемещаемые Феценцем доллары США как предмет преступления являлись орудием преступления. С учетом того, что умысел осужденного был направлен не на незаконное завладение денежными средствами (валютой), а на нарушение порядка их перемещения через таможенную границу, так как в деле отсутствуют материалы, свидетельствующие о том, что изъятая валюта была добыта преступным путем. Денежные средства (валюта) не являются предметом преступления, поэтому не подлежат конфискации в соответствии с п.1 ст.86 УК РСФСР.¹ В данном случае речь идет не о предмете преступления или орудиях его совершения, а о предмете совершения преступления, которые, если они не запрещены к свободному обороту, не подлежат конфискации.

Практическое значение разграничения указанных двух групп предметов преступления заключается еще и в том, что при воздействии на предмет преступления, характеризующий объект преступления, в диспозициях статей Особенной части УК РФ для квалификации, как правило, имеет значение количественная характеристика последствий. При этом в законе проводится четкое разграничение между преступным и не преступным воздействием на предмет преступления. Это выражается в описании последствий преступления, тех изменений, которые произошли в предмете преступления. При совершении преступлений с использованием предметов их количественная характеристика (размер и количество), как правило, значение для квалификации не имеет. Главное, чтобы эти предметы обладали определенной качественной характеристикой: представляли опасность для общественной безопасности ст.222 УК РФ, здоровья населения ст.228 УК РФ, создавали возможность для совершения других преступлений ст.ст.238, 327 УК РФ. При этом разграничение между преступными и не преступными действиями с продуктами и предметами деятельности проводится правоприменителем в каждом конкретном случае. Также следует учитывать, что данные предметы нельзя отнести к орудиям или средствам совершения преступления, так как при помощи орудий и средств виновный воздействует непосредственно на предмет преступления или потерпевшего.²

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. №6. С.3-4.

² Сахаров В.И. Объективная сторона преступления (факультативные признаки) / Под ред. А.В. Наумова и С.И. Никулина. М., 1995. С.105; Мали-

Поэтому следует различать предмет преступления как признак, характеризующий такой элемент состава преступления, как объект, и предметы материального мира – продукты и предметы действий, которые конкретизируют общественные отношения, выступающие объектом преступления, но к этим общественным отношениям не относятся. Поэтому их следует относить не к *предмету преступления, а к предмету совершения преступления*, который характеризует объективную сторону состава преступления.

Вследствие того что объект стал рассматриваться как элемент состава преступления, многие авторы указывали, что его следует рассматривать в тесной связи его содержания – фактических отношений и формы – правоотношений. Более того, именно структура правоотношения была взята за основу при анализе общественных отношений как объекта преступления, так как, по мнению Б.С. Никифорова, обращение к положениям и выводам общей теории права (теории правоотношения) дает возможность рассмотреть вопрос о содержании понятия общественного отношения и механизме его нарушения в результате совершения преступления. Связь между общественными отношениями и правоотношениями выражается в том, что каждый элемент правоотношения – его субъекты, их права и обязанности, как содержание правоотношений, представляют собой юридическое выражение или отражение соответствующих элементов общественного отношения. Именно из теории правоотношения возникла концепция интереса как объекта преступления в советском уголовном праве, так как в результате совершения преступления затрудняется реализация возможности совершать определенные действия, находиться в определенном состоянии, которая применительно к составу общественного отношения представляет собой нарушенный неправомерными действиями интерес.¹ Выделял в понятии объекта преступления содержание – фактические отношения и форму – правоотношения и В.Н. Кудрявцев, полагавший, что преступление нарушает не только фактическое общественное отношение, но и разрушает «правовую оболочку» тех правовых отношений и норм, которые установлены для охраны данного объекта посягательства.² О необходимости при рассмотрении объекта правонарушения проводить различие между правоотношениями как формой общест-

---

нин Б.В., Парфенов А.В. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С.238.

¹ Никифоров Б.С. Об объекте преступления по советскому уголовному праву // Сов. гос. и право. 1956. №6. С.62-63.

² Кудрявцев В.Н. О противоправности преступления // Правоведение. 1959. №1. С.71.

венных отношений и их содержанием – общественными отношениями говорил и А.А. Пионтковский.¹ Выделение формальной стороны объекта преступления нашло свое отражение и в понятии преступления, как посягающего на социалистический правопорядок общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (ст.7 УК РСФСР). В правоприменительной деятельности это положение учитывалось при квалификации преступлений. Так, обсуждалось решение Судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу Чарыева, который совместно с другими лицами, выдавая себя за сотрудников милиции, пришел домой к Хаитову и потребовал выдать ему предметы, для разрешения которых необходимо специальное разрешение. Суд первой инстанции признал Чарыева и других лиц виновными в совершении грабежа. Заместитель председателя Верховного Суда СССР опротестовал этот приговор, поставив вопрос о квалификации действий Чарыева как мошенничества. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, согласившись с тем, что в действиях осужденных признаки грабежа отсутствуют, в то же время не усмотрела в их действиях и состава мошенничества, так как предметы, которые они пытались изъять, не только не являются личным имуществом граждан, охраняемых законом, но их изготовление, хранение запрещено законом. По мнению Б.С. Никифорова, такое решение является верным, так как объектом преступления не могут быть общественные отношения, противоречащие интересам общества и государства. При этом указанный автор ссылаясь на постановление Пленума Верховного Суда СССР №9 от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве», где в п.9 отмечалось, что в тех случаях, когда лицо, подстрекая взяточдателя, получает от него деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, но фактически присваивает их, это преступление в отношении лиц, которые склоняли к даче взятки, следует квалифицировать как подстрекательство к даче взятки.² Как полагал В.Г. Смирнов, также ссылавшийся на указанное постановление Пленума Верховного Суда СССР, правовые условия не существуют сами по себе, а устанавливаются в целях охраны каких-либо отношений. Закон не обеспечивает государственной охраной отношения, которые не соответствуют природе общества и государства. Поэтому действия мнимого посредника следует квалифицировать как подстрекатель-

---

¹ Пионтковский А.А. Учение о преступлении ... С.145.

² Никифоров Б. Дело Чарыева и других // Сов. юстиция. 1965. №22. С.8-10.

ство в даче взятки.¹ В настоящее время судебная практика идет совершенно по другому пути. Согласно п.21 постановления Пленума Верховного Суда РФ №6 от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» если лицо получает от кого-либо деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу и, не намереваясь этого делать, присваивает их, содеянное следует квалифицировать как мошенничество. Аналогичные решения Верховный Суд РФ принимает по конкретной категории дел. Так, было признано наличие состава разбоя в действиях лиц, нападавших на граждан, занимавшихся на улице скупкой-продажей американской валюты.²

Таким образом, в настоящее время при квалификации преступлений форме объекта – правоотношениям значения не придается, акцент делается лишь на его содержании – фактических отношениях, хотя в теории по этому поводу высказывают противоположные точки зрения. Как полагает В.В. Векленко, в данном случае закон лишь пресекает неправомерное завладение имуществом со стороны ложного посредника в даче взятки и не может брать под охрану такие интересы собственника.³ По мнению И.В. Шишко, в подобных случаях нет объекта мошенничества. Им могут быть только правоотношения, то есть общественные отношения, возникающие на основе норм права (противоречащие им отношения УК РФ не охраняются), а использование собственником принадлежащего ему имущества вопреки закону противоречит п.2 ст.209 ГК РФ. Квалификация таких действий по ст.159 УК РФ объяснена инерцией социалистического представления об опасности самого незаконного обогащения. Однако с этой «опасностью» вполне справляется ст.169 ГК РФ, признающей ничтожность сделки, совершенной с целью, заведомо противоправной основам правопорядка или нравственности.⁴

По всей видимости, признание именно общественных отношений, а не правоотношений в качестве объекта преступления связано с тем, что, по мнению Б.С. Никифорова, объект преступления как общественные отношения представляет собой содержательную абстракцию. «Ее полезность, – отмечал Б.С. Никифоров, – определяется тем, что она дает возможность видеть политическое содержание преступлений, совершаемых в СССР, и поэтому явля-

---

¹ Смирнов В.Г. Функции Советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). ЛГУ., 1965. С.57.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. №7. С.14.

³ Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С.31.

⁴ Шишко И.В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности : автореф. дис .... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С.30.

ется основой и ориентиром для построения более конкретных определений. Более того, она делает такие определения необходимыми, потому что сама по себе не обладает, не должна и не может обладать конкретностью, необходимой для решения практических задач борьбы с преступностью в соответствии с принципами социалистической законности».¹ Аналогичным образом решался вопрос и в дореволюционном законодательстве. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в главе «О преступлениях против Государя Императора и Членов Императорского дома» составы преступлений были сформулированы крайне нечетко, также недостаточно четко был определен объект преступления. Причина этого заключалась не в низком уровне развития законодательства, а в стремлении обеспечить в случае необходимости широту и произвол судебно-административных репрессий.² Таким образом, понимание объекта преступления как общественных отношений и нечеткое формулирование конкретных преступлений позволяло широко применять нормы уголовного права.

В советском законодательстве это выражалось в следующих формах. Во-первых, в первой главе Особенной части УК РСФСР 1926 г. в ст.58-1 УК РСФСР было сформулировано понятие контрреволюционного преступления, под которым признавалось всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции. Данное определение позволяло обосновать применение мер уголовной правовой ответственности к лицам, которые своими действиями причиняли вред интересам государства. Так, в постановлении от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности» указывалось следующее: «Провести решительную борьбу с теми противообщественными кулацко-капиталистическими элементами, которые применяют насилие и угрозы или проповедуют применение насилия и угроз к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхозов, с целью насильственного разрушения колхозов. Приравнять эти преступления к государственным преступлениям».³

---

¹ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С.113.

² Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С.176.

³ Устинов В.С. Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (истории и концепция). Н-Новгород, 1998. С.239.

Во-вторых, признание объектом общественных отношений позволяло обосновывать применение уголовного закона по аналогии. Так, согласно ст.16 УК РСФСР если то ли иное общественно опасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основания и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления. Признание в качестве объекта преступления общественных отношений и применение уголовного закона по аналогии являлось способом претворения политики государства. Так, по предложению И.В. Сталина, командированного в 1928 г. в связи с хлебозаготовительным кризисом в качестве чрезвычайного уполномоченного правительства в Сибирь, в случае отказа крестьян сдавать хлеб по государственным ценам следовало применять к ним ст.107 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или не выпуска таковых на рынок (спекуляция). В результате за январь-март 1928 г. по ст.107 УК РСФСР на Северном Кавказе были осуждены 3244 человека, в Сибирском крае – 1589 человек, на Урале – 255 человек.¹ В последующем Верховный Суд РСФСР неоднократно указывал нижестоящим судам на необходимость применения норм Особенной части УК РСФСР по аналогии. Так, ст.123 УК РСФСР предусматривала ответственность за совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения для извлечения таким путем каких-либо выгод. Согласно постановлению президиума Верховного Суда РСФСР совершение религиозного обряда над детьми вопреки воле родителей, хотя бы по просьбе родственников, влечет уголовную ответственность по ст.ст.16 и 123 УК РСФСР.² В другом постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1933 г. указывалось, что истребление или хищение леса на корню следует квалифицировать по ст.85 УК РСФСР (предусматривала ответственность за нарушение постановлений в интересах охраны лесов от хищения и истребления), когда эти действия причинили незначительный ущерб и были результатом не злостного нарушения законов и правил, установленных в интересах охраны лесов, парков от хищения и истребления. В случае же умышленного истребления леса и лесных насаждений, совершенных в организованном порядке, систематически или в виде промысла или хотя с незначительными фактическими убытками, но с очевидной кон-

---

¹ Рассказов Л.П. Роль карательно-репрессивных органов в утверждении административно-командной системы (1928-1941 гг.). Уфа, 1993. С.62-63.

² Уголовный кодекс РСФСР. М., 1940. С.69, 194-195.

тревожной целью или для подрыва общественной социалистической собственности или совершаемых классово-враждебными элементами, применять закон от 7 августа 1932 г. Аналогичные указания давала и прокуратура СССР. Так, циркуляром за №56/9 органам прокуратуры было предложено обеспечить в поливных хлопковых районах своевременную четкую общественно-организованную, жесткую репрессию в отношении тех, кто будет расхищать и разбазаривать воду. Такие действия следовало квалифицировать по аналогии по п.»г» ст.162 УК РФ, которая предусматривала ответственность за хищение частными лицами из государственных или общественных складов, вагонов, судов и иных хранилищ).¹ Таким образом, незаконное использование воды предлагалось квалифицировать как хищение имущества из помещений или хранилищ.

От того, что понимать под общественными отношениями как объектом преступления, зависит и решение вопроса о квалификации посягательств на так называемый «негодный» объект. Так, по мнению Т.Л. Сергеевой, при ошибочном изъятии имущества, которое не обладало никакой ценностью, ответственность должна наступать за покушение на хищение государственного или общественного имущества.² В то же время, по мнению Н.Д. Дурманова, не согласного с позицией Т.Л. Сергеевой и предложившего термин «нереальный» объект, в тех случаях, когда отсутствуют определенные свойства предмета, на который осуществляется посягательство, состава преступления нет.³ Таким образом, Н.Д. Дурманов придерживался позиции дореволюционных авторов о квалификации посягательства на «отсутствующий» или «негодный» объект. Следует обратить внимание на то, что Т.Л. Сергеева рассматривала вопрос именно о посягательстве на государственное или общественное имущество, то есть о посягательстве на государственную или общественную собственность. «Нет посягательства, – отмечал А.Н. Трайнин, – если нет объекта, так как в этом случае не на что посягать, и в одинаковой мере нет посягательства, если объекту не причинено ущерба, ибо в этом случае субъект

---

¹ Никифоров Б.С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. М., 1952. С.69.

² Сергеева Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. С.33.

³ Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С.154-158.

не посягает».¹ Таким образом, основной причиной признания непосредственным объектом преступления общественных отношений явилось стремление государства обосновать наличие состава преступления при причинении вреда его интересам либо при наличии такой угрозы. Так, в УК РСФСР длительное время существовала ст.70 «Анτισоветская агитация и пропаганда», предусматривающая ответственность за агитацию или пропаганду, проводимые в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй.

В настоящее время, вследствие признания в качестве непосредственного объекта общественных отношений, суды также слишком широко трактуют понятие объекта преступления и круг деяний, признаваемых преступлением. Это проявляется на примере применения ст.165 УК РФ, когда такой способ его совершения, как злоупотребление доверием, в практической деятельности трактуется слишком широко. Так Б., с августа 1998 г. по июль 1999 г. пользовался электрической энергией без оплаты, так как в июле 1998 г. была отключена линия электропередачи его дома из-за того, что виновный длительное время не оплачивал пользование электрической энергией. После отключения линии электропередачи Б. самовольно подключился к проходящей рядом с его домом линии электропередачи, набросив провода, с целью уклонения от оплаты обязательных платежей. За период с августа 1998 г. по июль 1999 г. Б. незаконно потребил 5184 кВт/час, чем причинил имущественный ущерб Щучанской городской электрической сети в размере 1555 рублей 20 копеек. Судом Б. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ – причинение имущественного ущерба путем злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. По справедливому мнению К.В. Михайлова, который приводит данный пример, Б. доверием не злоупотреблял, так как отношений доверия (которыми можно было бы злоупотребить) между виновным и представителями электрической сети не было. Производитель электроэнергии до момента отключения доверял Б., но после того как последний перестал платить за электроэнергию, эти отношения доверия перестали существовать.² Согласно разъяснению Пленума Верхов-

---

¹ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С.191.

² Михайлов К.В. Уголовно-правовая характеристика злоупотребления доверием как признака преступлений против собственности. Челябинск, 2002. С.55-56.

ного Суда РФ №51 от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например, служебным положением или родственными отношениями лица с потерпевшим.

Представляется, что для избежания необоснованно расширенного применения положений ст.165 УК РФ следует отказаться от указания способов совершения данного преступления, оставив в диспозиции нормы указание лишь на предмет преступления. Так, по мнению В.В. Хилюты диспозиция нормы, предусматривающей ответственность за причинение имущественного ущерба, может быть изложена следующим образом: «Умышленное извлечение имущественной выгоды в значительном размере от противоправного пользования энергией, газом, связью».¹

Кроме этого законодатель ограничил сферу применения положений ст.165 УК РФ, за счет сужения сферы общественных отношений, выступающих объектом преступления, посредством указания на потерпевшего – собственник или иной владелец имущества. Таким образом, по мнению В.И. Тюнина, получатели налогов не являются субъектами преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ.² Однако, несмотря на это, в практике встречаются случаи квалификации по статье 165 УУ РФ ситуаций уклонения от уплаты налогов. Так, Раджабов был привлечен к уголовной ответственности по ч.1 ст.165 УК РФ, за то, что в период с сентября 2002 г. по 31 октября 2002 г., действуя умышленно, с корыстной целью, путем злоупотребления доверием, осуществляя предпринимательской деятельности в форме реализации населению через торговый контейнер продуктов питания. При этом он не уплачивал единый налог на вмененный доход с предпринимательской деятельности в бюджет Свердловского района г. Красноярска. Вследствие чего, он обратил в свою пользу денежные средства, которые еще не поступили, но на основании закона Красноярского края №7-412 от 29.06.99 г. «О едином налоге на вмененный доход для определенных видов деятельности» должны были поступить в бюджет Свердловского района г. Красноярска, чем причинил местному

---

¹ Хилюта В.В. «Хищение» энергии или к вопросу о модернизации уголовно-правовых понятий // Рос. юстиция. 2008. №8. С.45.

² Тюнин В.И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства в сфере экономической деятельности. СПб., 2001. С.144-145.

бюджету имущественный ущерб на общую сумму 784 рубля.¹ Таким образом, указание на субъекты отношений – потерпевшего и субъекта преступления, а также предмет преступления в диспозиции статьи Особенной части позволит четко описать круг отношений, выступающих объектом преступления. Ввиду того, что объект преступления связан с категорией общественных отношений, для правильного применения уголовного закона небезразлично, как широко определяются или очерчиваются пределы этих отношений. От того, как обозначены в теории границы объекта посягательства, в значительной мере зависит круг общественно опасных деяний, охватываемых объектом преступления как элементом его состава. Поэтому этот вопрос имеет практическое значение, так как связан с обеспечением принципа законности.² Для соблюдения принципа законности объектом преступления следует признавать не все общественные отношения, существующие в обществе, а только те, которые урегулированы нормами права – правоотношения. С целью закрепления этого положения в законодательстве, необходимо четко указывать признаки субъектов правоотношений и свойства предмета преступления.

Таким образом, в начале 1960-х гг. в теории уголовного права сформировалась доктрина, согласно которой объектом преступления признавались общественные отношения. Причинами признания общественных отношений объектом преступления, являлись, во-первых, причины политического характера, что позволяло оперативно, без внесения изменений в законодательство реагировать на совершение действий, которые не были закреплены в статьях Особенной части как преступления, но причиняли вред общественным отношениям, охраняемым государством. Во-вторых, то, что методологической основой для разработки понятия непосредственного объекта преступления являлось положение о том, что часть общего (непосредственный объект) должна обладать теми же признаками, что и общее (общий объект преступления). Концепция «объект преступления – общественные отношения» была доминирующей до конца XX века.

Конец 80-х и начало 90-х годов прошлого века, характеризующиеся кардинальными переменами в идеологии и политике государства, ознаменовались критикой ряда положений уголовного законодательства, которое характеризовалось доминированием интересов государства как объекта уголовно-правовой охраны над

---

¹ Постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования Архив Советского районного суда г. Красноярска за 2002 г.

² Ляпунов Ю. Дискуссионные проблемы объекта преступлений против собственности // Уголовное право. 2004. №3. С.43.

интересами личности. Это выражалось, во-первых, в том, что в структуре Особенной части УК РСФСР нормы об ответственности за преступления против личности находились после норм, предусматривающих ответственность за преступления против социалистической собственности. Во-вторых, в несоответствии санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за убийство (ст.103 УК РСФСР) от 3-х до 10-ти лет лишения свободы, в то время как за кражу социалистического имущества в крупном размере (ст.89 УК РСФСР по материалам практики в пределах от 2 500 до 10 000 рублей), было предусмотрено наказание до 15 лет лишения свободы. Вследствие чего предлагалось отказаться от дифференциации ответственности за посягательство на государственную и личную собственность, объединив все нормы в главе «Имущественные преступления».¹ Как видим, в данном случае объект преступления рассматривался с позиции ценностей, охраняемых уголовным законом. Следует отметить, что в Основах Уголовного законодательства Союза ССР и Республик, принятых Верховным Советом СССР 2 июля 1991 г., в ст.1 указывалось, что уголовное законодательство Союза ССР и республик имеет своими задачами охрану личности, ее прав и свобод, собственности, природной среды, общественных и государственных интересов. Затем Федеральным законом от 1 июля 1994 г. глава вторая УК РСФСР «Преступления против социалистической собственности» была исключена, а глава пятая «Преступления против личной собственности граждан» переименована в «Преступления против собственности». Тем самым законодатель уравнил все формы собственности как объект уголовно-правовой охраны.

В дальнейшем, в теории стали отмечать, что в социалистическом уголовном праве интересы человека не рассматривались в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Если человек и объявлялся подлежащим уголовно-правовой охране, то как некий элемент (участник, носитель, субъект) общественных отношений, которые и являются подлинным объектом преступления. Лишь в отдельных случаях интересы и субъективные права граждан выделялись в качестве компонента в структуре объекта преступлений против личности.² «Стало очевидным, – писал Н.А. Загородников, – что общество представляет собой вовсе не отвлеченные связи и отношения между индивидами». Оно состоит из конкретных личностей с их индивидуальными физиче-

---

¹ Наумов А.В. О законодательной и правоприменительной оценке социальных ценностей, охраняемых уголовным законом // Актуальные проблемы уголовного права. М.:ИГПАН, 1988. С.32-33.

² Никулин С.И. Уголовный закон и частный интерес. М., 1994. С.10.

скими и духовными чертами. Человек в этом обществе выступает как основное его начало и его самая высокая ценность. Поэтому как высшая социальная ценность человек выступает главным и самым важным благом, защищаемым уголовным правом или общим объектом преступления.¹ По мнению А.А. Тер-Акопова, несостоятельность идеи о приоритете общественных отношений над личностью со всей наглядностью проявляется в следующем: во-первых, общественные отношения – это всегда связь между субъектами, то есть проявление определенных свойств субъекта. Но отдельные свойства субъекта не могут быть полнее, богаче, чем совокупные свойства личности. Во-вторых, отношения всегда играют служебную роль, они возникают и существуют для обеспечения каких-либо ценностей, таких как, государственный строй, имущество, личность, общественная безопасность. Человек же – высшая уголовно-правовая ценность, потому что он не предназначен для кого-то или для чего-то. По сути человек есть основной объект уголовно-правовой защиты. Все преступления в конечном итоге причиняют вред человеку. Помимо основного объекта – личности существуют и иные объекты преступного воздействия вспомогательного характера. Они могут быть обозначены категорией «общественные отношения» и предназначены для обеспечения интересов личности. Это отношения собственности, управления и т.д. Вследствие чего было предложено отказаться от категории «общественная опасность», заменив ее формулировкой «опасность для охраняемых уголовным законом объектов».²

По мнению А.В. Наумова, что во многих случаях трактовка объекта преступления как общественных отношений вполне справедлива, например при совершении преступлений против собственности. Однако в ряде случаев, например при совершении преступлений против личности, эта теория не срабатывает. Понимание жизни как совокупности общественных отношений явно принижало абсолютную ценность человека как биологического существа, когда человек из самостоятельной абсолютной ценности превращался в носителя различных общественных отношений (трудовых, служебных, семейных, собственности). Поэтому теория объекта преступления как общественных отношений, охраняемых уголовным законом, не может быть признана универсальной в связи с чем

---

¹ Загородников, Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию. С.15-17.

² Тер-Акопов, А.А. Проблема личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание / Вестник РВШ МВД России. – 1994. – №2. – С.55-56; Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Гос. и право. 1994. №6. С.62-63.

представляется возможным возвращение к теории объекта как правового блага (интереса), созданной в конце XIX века.¹ Аналогичного мнения придерживается и А.В. Пашковская, которая считает, что объект преступления – это охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага, на которые посягает лицо, совершающее преступление.² Г.П. Новоселов, полагая, что в основу разработки понятия объекта преступления должно быть положено решение вопроса о сущности и направленности вреда, который причиняется или может быть причинен в результате совершения преступления, и совершенно справедливо полагая, что не люди существуют ради общественных отношений, а общественные отношения возникают ради реализации интересов людей, приходит к выводу, что объектом любого преступления, а не только направленного против личности, выступают люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – как некоторого рода множества лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в-третьих – как социум (общество).³

Указанные доводы о том, что объектом преступления следует признавать не общественные отношения, а людей или блага, на первый взгляд логичны и обоснованы, но в то же время вряд ли с ними можно согласиться. Во-первых, авторы ссылаются на положения теории отечественного уголовного права дореволюционного периода, когда в качестве объекта преступления признавались определенные правовые блага. Хотя под правовыми благами дореволюционные правоведы признавали уже конкретные отношения и состояния, охраняемые законом под угрозой наказания. Во-вторых, из внимания упускается тот факт, что в советском уголовном праве объект рассматривался не с позиции ценностей как объект уголовно-правовой охраны, а в основном как элемент состава преступления. Вне общества и существующих в нем отношений ни личность, ни ее интересы, ни субъективные права граждан немыслимы.⁴ Несмотря на то, что в преступлениях против жизни осуществляется посягательство на конкретных носителей – участников общественных отношений, это не означает, что непосредственным объектом данных преступлений является только личность человека, его жизнь, так как, во-первых, существуют другие преступле-

---

¹ Наумов, А.В. Российское уголовное право. С.147-149.

² Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 1999. С.202.

³ Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. М., 2001. С.45-63.

⁴ Кузнецов, А.В. Охрана личности в советском уголовном праве // Сов. гос. и право. 1971. №9. С.107-108.

ния против жизни человека, находящиеся в других главах, во-вторых, существует ответственность за покушение на убийство.¹

Подводя итог рассмотрению развития учения об объекте преступления, можно сделать следующие выводы. Во-первых, учение об объекте преступления получило свое развитие во второй половине XIX века и его можно систематизировать на периоды. Первый период характеризуется отождествлением объекта и предмета преступления в рамках учения о составе преступления. При этом в теории уголовного права выделяли два уровня объекта преступления – непосредственный, как определенное правовое благо, под которым понимались вещи, конкретные отношения, определенные состояния, и отвлеченный – воля государства, сформулированная в запретах, содержащихся в уголовно-правовых нормах.

Второй период конец XIX начало XX века характеризуется постепенным признанием того, что преступление причиняет вред всему обществу. Однако под непосредственным объектом понимали не общественные отношения как определенную сложившуюся систему, а как отношения, существующие между конкретными субъектами. Практическое значение такого понимания общественных отношений как объекта преступления заключалось в том, что не признавалось преступлением посягательство на «отсутствующий» предмет, в современном понимании – на «негодный» объект преступления. В качестве элемента состава объект преступления рассматривался как двухаспектное явление, характеризующееся формальной (нарушение запрета государства, выраженного в правовой норме) и содержательной (характеризующей благо, которому непосредственно причинен вред) сторонами. Отсутствие хотя бы одного из аспектов не позволяло считать причинение вреда преступлением. В структуре состава преступления выделяли потерпевшего, а также предмет преступления как определенное материализованное или идеальное благо, признаки которого были подробно описаны в диспозиции нормы. Анализ структуры Особенных частей Уголовного уложения 1885 г. и Уголовного уложения 1903 г. и казуальность формулировок уголовно-правовых норм позволяет сделать вывод о том, что разрабатывать объект преступления как элемент его состава в виде общественных отношений не было необходимости.

Несмотря на то, что в послереволюционный период на законодательном уровне было признано, что преступления посягают на общественные отношения, положения теории дореволюционного

---

¹ Анианц М.К. Ответственность за преступления против жизни. М., 1964. С.18.

уголовного права были практически полностью перенесены и в советское уголовное законодательство. Это выражалось в том, что, во-первых, структура УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. совпадала со структурой Уголовного уложения 1885 г. Во-вторых, несмотря на признание на уровне общего объекта преступления общественных отношений, в качестве непосредственного объекта признавались блага.

Третий период 1930-1960 г.г. характеризуется критикой всех теоретических разработок дореволюционных правоведов как буржуазных и не пригодных для советского уголовного права и признанием в качестве непосредственного объекта общественных отношений. Признание общественных отношений объектом преступления обусловлено следующими причинами. Во-первых, сложившимися еще в дореволюционный период представлениями о том, что человек является членом общества и любое преступление причиняет вред не только конкретному субъекту, а всему обществу. Условно ее можно назвать причиной социологического характера. Во-вторых, признание общественных отношений общим объектом преступления послужило основанием для методологически верного утверждения о том, что если на уровне общего объекта объектом преступления выступают общественные отношения, то соответственно, и на уровне непосредственного объекта объектом преступления следует признавать общественные отношения. Условно ее можно назвать причиной методологического характера. В-третьих, постепенный переход законодателя от казуальных формулировок норм Особенной части Уголовного уложения 1885 г. и Уголовного уложения 1903 г. кВ-четвертых, стремлением государства обосновать широкое применение норм уголовного права по аналогии, когда возникала угроза причинения вреда его интересам. Условно ее можно назвать причиной политического характера.

Признание в качестве объекта преступления общественных отношений позволяет судам расширительно толковать положения норм Особенной части Уголовного кодекса, что приводит к нарушению принципа законности. В связи с этим объектом преступления следует признавать не все общественные отношения, существующие в обществе, а только те, которые урегулированы нормами права – правоотношения. Одним из способов четкого указания на объект преступления в диспозиции статьи Особенной части является указание на признаки субъектов правоотношений и предмета преступления.

Глава 2. ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1. ТРИ АСПЕКТА ПОНЯТИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Причиной дискуссий о том, что является объектом преступления, послужило то обстоятельство, что объект преступления представляет собой сложное, многомерное явление, у которого условно можно выделить четыре стороны: философскую (гносеологическую), аксиологическую (ценностную), социальную (материальную), юридическую (формальную).¹ Представляется, что для снятия противоречий между различным пониманием объекта преступления его следует рассматривать в трех аспектах: как объект уголовно-правовой охраны (уголовно-правовой защиты), как элемент состава преступления и как объект реально совершенного преступления, хотя некоторые авторы указывают на тождественность понятий «объект преступления» и «объект уголовно-правовой охраны».² По мнению Н.И. Коржанского, объект уголовно-правовой охраны это общественное отношение, которое поставлено под охрану уголовного закона и преступному воздействию еще не подверглось. Непосредственный объект преступления – это то общественное отношение, которое подверглось изменению в случае посягательства на объект уголовно-правовой охраны. Во всяком ином смысле выражения «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» могут употребляться как синонимы.³ Таким образом, Н.И. Коржанский все же косвенно, по такому критерию, как время возникновения объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления, признает отличие между ними. По мнению А.В. Кузнецова, объект уголовно-правовой охраны существует еще до совершения преступления. Общественное отношение, охраняемое законом, становится объектом преступления, если на него совершено преступное посягательство. До совершения преступления об этом общественном отношении мож-

---

¹ Зателепин О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. №1. С.29.

² Никифоров, Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С.4; Каиржанов Е.К. Интересы трудящихся и уголовный закон. Проблемы объекта преступления. Алма-Ата, 1973. С.18; Стручков Н.А. Объект преступного посягательства и система Особенной части УК // Сов. гос. и право. 1987. №12. С.89; Таций В.Я. Указ. соч. С.92.

³ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С.85.

но говорить лишь как о будущем возможном объекте. Объекта преступления нет, если нет преступления.¹ В.Д. Филимонов, хотя и отождествляет эти понятия, в то же время отмечает, что использование той или другой терминологии зависит от аспекта, в котором рассматривается проблема. Если речь идет о том, какие ценности защищаются уголовным правом от преступных посягательств, речь идет об объекте уголовно-правовой охраны. Если исследуется проблема антисоциальной направленности деяния, то используется понятие «объект преступления».²

По мнению Я.М.Брайнина, объект посягательства не всегда совпадает с объектом уголовно-правовой охраны, например при покушении на «негодный» объект, при ошибке в развитии причинной связи, добровольном отказе от совершения преступления, когда фактически совершенное деяние содержит состав иного преступления. Так, при ошибке в объекте для квалификации имеет значение не объект посягательства, а объект уголовно-правовой охраны, против которого посягательство не осуществилось вследствие ошибки. Кроме этого, трудности, связанные с определением объекта преступления, заключаются в том, что одно и то же отношение может быть объектом различных преступлений.³ Например, отношения собственности являются объектом совершения таких преступлений, как умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст.167 УК РФ), террористический акт (ст.205 УК РФ), диверсия (ст.281 УК РФ).

Проводил отличие между такими понятиями, как «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления», и Ю.А. Демидов, полагавший, что объект уголовно-правовой охраны шире, чем объект преступления. Во-первых, уголовное право охраняет общественные отношения не только от лиц, которых можно признать виновными, но и от тех, которые посягают на охраняемые общественные отношения в состоянии невменяемости. Так, при совершении общественно опасных действий лицом, находящимся в состоянии невменяемости, имеется объект уголовно-правовой охраны, но нет объекта преступления. Во-вторых, понятие «объект преступления» снижает объект уголовно-правовой охраны до «элемента» или «стороны» преступления. Не понятно, как государственный строй, личность и другие объекты уголовно-правовой

---

¹ Кузнецов А.В. Уголовное право и личность. М., 1977. С.51.

² Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С.16.

³ Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С.169-170; Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С.165-166.

охраны могут быть «элементом» или «стороной» преступления?¹ Представляется, что Ю.А. Демидов, говоря об объекте как «элементе» преступления, неверно отождествлял понятия «объект как элемент состава преступления» и «объект реально совершенного преступления», значение разграничения которых будет дано ниже. О несовпадении таких понятий, как «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления», отмечает и Л.Д. Гаухман: «Первое дает лишь общее представление о круге общественных отношений, защищаемых уголовным законом, то есть имеет общесоциальное значение. Именно в таком смысле общественные отношения указываются в ч.1 ст.2 УК РФ. Второе понятие имеет уголовно-правовое значение, так как характеризует элемент состава преступления. В этом смысле общественные отношения понимаются при перечислении и в названиях разделов, глав и отдельных статей УК РФ. ... В юридической литературе объект преступления обычно понимается в уголовно-правовом значении, то есть как элемент состава преступления».²

Объект уголовно-правовой охраны возникает с момента принятия соответствующей уголовно-правовой нормы. Он может существовать и существует при отсутствии на него посягательства. Объект уголовно-правовой охраны сопряжен с предполагаемой сферой общественных отношений, охраняемой государством, посредством установления уголовно-правового запрета. Поэтому по своему объему объект уголовно-правовой охраны несравненно шире, чем объект преступления, поскольку в реальности работают далеко не все уголовно-правовые нормы. Объект преступления сопряжен с реальными действиями, реальными физическими лицами, реальными общественными отношениями, это то, на что посягает преступление, возникает в момент его совершения, хотя только при условии существования уголовно-правовой охраны его можно расценить как новое качественное состояние отдельной части объекта уголовно-правовой охраны.³ Так, кражи создают опасность состоянию принадлежности имущества независимо от формы соб-

---

¹ Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1974. С.32.

² Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С.64-65.

³ Жалинский А.Э. Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х томах. Т.1. Общая часть / Отв. ред. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. М., 2000. С.102; Ушаков А.В. Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова, Ю.А. Красикова, А.И. Рарога. М., 1994. С.112; Упоров И., Хун А. Объект уголовно-правовых отношений: содержание и различие со сходными понятиями // Уголовное право. 2003. №4. С.64-65.

ственности, которая является объектом уголовно-правовой охраны. Фактически в результате конкретной кражи вред причиняется собственности государственной или общественной организации, акционерного общества и т.д.¹

Таким образом, понятия «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» различны по смысловой нагрузке, значению, объему и временной характеристике.²

Объекты уголовно-правовой охраны существуют до совершения преступления, в этом качестве они равнозначны и не делятся на основные, дополнительные и факультативные.³ Характеристика объекта уголовно-правовой охраны позволяет судить о том, как то или иное общество, исходя из координат социальных ценностей, определяет их приоритетность и в зависимости от этого организует их охрану уголовным законом.⁴ Когда речь идет об объекте уголовно-правовой охраны, объект преступления рассматривается в аксиологическом аспекте, то есть можно ли признать те или иные отношения такими ценностями, неприкосновенность которых охраняется под угрозой уголовного наказания. В этом понимании объект преступления рассматривается как основание для криминализации деяния и имеет политическое значение. Объект реально совершенного преступления проявляется через те изменения в реальной действительности, которые свидетельствуют о негативном воздействии на объект уголовно-правовой охраны.

Поэтому, учитывая, что участник общественных отношений, выступающих объектом уголовно-правовой охраны, становится действительно потерпевшим только после совершения преступления,⁵ следует согласиться с С.В. Анощенковой, что до совершения преступления общественные отношения, охраняемые нормами уголовного закона, являющиеся объектом уголовно-правовой охраны, – это потенциальный объект преступления. После его совершения общественные отношения существуют уже в нарушенном состоянии и представляют собой последствия преступления в широком

---

¹ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С.43.

² Георгиевский Э.В., Чернов А.В. Теоретический анализ объекта преступления. Иркутск, 1999. С.43.

³ Антипов В.И. Установление основного объекта преступления в составах многообъектных преступлений // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности ОВД. Киев, 1986. С.30.

⁴ Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию. С.6.

⁵ Протченко Б.А. Потерпевший как субъект уголовно-правовых отношений // Сов. гос. и право. 1989. №11. С.80; Фаргиев И.А. Потерпевший от преступления (уголовно-правовые вопросы). Хабаровск, 2001. С.22-23.

смысле, а не в смысле понимания как одного из признаков объективной стороны преступления. В первом случае общественные отношения – еще не объект преступления, а объект уголовно-правовой охраны, а во втором проявляются через последствия преступления. Следовательно, объект преступления существует только в момент совершения преступления.¹ Поэтому речь должна идти о разграничении таких понятий, как «объект уголовно-правовой охраны» и «объект как элемент состава преступления».

Объекты уголовно-правовой охраны указаны в ч.1 ст.2 УК РФ и выступают фундаментом системы Особенной части. Именно объект уголовно-правовой охраны выступает в качестве общего объекта преступления, так как, по мнению ряда авторов, общий объект – это только совокупность тех общественных отношений, которые поставлены под охрану уголовного закона, то есть принадлежат к числу важнейших общественных отношений на данном этапе его развития.² Если объектом уголовно-правовой охраны выступают общественные отношения, ценность которых выражается в том, что их нормальное функционирование обеспечивает и способствует развитию личности общества и государства, то объектом как элементом состава преступления выступают правоотношения. Это объясняется тем, что законодатель провозглашает определенные ценности объектами уголовно-правовой охраны, затем посредством формулирования норм Особенной части переводит их в разряд элемента состава преступления. При этом объект уголовно-правовой охраны не становится в полном объеме элементом состава преступления. Так, не вызывает сомнения тот факт, что здоровье женщины является объектом уголовно-правовой охраны, но уголовный закон не всегда признает в качестве преступления причинение женщине вреда, например при производстве аборта, вследствие неэффективности его полного запрета на производство аборт, выражающегося в том, что это приведет к увеличению количества криминальных аборт, что в свою очередь приведет к увеличению последствий в виде смерти или тяжкого вреда здоровью женщины.³

Наиболее четко перевод общественных отношений в объект как элемент состава преступления просматривается на примере преступлений против собственности. Собственность и права на

---

¹ Анощенкова С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. М., 2006. С.55-56.

² Коржанский Н.И. Указ. соч. С.69-70; Тоболкин П.С. Указ. соч. С.92-93.

³ Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. №4. С.70.

собственность существуют вне всякой связи с преступлением и, конечно, не как часть или элемент общественно опасного деяния, называемого преступлением. Собственность как элемент состава в виде его объекта выступает только тогда, когда она находится в связи с другими элементами преступления: на нее направлено определенное противоправное действие, которое совершает человек (субъект), отвечающий установленным законом условиям ответственности (возраст, вменяемость), этот субъект действует сознательно, преследуя определенную цель. Не будь взаимосвязи собственности с другими названными элементами, она существовала бы как общественное отношение, но качеством объекта преступления как элемента его состава не обладала.¹ Законодатель в зависимости от содержания объекта преступления как элемента состава описывает признаки, характеризующие содержание других элементов состава преступления. Правоприменитель же, наоборот, анализируя содержание этих признаков, устанавливает объект преступления.

В то же время необходимо четко проводить различие между такими понятиями объекта, как «элемент состава преступления» и «реально совершенного деяния». Разграничение указанных понятий проявляется в следующем.

Во-первых, в теории уголовного права принято четко различать объективную сторону деяния как реального действия субъекта и объективную сторону состава преступления как юридическое суждение об этом действии.²

Во-вторых, это просматривается на примере квалификации действий соучастников преступления, ответственность которых выражается не в формальном единстве карательной нормы, а в материальной однородности преступления, за которое отвечает каждый из соучастников, когда два лица фактически причиняют вред двум различным объектам, но их действия все же являются совместными, а сами они рассматриваются в качестве соучастников.³ Так, при совершении преступления в соучастии возможны случаи, когда действия двух лиц, действующих совместно, следует квалифицировать по двум разным статьям, так как они посягают на два разных непосредственных объекта как элемента состава преступ-

---

¹ Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С.175-176.

² Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991. С.19.

³ Трайнин А.Н. Избранные труды / Составление, вступительная статья Н.Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. С.228; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по Советскому уголовному праву. М., 1959. С.19-20.

ления, например п. «б» ч.2 ст.105 и ст.317 УК РФ. Но в то же время их следует признать соучастниками, так как соучастие это совместное участие двух и более лиц в совершении преступления, а не состава преступления.

В-третьих, классификация объектов преступления по «горизонтали» представляет собой классификацию именно объекта как элемента состава преступления, а не объектов реально совершенного деяния. Отождествление этих понятий объекта послужило Б.С. Никифорову основанием для утверждения, что предложенное в литературе трехстепенное деление объектов преступления, претендующее на универсальность, в действительности применимо только к немногим преступлениям, например к преступлениям против личности. Применительно к другим составам нередко указывается только на два объекта.¹ Однако в том-то и дело, что в зависимости от того, как законодатель сконструирует состав преступления, можно выделять различное количество объектов преступления как элементов его состава. Поэтому, как отмечает Г.П. Новоселов, имея в виду тот факт, что объекты всей совокупности преступлений не совпадают с количеством объектов одного преступления, можно сделать вывод о недопустимости отождествления классификации объектов преступления и классификации объектов преступлений.²

Отождествление объекта как элемента состава преступления и объекта реально совершенного деяния приводит к тому, что в теории уголовного права объект не рассматривается как элемент состава преступления. «Объект, который лежит вне преступления, – отмечает Н.Ф. Кузнецова, – не может выступать составной частью преступления».³ По мнению М.И. Ковалева, «общественная опасность не является свойством объекта преступления, ибо объект – это правовое благо, защищенное законом».⁴ П.А. Фефелов совершенно логично задает вопрос: «В самом деле, могут ли общественные отношения, являющиеся объектом преступления и охраняемые от преступных посягательств, выступать в качестве составной части этих посягательств? Ответ на это вопрос должен быть отрицательным, потому что мы не можем смешивать то, что защищаем правом, с тем преступным посягательством, с которым

---

¹ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному прав. С.108-109.

² Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С.139.

³ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С.72.

⁴ Ковалев М.И. Понятие преступления по советскому уголовному праву. Свердловск, 1987. С.183.

ведем борьбу».¹ Аналогичного мнения придерживается и А.П. Козлов, который считает, что в состав преступления нельзя ни при каких обстоятельствах включать объект и субъект преступления, так как объект, как нормальные объективно существующие общественные отношения, просто не может быть составной частью преступления – социально отклоняющегося поведения.² Как полагает В.С. Таций, объект преступления, хотя и отнесен к числу элементов состава преступления, в известной мере оторван, обособлен от преступного деяния, которое на него посягает. Хотя отдельные преступления совершаются самим участником общественных отношений, которые как бы «изнутри» выступают объектом преступления.³

Приведенные доводы весьма убедительны, однако сторонники данной позиции не учитывают, что состав преступления – это правовая конструкция, исторически сложившийся в советском уголовном праве инструмент для рассмотрения совершенного в действительности такого фактически общественно опасного деяния, как преступление. «Термин «преступление» – отмечает В.Е. Жеребкин, – обозначает материальный, реальный объект, существующий в действительности. Термин «состав преступления» обозначает идеальный, абстрактный объект».⁴ Поэтому следует различать явление действительности и обобщенное понятие об этом явлении. Объект преступления как часть действительности соотносится с объектом как элементом состава преступления как явление и понятие этого явления. По мнению М.П. Карпушина и В.И. Курляндского, Н.Ф. Кузнецова, утверждая, что объект не может быть составной частью преступления, противоречит сама себе, так как относит признаки, характеризующие объект, к признакам состава. Объект преступления не есть что-то такое, что лежит за рамками преступления, это элемент преступления, другая его сторона. Преступление, которое ни на что не посягает, немислимо. Учитывая, что преступление как правонарушение, – это отношение между людьми и отношение одних людей к другим, объект и субъект преступления входят в содержание преступления, но не целиком, а лишь в той мере, в какой преступник проявил себя в данном случае и как это отразилось на объекте посягательства. Элементы не

---

¹ Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). М., 1992. С.172.

² Козлов А.П. Состав преступления и преступление // Уголовное законодательство: состояние и перспективы развития : материалы конференции / Отв. ред. А.Н. Тарбагаев. Красноярск, 2002. С.23.

³ Таций В.Я. Указ. соч. С.40.

⁴ Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С.52.

образуют деяние, а лишь характеризуют его как преступление.¹ В отождествлении объекта как элемента состава преступления и объекта реально совершенного преступления и заключается проблема: что же является объектом преступления – благо или общественные отношения. Когда речь идет об объекте преступления как о благе, то, прежде всего, имеется в виду реальное посягательство, причиняющее вред людям или общественным установлениям либо условиям существования. Если говорить о преступлении не как о реальном явлении, а как о его понятии, сформулированном в законе, то обобщающие понятия могут наполняться и обобщающими характеристиками – интересами и общественными отношениями.²

Таким образом, следует различать объект преступления как часть действительности, имеющей определенные материальные или нематериальные формы, границы, состояния, закономерности существования и ценность для общества и как элемент состава преступления. Как элемент состава преступления объект приобретает иное содержание. Он может включать в себя правовые признаки объекта посягательства в его предметном и оценочном выражении; признаки последствий посягательства на объект. При этом признаки объекта преступления в диспозиции уголовно-правовой нормы могут быть выражены в самой общей форме или не выражены вовсе.³

Объект как элемент состава преступления, имеет свое содержание, в качестве которого выступают общественные отношения. Это содержание характеризуется такими признаками, как охраняемость общественных отношений и их типичный характер для данного этапа развития человеческого общества.⁴ Охраняемость отношений характеризует правовую сторону содержания объекта, а типичность – его социологическую сторону. Вместе с тем если речь идет об объекте как элементе состава преступления, то следует также указать и такие признаки, которые изменяют содержание (общественные отношения) как предмет преступления, выступающий в качестве материализованного выражения ценностей, по поводу чего отношения сложились, и потерпевшего, который выступает в качестве субъекта охраняемых общественных отношений. Таким образом, объект как элемент состава преступления –

---

¹ Карпушин М.П., Курляндский В.И. Указ. соч. С.77-81.

² Емельянов Е.П. Концептуальные аспекты исследования объекта преступления // Право и политика. 2002. №10. С.62-63.

³ Жалинский А.Э. Указ. соч. С.100-101.

⁴ Марцев А. Состав преступления: структура и виды // Уголовное право. 2005. №2. С.48.

это правовая фикция, обозначаемая в диспозиции нормы Особенной части УК РФ посредством указания на свойства предмета и субъектов отношений, нарушаемых преступлением, когда они имеют уголовно-правовое значение.

Объект как элемент состава преступления выполняет в процессе принятия уголовно-правовых решений информационную, разграничительную и оценочные функции. Информационная функция выражается в том, что содержащаяся в уголовно-правовой норме информация должна ориентировать правоприменителя на выявление того круга общественных отношений, который нарушен преступным посягательством. Разграничительная функция служит продолжением информационной функции по разграничению преступлений по признакам объекта. Оценочная функция проявляется во взаимопересекающихся аспектах: определяет влияние признаков объекта преступления на характер и степень общественной опасности преступления (учет социальной ценности, нарушенных преступлением отношений, глубины их поражения, выражающейся в характере и размере причиненного вреда и влияющие на вид и размер назначаемого наказания).¹

Следует отметить, что в теории уголовного права было высказано мнение о нецелесообразности использования объекта преступления и его замене предметом преступления. Так, по мнению Ю.А. Денисова, учитывая, что понятие объекта правонарушения взаимосвязано с понятием правонарушения и относится к теоретическому уровню знания, правильным было бы включить в состав правонарушения предмет посягательства.² По мнению В.В. Векленко, от объекта как элемента состава преступления следует отказаться, так как понятие «общественные отношения» слишком широкое. В процессе применения норм Особенной части УК РФ провести разграничение по объекту преступления, как правило, не представляется возможным, вследствие чего отказ от объекта как необходимого элемента состава преступления может быть связан с усилением роли предмета в его структуре. Кроме этого, построение структуры Особенной части УК РФ, в зависимости от объекта, вызывает много нареканий, например не понятно, как преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях могут быть более опасны, чем преступления против основ консти-

---

¹ Велиев И.В. Уголовно-правовая оценка объекта посягательства при квалификации преступлений. Баку, 1992. С.11-12.

² Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. М., 1984. С.122.

туционного строя, поэтому в качестве критерия построения Особенной части следует использовать общественно опасное деяние.¹

Доводы о замене объекта преступления предметом преступления весьма убедительны и на первый взгляд действительно облегчают задачу конкретизации ценностей, охраняемых законом, но при этом не учитывается следующее. Во-первых, не следует абсолютизировать значение объекта преступления при разграничении смежных составов. Так, например многие составы не различаются по форме вины. Во-вторых, что следует понимать под предметом преступления? Если только предметы материального мира, то не понятно, почему в одних случаях уничтожение имущества следует квалифицировать как уничтожение или повреждение имущества (ст.167 УК РФ), в других – как террористический акт (ст.205 УК РФ) или как диверсию (ст.281 УК РФ). Если же под предметом понимать не только предметы материального мира, то следует указать его признаки. В-третьих, построение Особенной части УК РФ в зависимости от объекта преступления основывается на идеях до-революционных юристов. По мнению И.Я. Фойницкого, все разнообразные человеческие отношения распадаются на три главные сферы: частно-гражданскую, общественную и государственную, поэтому и преступные деяния распадаются на три группы.² Соответственно расположены и нормы Особенной части УК РФ.

Вместе с тем, идею о замене объекта преступления на его предмет в системе элементов состава преступления не стоит отбрасывать, так как думается это возможный путь конкретизации такого понятия, как «объект преступления». Так, по мнению А.Н. Круглевского, в отличие от способа совершения преступления, количество модификаций которого невелико, его предмет, наоборот, обладает большим количеством модификаций. Поэтому предмет преступления может быть использован в качестве основания классификации преступлений.³ При этом, переделы конкретизации, выражающиеся в переводе тех или иных понятий из абстрактно-обобщенных в конкретно-осязаемые, должны быть ограничены тем, что бы определяемое как непосредственный объект не потеряло при этом свойств общественного отношения.⁴ Подробное описание признаков предмета преступления приведет к казуаль-

---

¹ Векленко В.В. Объект в структуре состава преступления / Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и применения : материалы межвузовской научно-практической конференции. Омск. 2006. С.4-6.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. С.5.

³ Круглевский А.Н. Указ. соч. С.7-8.

⁴ Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления / Сборник ученых трудов. Выпуск 10. Свердловск, 1969. С.207.

ному изложению норм Особенной части УК РФ, что было характерно для уголовного законодательства дореволюционного периода.

Вследствие того, что не проводится разграничение между понятиями объекта как элемента состава преступления и объекта уголовно-правовой охраны, в литературе указывается на необоснованность классификации норм Особенной части УК РФ на основании объекта уголовно-правовой охраны. Так, В.В. Векленко совершенно верно указывает на сомнительность признания основным непосредственным объектом преступления отношений собственности при совершении разбоя (ст.162 УК РФ), порядка управления при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст.317 УК РФ), так как в соответствии с провозглашенным приоритетом таких общечеловеческих ценностей, как жизнь и здоровье человека, именно они и должны выступать в качестве основного непосредственного объекта указанных преступлений.¹ Однако в данном случае речь идет об объекте как элементе состава преступления, конструкции, созданной исходя из субъективного мнения законодателя. Именно как элемент состава преступления рассматривал основной непосредственный объект Е.А. Фролов, под которым, по его мнению, следует понимать то общественное отношение, тот интерес, который законодатель, создавая данную норму, в первую очередь стремился поставить под охрану уголовного закона.² По мнению Н.И. Коржанского, основной непосредственный объект преступления – это то общественное отношение, воздействие на которое составляет сущность данного преступления и в целях охраны которого издана уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за его совершение.³

Иногда, учитывая, что преступление посягает на широкий круг общественных отношений, достаточно сложно установить сущность того или иного общественного отношения. Так, Е.А. Фролов, анализируя формы причинения имущественного ущерба и учитывая, что при совершении данного преступления выхода имущества из владения организации не происходит, полагал, что в ст.94 УК РСФСР (ст.165 УК РФ) предусмотрена ответственность не за посягательство на собственность, а за два самостоятельных преступления. Первое – незаконная корыстная эксплуатация иму-

---

¹ Векленко В.В. Указ. соч. С.5.

² Фролов Е.А. Объект уголовноправовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1971. С.24.

³ Коржанский Н.И. Указ. соч. С.81.

щества – должно быть отнесено к хозяйственным преступлениям. Второе – неплатеж налогов – должно быть отнесено к преступлениям против порядка управления либо к числу деяний, посягающих на финансовые интересы государства.¹ Законодатель, располагая составы в различных главах Особенной части УК РФ, выделяет тем самым основной непосредственный объект. Это усмотрение законодателя субъективно, зависит от социально политической ситуации в стране и может со временем измениться. Так, согласно месту ст.ст.198-199-2 УК РФ в системе Особенной части УК РФ уклонение от уплаты налогов в первую очередь причиняет вред отношениям в сфере экономической деятельности. В то же время в УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. уклонение от уплаты налогов причиняло вред в первую очередь отношениям в сфере порядка управления. На основании чего, по мнению К.В. Маamilова, нормы, представляющие ответственность, за уклонение от уплаты налогов должны быть расположены в разделе «Преступления против государственной власти», что позволит обосновать более жесткую реакцию государства, так как указанные преступления посягают на основы существования государства.² Достаточно дискуссионным является вопрос об определении основного непосредственного объекта и, соответственно, места в системе Особенной части УК РФ, состава преступления, предусмотренного ст.166 УК РФ. Так, до 1994 г. норма, предусматривающая ответственность за неправомерное завладение автомобилем (ст.212 УК РСФСР), находилась в главе «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Федеральным законом от 1 июня 1994 г. эта статья была исключена из УК РСФСР, а в главу «Преступления против собственности» была введена ст.148-1 «Неправомерное завладение транспортным средством лошастью или иным ценным имуществом».³ В настоящее время ответственность за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством предусмотрена в ст.166 УК РФ, так как, по мнению законодателя, опасность совершения этого преступления выражается в причинении имущественного ущерба потерпевшему, вследствие чего основным непосредственным объектом данного преступления выступают отношения собственно-

---

¹ Фролов А.Е. Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность // Сборник ученых трудов. Выпуск 8. Свердловск, 1968. С.115-116.

² Маamilов К.В. Уголовно-правовое основание уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. С.14.

³ Собрание законодательства РФ. 1994. №10. Ст.10.

сти. Однако, по мнению А.И. Коробева, такая позиция далеко не бесспорна. Во-первых, по данным зарубежных исследователей, на угнанных автомобилях (в расчете на 1км) пробега совершается в 200 раз больше ДТП, чем на всех остальных автомобилях, поэтому опасность угона выражается в причинении вреда в сфере безопасного функционирования транспорта. Во-вторых, в этом решении законодателя проявляется его непоследовательность: почему угон воздушного, или водного транспорта либо железнодорожного состава (ст.211 УК РФ) причиняет отношениям собственности вред меньший, чем угон автомобиля?¹ Действительно, угон самолета причиняет вред отношениям собственности, но более значимую опасность такие действия представляют в сфере общественной безопасности, что и выражается в санкции нормы.

В плане выявления основного непосредственного объекта преступления, что влияет на решение вопроса о главе Особенной части УК РФ, в которой должен находиться состав, а также на его формулировку в диспозиции, большой интерес представляет анализ такого состава, как разбой (ст.162 УК РФ). Так, кроме признания в качестве основного непосредственного объекта здоровья человека, в литературе существуют и иные точки зрения, относительно того, какие отношения являются основным непосредственным объектом разбоя. По мнению ряда авторов, несмотря на то, что норма об ответственности за разбой расположена в главе «Преступления против собственности», в то же время здоровье представляет собой большую ценность, чем собственность, поэтому законодатель связывает момент окончания разбоя не с момента завладения имуществом, а с момента нападения. Таким образом, возникает двойственность объекта, что бы ее избежать следует признать, что основным непосредственным объектом разбоя, по мнению ряда авторов, выступает общественная безопасность.² Однако, учитывая, что в статье 7 УК РСФСР определение преступления раскрывалось через деяние, посягающее на определенные ценности, а слово «посягать» означает намереваться, то установление непосредственного объекта должно определяться исходя из направленности воли субъекта,³ поэтому норма, предусмотренная ст.162 УК РФ, создана в первую очередь для охраны отношений собственности, о чем свидетельствуют направленность воли виновного и история отечественного уголовного законодательства.

---

¹ Коробеев А.И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С.198-200.

² Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С.54-56; Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975. С.47.

³ Антипов В.И. Указ. соч. С.28.

Для разрешения споров о том, какие отношения являются основным непосредственным объектом разбоя, следует изменить формулировку его объективной стороны, заменив термин «нападение» на «хищение имущества» либо формулировкой «завладение имуществом посредством применения насилия, опасного для жизни или угрозой применения такого насилия», о чем неоднократно указывалось в литературе.¹ Во-первых, таким образом, будет перенесен акцент с признания непосредственным объектом разбоя отношений собственности, а не здоровья потерпевшего. Во-вторых, позволит избежать расширительного толкования понятия нападения, так как завладение имуществом потерпевшего посредством его приведения в бессознательное состояние введением в его организм сильнодействующих веществ также следует квалифицировать как разбойное нападение. В-третьих, у виновного при совершении разбоя появится реальная возможность добровольного отказа.

Также достаточно сложно разграничить разбой, совершенный организованной вооруженной группой (ч.3 ст.162 УК РФ), от бандитизма (ст.209 УК РФ). Единственное их отличие заключается в том, что разбой совершается с целью завладения имуществом, а при бандитизме такой цели при нападении может и не быть. Поэтому следует поддержать позицию В. Быкова о том, что разбой, совершенный организованной вооруженной группой, и есть бандитизм. В то же время не совсем понятна позиция В.Быкова о том, что в ст.162 УК РФ следует на всякий случай сохранить такой квалифицирующий признак, как разбой, совершенный организованной группой лиц (п. «а» ч.4 ст.162 УК РФ).² Следует отметить, что в ч.1 ст.184 УК РСФСР 1922 г. была предусмотрена ответственность за разбой как открытое, с целью похищения имущества, нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем. В ч.2 этой же статьи была предусмотрена ответственность за то же преступление, совершенное группой лиц (бандой), которое наказывалось в соответствии со ст.76 УК РСФСР (глава «Преступления против порядка управления»), предусматривавшей ответственность за организацию и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблени-

---

¹ Елисеев С.А. Указ. соч. С.116-119; Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С.101-107; Иванцова Н. Разбой насильственное хищение чужого имущества // Уголовное право. 2003. №2. С.34-36; Коробов П. Разбой как типичная форма хищения // Уголовное право. 2006. №1. С.32-36.

² Быков В. Как разграничить бандитизм и разбой // Рос. юстиция. 2001. №1. С.52-53.

ях.¹ Таким образом, определение общественных отношений, выступающих непосредственным объектом преступления, и место норм в системе Особенной части УК РФ зависит от усмотрения законодателя, которое не всегда бывает верным. Поэтому изложенного, сложно согласиться с предложением Н.И. Коржанского о закреплении в науке уголовного права правила, адресованного практике, согласно которому деяния, помещенные в одной главе Уголовного кодекса, посягают на один и тот же родовой объект.² Действительно, этим правилом должен руководствоваться законодатель, но никак не правоприменитель, так как законодатель может ошибаться при определении важности тех отношений, которым в результате совершения преступления причиняется вред. Как справедливо отмечал Ю.А. Ляпунов, место нормы в системе законодательства не может служить единственным и определяющим критерием установления объекта, предусмотренного ею состава преступления, «в противном случае следовало бы признать, что одни и те же преступления в различных республиках посягают на различные общественные отношения ...».³

Также в теории уголовного права, в качестве критерия построения системы Особенной части УК РФ, предлагалось рассматривать механизм преступного поведения и поэтому все неосторожные преступления, особенно технические, объединить в самостоятельную главу Особенной части УК РФ «Неосторожные преступления» с двумя подразделами «Технические преступления» и «Иные неосторожные преступления».⁴ Это предложение имеет определенное основание, так как всем неосторожным преступлениям присущи специфические признаки, характеризующие субъективную сторону. Кроме этого, неосторожные преступления отличаются по характеру действий и характеристике личности виновного. Однако эти специфические черты неосторожных преступлений, по справедливому мнению М.И. Тяжковой, могут быть основаниями для выделения их в особую группу в теории уголовного права, но не в законе, так как система Особенной части УК РФ не может строиться одновременно на нескольких критериях, поскольку в

---

¹ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). С.110, 121.

² Коржанский Н.И. Определение объекта преступления в законе и на практике // Советское законодательство и вопросы борьбы с преступностью / Труды высшей следственной школы. Вып.10. Волгоград, 1974. С.7.

³ Ляпунов Ю.А. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. М., 1974. С.22.

⁴ Нерсеян В.А. Неосторожная вина: проблемы и решения // Гос. и право. 2000. №4. С.62

этом случае она не будет обладать научной строгостью и последовательностью.¹

Значение разграничения объекта уголовно-правовой охраны и объекта как элемента состава преступления выражается в том, что это позволит разрешить ряд разногласий, существующих в теории уголовного права.

Во-первых, разрешит спор, что является критерием постановки под охрану и дифференциации ответственности при посягательстве на жизнь. Так, по мнению Ю.А. Демидова, уголовное право охраняет жизнь и здоровье самых активных личностей – участников и носителей общественных отношений и новорожденных, которые потенциально в дальнейшем приобретут черты личности в процессе будущей их социализации, и людей, которые перестали быть личностью вследствие поражения их болезнью.² По мнению В.К. Глистина, критикующего позицию Ю.А. Демидова, жизнь человека ставится под охрану не в зависимости от пола, возраста, а с позиций ее социальных качеств, так как объективным критерием систематизации норм в уголовном законодательстве являются социальные функции личности, опосредующие сущность общественных отношений, а не сам человек.³ Представляется, что никаких противоречий в позиции двух указанных авторов нет, речь идет о разном понимании объекта преступления. Так, Ю.А. Демидов говорит об объекте уголовно-правовой охраны, а В.К. Глистин – об объекте как элементе состава преступления, так как ответственность за убийство предусмотрена в нескольких статьях Особенной части УК РФ, которые расположены в различных главах. Многие недоразумения при определении непосредственного объекта преступлений против личности происходят из-за обособления биологической и социальной сущности человека.⁴ Поэтому, по мнению В.Я. Козаченко, следует различать такие понятия, как «человек» и «личность», и рассматривать их в плоскости взаимоотношений таких категорий, как явление и сущность, позволяющих показать переход от индивидуального состояния человека к состоянию социальному и выразить характер, степень, объем об-

---

¹ Тяжкова М.И. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / Под ред. В.С. Комисарова. СПб., 2002. С.66-67

² Демидов Ю.А. Указ. соч. С.52.

³ Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). ЛГУ., 1979. С.37.

⁴ Тоболкин П.С. Указ. соч. С.108.

щественно опасных посягательств на личность.¹ Таким образом, человек выступает в качестве объекта уголовно-правовой охраны, а отдельные свойства личности, получая закрепление в нормах Особенной части УК РФ, становятся объектом как элементом состава преступления.

Во-вторых, разрешит спор о том, можно ли признавать объектом преступления возможность действовать определенным образом. Так, по мнению Е.А. Фролова, объект уголовно-правовой охраны – это реальные возможности тех или иных участников общественной жизни, которые соответствуют интересам развития общества.² По мнению Н.И. Коржанского, это слишком широкое определение, так как оно необоснованно включает и абстрактные, потенциальные возможности, на которые преступное посягательство на уровне непосредственного объекта невозможно. Например, не может быть нарушена возможность отдельного гражданина обучаться в учебном заведении, если он в нем не учится.³ Однако в том-то и дело, что уголовный закон, абстрагируясь от конкретных, частных случаев, устанавливает потенциальную охрану любых возможностей граждан, реализация которых способствует развитию общества, если недостаточно других правовых средств для обеспечения этой возможности. И в этом случае речь идет об объекте уголовно-правовой охраны, который затем посредством формулирования запрета посягать на данный объект переводится в разряд объекта как элемента состава преступления.

В-третьих, четкое разграничение объекта уголовно-правовой охраны и объекта как элемента состава преступления позволяет разрешить разногласия при определении понятия предмета преступления. Так, по мнению Е.А. Фролова, материальные предметы применительно к разным общественным отношениям могут выполнять различные функции. В одних случаях они служат своеобразным внешним материальным свидетельством существования определенных общественных отношений (например, документы удостоверяют факт возникновения или изменения определенного правового состояния тех или иных лиц), в других случаях – являются объективным условием надлежащего функционирования со-

---

¹ Козаченко И.Я. Структура объекта в преступлениях против личности / Уголовное право в борьбе с преступностью : межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1987. С.64-65.

² Фролов Е.А. Объект уголовноправовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1971. С.18.

³ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С.47; Глистин В.К. Указ. соч. С.59-60.

циальных организаций, выполняют роль предпосылок успешного осуществления определенных общественных отношений (например, вооружение обеспечивает боеспособность страны; транспортные средства и пути сообщения необходимы для нормального функционирования транспорта). Во многих случаях материальные предметы выполняют роль необходимого повода, материальной предпосылки или условия для возникновения и поддержания определенной социальной взаимосвязи между субъектами. Поэтому предмет преступления как признак состава, характеризующий объект преступления, необходимо выделять лишь там, где причинение вреда объекту происходит посредством воздействия на предметы материального мира. Одни и те же предметы материального мира способны выполнять самые разнообразные функции и выражать свойства различных общественных отношений. Поэтому под предметом преступления следует понимать такие предметы или вещи, которые служат материальным (вещественным) поводом, условием либо свидетельством существования определенных общественных отношений и посредством изъятия, уничтожения, создания либо видоизменения которых причиняется вред объекту преступления.¹ По мнению В.Я. Тация, в таком понимании предмета имеется определенное противоречие. Так, с одной стороны, предмет преступления представляет собой структурную часть объекта общественного отношения, а с другой – рассматривается как некое, стороннее объекту явление – повод, условие либо свидетельство существования общественного отношения.² В данном случае критика основывается на не различении функций предметов материального мира и содержания общественных отношений. Во-первых, предметы материального мира являются формой материализации такого абстрактного понятия как «общественные отношения», но сами они не входят в структуру общественного отношения. Во-вторых, их создание и видоизменение является основанием для возникновения и прекращения определенных отношений между их субъектами. Посредством описания в нормах Особенной части УК РФ свойств предметов материального мира и информации законодатель указывает на содержание общественных отношений, выступающих объектом как элементом состава преступления.

Признавая объектом преступления как элементом его состава правоотношения, следует определиться с местом в системе состава

---

¹ Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С.219-222.

² Таций В.Я. Указ. соч. С.38.

преступления таких признаков, как потерпевший, предмет преступления и последствия преступления. Так, по мнению ряда авторов, последствия должны рассматриваться в рамках учения об объекте преступления.¹ Согласно мнению других авторов, вследствие того, что следует различать преступные последствия как социальный вред объекту преступления и преступные последствия как вред, который причиняется участникам общественных отношений и социальным ценностям, по поводу которых эти отношения складываются и устанавливаются, потерпевшего и предмет преступления следует рассматривать в рамках учения об объективной стороне преступления, так как вред, причиняемый объекту преступления, выражается в изменении внешнего мира, всегда реален, то есть существует в объективной действительности, но не материален, поэтому он относится не к миру вещей, а к отношениям между людьми.² Проблема снимается, если в преступных последствиях выделять физические свойства, выражающиеся в определенных изменениях окружающего мира, (последствия как признак объективной стороны) и социальную сторону, характеризующуюся значением этих изменений для людей (последствия, произошедшие в объекте преступления).³ Так, потерпевшему может быть причинен вред здоровью, уничтожено его имущество, что характеризует физическую сторону последствий. Социальная сторона последствий, характеризующая объект преступления, выражается в том, что субъект лишается возможности жить в полной мере вследствие расстройства здоровья, лишается возможности пользоваться имуществом.⁴ Именно лишение возможности пользоваться определенными благами выступает непосредственным объектом преступления. Поэтому последствие принадлежит одновременно и действию и объекту.⁵

Таким образом, понятие «объект преступления» следует рассматривать в трех аспектах в динамике их перехода. Во-первых, как объект уголовно-правовой охраны – общественные отношения, охраняемые нормами УК РФ, которые перечислены в ч.1 ст.2 УК

---

¹ Георгиевский Э.В., Чернов А.В. Указ. соч. С.45-47.

² Прохоров В.С. Курс Советского уголовного права. ЛГУ., 1968. С.329-330; Благов Е.В. Общественно опасные последствия как признак объективной стороны состава преступления // Проблемы уголовной ответственности и наказания. Красноярск, 1995. С.15.

³ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С.163-164; Новоселов Г.П. Без преступных последствий нет преступления // Рос. юстиция. 2001. №3. С56.

⁴ Фргиев И.А. Указ соч. С.19-21.

⁵ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С.141.

РФ. Таким образом, общий объект преступления рассматривается в аксиологическом (ценностном) аспекте. Перечисление объектов уголовно-правовой охраны должно определять последовательность расположения глав в структуре Особенной части УК РФ.

Во-вторых, как элемент состава преступления, когда законодатель представляет в диспозиции статьи Особенной части УК РФ структуру общественных отношений посредством описания признаков субъектов отношений и материализованного выражения факторов, по поводу которых сложились общественные отношения (имущество, документы и т.д.). Посредством формулирования норм Особенной части УК РФ объект уголовно-правовой охраны переводится в объект как элемент состава преступления, где свойства субъекта и материализованного выражения ценностей, по поводу которых сложились общественные отношения, указываются в диспозиции статьи Особенной части УК РФ. Вернее, в диспозиции нормы статьи Особенной части УК РФ указываются не признаки потерпевшего и предмета преступления, а признаки субъектов отношений и признаки материализованного выражения факторов, по поводу которых существуют отношения. После совершения преступления субъекты отношений становится потерпевшим и субъектом преступления, а материализованное выражение ценностей, по поводу которых отношения существуют, – предметом преступления, то есть потерпевший и предмет преступления проявляются как материализованные последствия преступления. Таким образом, объект рассматривается в юридическом (формальном) аспекте.

В-третьих, собственно объект преступления – как часть действительности, имеющей определенные материальные или нематериальные формы, границы, состояния, как определенные социальные блага, на которые было направлено посягательство и которые не могут быть таковыми вне общественных отношений. В этом плане объект рассматривается в социальном (материальном) аспекте. Фиксация изменений, произошедших в общественных отношениях, производится посредством описания признаков потерпевшего и предмета преступления в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Такой подход полностью согласуется с позицией сторонников признания в качестве объекта преступления «правового блага», которое должно характеризовать: 1) его правовое положение, проявляющееся в характеристике как правовое явление; 2) ценность, значимость для общества, то есть раскрыть его как благо; 3) вещную, предметную, материальную сторону, то есть раскрыть

его как реальность.¹ Однако указывать все три характеристики объекта в диспозиции статьи нецелесообразно. Объект преступления следует рассматривать как сложное многоуровневое явление, проявляющееся в таких аспектах: аксиологическом как объект уголовно-правовой охраны, правовом – элемент его состава, социальном – объект реально совершенного деяния. Наибольшее практическое значение имеет анализ объекта преступления в правовом аспекте, когда он рассматривается как элемент его состава.

2.2. ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Как было отмечено ранее, в последнее время наметилась тенденция отхода от традиционного понимания объекта преступления как общественных отношений. Основные доводы противников концепции «объект преступления – общественные отношения» сводятся к следующему. Во-первых, признание объектом преступления общественных отношений ставит их по существу на высшую ступень иерархии социальных ценностей, вследствие чего получается, что уголовный закон существует ради установленного того или иного порядка отношений. Во-вторых, несмотря на то, что любое преступление всегда сопряжено с нарушением тех или иных общественных отношений, тем не менее этот факт не образует сущности общественной опасности преступления, так как преступление причиняет вред определенным ценностям (благам), а через них – личности, обществу, государству, ради охраны которых и существует уголовный закон.² В-третьих, категория «общественные отношения» в философии является более абстрактной, чем любая другая категория уголовного права. Противоречивость отношений в обществе не позволяет считать их однородными, то есть одинаково ценными, нуждающимися в защите. В философии под общественными отношениями понимают устойчивые связи, тогда как в уголовном праве под ними понимают любые связи, в том числе и конкретные, индивидуальные. Поэтому содержание понятия «общественные отношения» в философии и уголовном праве различно и его интерпретация для нужд уголовного права и правоприменительной практики является сложной проблемой. Также не ясен механизм причинения вреда общественным отношениям – не понятно, что происходит с общественными отношениями как объектом преступления после совершения преступле-

---

¹ Жалинский А.Э. Указ. соч. С.104.

² Зателепин О. Указ. соч. С.30.

ния. Поэтому интересной представляется концепция: «объект преступления – правовое благо – охраняемая ценность».¹ В четвертых, по мнению критиков, авторы, придерживающиеся концепции объекта преступления как «общественного отношения», в то же время, при анализе конкретных составов преступлений описывают объект преступления не как конкретные общественные отношения, а посредством указания на «общественный и государственный строй», «личность», «жизнь и здоровье человека», «интересы правосудия» и другие, что само по себе нельзя назвать общественными отношениями.²

Представляется, что анализ приведенных доводов следует начать с последнего, суть которого выражается в том, что при анализе конкретных преступлений их объект рассматривается не как конкретные общественные отношения, а посредством указания на «общественный и государственный строй», «личность», «жизнь и здоровье человека», «интересы правосудия». Учитывая, что при совершении преступления вред причиняется разнообразным отношениям, например при разглашении сведений, составляющих государственную тайну (ст.283 УК РФ), вред причиняется отношениям, складывающимся по поводу обеспечения политической, территориальной, экономической безопасности Российской Федерации, поэтому для краткости в целях экономии места в диспозиции статьи Особенной части УК РФ объектом данного преступления следует признать обороноспособность государства.³

В интересах экономии законодатель чаще всего описывает в диспозиции норм объекты через описание признаков ущерба, предметов посягательства либо потерпевших и места совершения преступления, поэтому, если из анализа диспозиции можно сделать вывод об объекте преступления, то о нем можно не упоминать.⁴ Таким образом, отсутствие в диспозиции статьи Особенной части УК РФ указания на объект преступления, как на общественные отношения объясняется приемами законодательной техники.

---

¹ Расторопов С. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива // Уголовное право. 2002. №1. С.40; Жалинский А.Э. Указ. соч. С.104.

² Загородников, Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию. 1994. С.15; Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Г.П. Новоселов. М., 1997. С.126.

³ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С.147-148.

⁴ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С.117; Ковалев М.И. Понятие преступления по советскому уголовному праву. Свердловск, 1987. С.71

Ответ на первое и второе замечание необходимо объединить, уточнив при этом следующее. Во-первых, как было отмечено ранее, следует различать объект реально совершенного деяния и понятие об этом объекте как элементе состава преступления, имеющем своим содержанием общественные отношения. Во-вторых, при указании на объект преступления как на благо или личность речь идет именно об объекте уголовно-правовой охраны.

По мнению А.В. Наумова исходной позицией признания в качестве объекта преступления общественных отношений послужило марксистское понимание сущности человека как «совокупности всех общественных отношений».¹ Следует отметить, что К. Маркс, в работе «Тезисы о Фейербахе» писал: «Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений».² Поэтому, как отмечает А.В. Дроздов, «часто повторяемое выражение «человек есть совокупность общественных отношений» строго говоря, не совсем точно, так как общественные отношения выражают социальную сущность, но не всего человека как явления. ... Человек может существовать лишь как элемент социальной системы и перестает существовать вне ее».³ Трактовать общественные отношения как сущность человека – значит выводить эту сущность за пределы человека. Поэтому логичнее считать не общественные отношения сущностью человека, а человека их сущностью.⁴ «Выдвижение личности на первое место, – отмечал А.А. Тер-Акопов, – не означает игнорирование общественных отношений как объекта преступного посягательства, но последние имеют значение лишь постольку, поскольку обеспечивают интересы личности. Поэтому общим объектом преступления (объектом уголовно-правовой охраны – В.В.) следует признать личность и отношения, обеспечивающие интересы личности».⁵ Подобные взгляды на соотношение личности и общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны высказывались еще в советское время, когда объектом преступления против жизни и здоровья признавалась личность в системе общественных отношений, а непосредственным объектом – жизнь и здоровье в сис-

---

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. С.149.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 3. М., 1955. С.3.

³ Дроздов А.В. Человек и общественные отношения. ЛГУ., 1966. С.28.

⁴ Баруллин В.С. Социальная философия. М., 1999. С.458.

⁵ Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М., 1994. С.10.

теме тех же отношений.¹ Таким образом, когда речь идет о личности как объекте преступления, объект преступления рассматривается в ценностном аспекте как объект уголовно-правовой охраны всей совокупности общественных отношений, охраняемых уголовным законом, и как родовой объект преступлений, указанных в разделе VII «Преступления против личности». В то же время следует отметить, что уголовный закон охраняет не только личность, но и жизнь, здоровье и иные интересы новорожденных, которые еще не являются личностью, а также лиц, страдающих слабоумием, которые никогда не станут личностями. Поэтому возможно название раздела VII «Преступления против личности», следует переименовать в «Преступления против человека». Такое понимание объекта уголовно-правовой охраны, нисколько не противоречит традиционному механизму причинения вреда общественным отношениям. Сторонники понимания объекта преступления как интереса или блага едины в том, что в качестве объекта преступления они рассматривают один из элементов структуры общественного отношения, то есть какую-то часть целого. При этом, причиняя вред части целого, нельзя не причинить вред всему целому. Так, если у стола сломана ножка, это значит, что сломан весь стол. Поэтому действительно, что при совершении преступления вред может причиняться в первую очередь интересам, благам, субъекту отношений, но в конечном счете он причиняется самим общественным отношениям.²

Закон охраняет жизнь каждого и всех, утверждая нерушимость такой организации общества, которая обеспечивает любому его члену личную безопасность.³ Поэтому утверждение, что при посягательстве на жизнь или здоровье конкретного человека нарушаются только его права, неверно, так как это не соответствует сущности уголовного права. Если совершено убийство, объектом преступления выступают интересы всего общества, поскольку тот, кто убит, – «один из нас». «В этом утверждении, – по мнению Н.М. Кропачева, – нет принижения абсолютной ценности человека как биологического существа, есть только констатация фактического положения вещей».⁴ Кроме этого, в теории уголовного права объект преступления рассматривается через понятие безопасности. Ни

---

¹ Горелик И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. Минск, 1964. С.5.

² Верина Г.В. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказание. Саратов, 2001. С.31.

³ Прохоров В.С. Указ. соч. С.53-54.

⁴ Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С.110.

жизнь, ни личность не могут быть объектами убийства. Жизнь – это не общественные отношения. Личность не может быть объектом убийства уже хотя бы потому, что она охраняется еще до того, как человек становится личностью. В этот период времени он не столько субъект общественных отношений, сколько их объект. Поэтому объектом убийства является безопасность жизни, объектом телесных повреждений – безопасность здоровья.¹ В силу чего достаточно интересным представляется мнение О. Зателепина, который предлагает под понятием объекта преступления понимать охраняемую уголовным законом социальную безопасность, то есть состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, подвергающееся преступному посягательству.²

Природа преступления в том и заключается, что оно причиняет вред обществу. В противном случае если под последствиями преступления понимать только физические (материальные) последствия, например людей, имущество, то невозможно обосновать уголовную ответственность иностранца, совершившего на территории России преступление против другого иностранного гражданина. Однако это легко сделать, если признать в качестве объекта преступления общественные отношения.³ Кроме этого, если признать объектом преступления человека вне системы общественных отношений, то нельзя обосновать правомерность лишения жизни посягающего в состоянии необходимой обороны. Также непреступным следует признавать причинение смерти и вреда здоровью по просьбе самого потерпевшего, хотя это является преступлением. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, определением от 28 марта 1962 г. по делу Г., который был признан виновным в том, что он по просьбе гражданина Б. отрубил ему кисть правой руки, признала правильной квалификацию действий Г. по ч.2 ст.108 УК РСФСР (ч.4 ст.111 УК РФ).⁴ Аналогичное решение Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приняла по делу Карпова, осужденного по ч.2 ст.108 УК РСФСР за то, что он по просьбе Носова выстрелил в него из пистолета с целью причинения вреда здоровью.⁵

---

¹ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С.101.

² Зателепин О. Указ. соч. С.31.

³ Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и в пространстве. СПб., 1995. С.103.

⁴ Загородников Н.И. Преступления против здоровья. М., 1969. С.24.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1970. №7. С.9.

Если бы объектом преступления признавался человек, то при квалификации всегда учитывалось количество потерпевших от преступления. Так, Верховным Судом Республики Адыгея Останин был осужден по п.п. «ж», «з» ч.2 ст.105, п.«в» ч.3 ст.162 УК РФ, а за вовлечение несовершеннолетних Шаловко и Костерина – по ч.4 ст.150 и ч.4 ст.150 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационной жалобе, в определении от 12 ноября 2004 г. №24-оО4-5 указала, что действия Останина ошибочно расценены как совокупность двух преступлений, так как согласно ч.1 ст.17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение двух и более преступлений, предусмотренных различными статьями или частями статьи, ни за одно из которых лицо не было осуждено.¹ Такое решение Судебной коллегии обоснованно и законно, так как уголовный закон охраняет все общественные отношения в сфере воспитания несовершеннолетних, а не какого-то одного человека. Понятна и логика Верховного Суда Республики Адыгея, стремившегося дифференцированно подойти к оценке преступления в зависимости от количества потерпевших. Следует отметить, что иногда Верховный Суд РФ дифференцированно подходит к оценке ситуаций причинения вреда двум и более потерпевшим. Так, согласно п.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ №1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» убийство одного человека и покушение на жизнь другого (при наличии единого умысла на убийство двух лиц) не может рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух и более лиц. В таких случаях, независимо от последовательности преступных действий, содеянное следует квалифицировать по ч.1 ст.105 УК РФ и по ч.3 ст.30 и п. «а» ч.2 ст.105 УК РФ. Такой подход был подвергнут критике. Во-первых, это противоречит положениям ст.17 УК РФ о том, что совокупностью преступлений признается совершение лицом двух и более преступлений, предусмотренных различными статьями или частями одной статьи, в то время как в приведенном примере совокупность преступлений образуют действия, предусмотренные одной частью одной и той же статьи. Во-вторых, при таком подходе осужденному по совокупности преступлений за неоконченное и оконченное преступление может быть назначено более строгое наказание, чем за одно оконченное преступление, предусмотренное п. «а» ч.2 ст.105 УК РФ.² Поэтому,

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. №6. С.28.

² Хабаров А.В. Квалификация неоконченных преступлений // Российский юридический журнал. 2000. №2. С.88-89.

учитывая сложности, возникающие при квалификации преступлений против двух и более потерпевших, и учитывая, что в данном случае количество потерпевших свидетельствует о большем объеме нарушении общественных отношений, возможно перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст.63 УК РФ), следует дополнить таким обстоятельством, как совершение преступления в отношении двух и более лиц.

Также признание объектом преступления человека не позволяет объяснить, почему в одних случаях причинение ему смерти по неосторожности квалифицируется по ст.109 УК РФ, в других – по ст.143 УК РФ либо по ст.264 УК РФ. Объяснить это можно очень просто, если в качестве объекта преступления признать отношения, складывающиеся в сфере трудовых отношений по поводу безопасных условий труда (ст.143 УК РФ), отношения в сфере дорожного движения по поводу безопасности дорожного движения (ст.264 УК РФ) и т.д.

Кроме этого, признавая в качестве объекта преступления общественные отношения, например при хищении, В.В. Наумов в то же время полагает, что при убийстве теория общественных отношений не срабатывает и объектом следует признавать блага (интересы). Получается, что понятие объекта применительно к различным преступлениям различно, чего не должно быть.

Следует рассмотреть целесообразность и возможность использования в качестве объекта преступления такого понятия, как «благо». По мнению Л.Д. Гаухмана, недопустимость рассмотрения в качестве объекта преступления блага в том смысле, которое вкладывает в него А.В. Наумов, выражается в следующем. Во-первых, это ведет к смешению объекта и предмета, во-вторых, указание на объект преступления как на «благо» соответствует формальному определению преступления, которому присущи включение такого признака, как противоправность, и отсутствие такого признака как общественная опасность.¹ Социальные блага служат объектами субъективных прав, а не самими правами. Благо – это то, на что направлено данное право или то что составляет его цель. Право обеспечивает обладание благом, под которым понимается все то, что способно удовлетворить интерес, потребность индивида.² Благо – ценностное понятие, чрезвычайно общий характер которого порождает трудность в его определении, проявляющуюся в том, что благо нередко определяется через понятие «цен-

---

¹ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. С.71.

² Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С.95-96.

ности», а «ценности» – через понятие «блага». Кроме этого, один и тот же объект может выступать в качестве блага или не быть таковым в зависимости от того, какие стороны, свойства включены во взаимоотношения с человеческими потребностями.¹ Против признания объектом преступления блага выступает и то обстоятельство, что понятие «благо» чрезвычайно широко и использование его в качестве объекта преступления приведет к терминологической путанице, когда объектом преступления против собственности необходимо будет признавать материальные блага. Понятие «благо» абсолютно не конкретизировано – это то ли вещь материального мира, то ли нечто субъективное из сферы восприятия этой вещи.² Термин «ценность» (благо) можно употреблять только в качестве характеристики свойств каких-либо явлений в системе общественных отношений, так как ценность чего-либо может проявляться только в системе общественных отношений. Любое явление становится общественной ценностью только тогда, когда у общества возникает потребность обеспечить благоприятные условия для существования и использования этого блага. Так, для отдельных людей некоторые предметы имеют большую ценность (фотографии близких родственников), однако их похищение или уничтожение не является преступлением, поскольку они не представляют общественной ценности.³ Не вызывает сомнений отнесение к категории «благо» таких реалий действительности, как жизнь, здоровье, достоинство человека. «В то же время, – отмечает В.П. Емельянов, – представляется далеко не безупречным отнесение к категории «благо», к примеру, деятельности тюремной системы, посягательство на которую преследуется в уголовном порядке. Это вынужденный атрибут государственной власти, который вряд ли можно назвать благом для человека и человечества».⁴ Противопоставление любой социальной ценности (будь то жизненный интерес, правовое благо или что-нибудь иное) общественным отношениям не имеет перспективы. Идея правового блага как объекта преступления не вызывает возражений, с одной существенной оговоркой: то или иное правовое благо или социальная ценность имеют смысл только в рамках этих отношений, они являются элементами этих отношений. По поводу их сохранности обществен-

---

¹ Архангельский А.М. Курс лекций по марксистско-ленинской этике. М., 1974. С.161-163.

² Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С.24; Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С.234

³ Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С.25-26.

⁴ Емельянов В.П. Указ. соч. С.65-66.

ные отношения складываются и существуют.¹ Поэтому в качестве ценности можно рассматривать общественные отношения, складывающиеся и развивающиеся в интересах общества, вследствие чего обозначение объекта преступления через понятие «ценность вещей, предметов» возможно лишь в целях экономии, но не по существу.²

Представляется, что приведенные выше доводы позволяют согласиться с тем, что отказ от понятия объекта преступления как общественных отношений обусловлен не научными, а идеологическими соображениями, так как такую трактовку объекта преступления связывают с марксистским подходом к исследованию общественных отношений.³ По мнению Н.И. Коржанского, все попытки опровергнуть определение объекта преступления как общественных отношений вызваны двумя противоположными тенденциями: первая – положительная – углубление, развитие и усовершенствование понятий, функций, роли и значения для практического понимания объекта преступления. Вторая – нежеланием уяснить такую сложную субстанцию, как общественные отношения.⁴

Упрек противников признания общественных отношений в качестве объекта преступления в том, что в уголовном праве они имеют иное содержание, чем в философии, также несостоятелен. В уголовном праве, как и в философии, под общественными отношениями понимаются не конкретные связи и отношения между индивидуумами (отношения общения, межличностные отношения), а типизированные интегральные связи массы людей, возникающие как результат их совместной деятельности. В этом смысле общественные отношения образуются не в результате механического объединения индивидуальных действий многих людей, а как интегративный результат указанных действий. К признакам общественных отношений можно отнести следующие: это отношения между членами общества, то есть людьми, наделенными социальными свойствами; общественные отношения носят объективный и безличностный характер, то есть субъектами являются все члены

---

¹ Семенов Д.А. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. М., 2005. С.103-104.

² Замосковцев П.В. Проблема объекта уголовно-правовой охраны в свете марксистско-ленинской теории ценностей : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С.7; Демидов Ю.А. Указ. соч. С.44; Зателепин О. Указ. соч. С.31.

³ Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. С.21; Ша-рапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С.164-165.

⁴ Энциклопедия уголовного права. Т.4. Состав преступления. Издание профессора Малинина. СПб., 2005. С.103.

общества, а не персонифицированные лица; общественные отношения являются результатом совместной духовной и материальной деятельности людей.¹

Таким образом, из всех доводов, приведенных противниками признания общественных отношений объектом преступления наиболее весомым остается последний довод – не ясен механизм причинения вреда общественным отношениям, то есть что же происходит с ними после совершения преступления. Проблема механизма причинения вреда объекту преступления в литературе рассматривается уже давно. Как полагал В.Н. Кудрявцев, при совершении преступления вред выражается в разрыве соответствующего общественного отношения, воспрепятствовании его свободному развитию или изменению его в направлении, противоречащем его социальному назначению.² По мнению В.К. Глистина, в результате совершения преступления происходят разрыв (деформация) одного отношения и создание другого социально вредного отношения.³ А.Б. Карлин полагает, что разрушение общественных отношений может выступать в трех формах: 1) фактическое уничтожение отношения; 2) их внутреннее качественное изменение, выражающееся в невыполнении субъектом своих правовых обязанностей; 3) создание нового, антиобщественного отношения. Последняя форма наиболее четко выражается при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления, когда не только разрушается отношение, обеспечивающее правильное нравственное развитие несовершеннолетнего, но и возникает новое, антиобщественное по своему содержанию отношение между несовершеннолетним и преступником.⁴

При решении вопроса о последствиях совершения преступления необходимо акцентировать внимание на двух моментах. Во-первых, следует проводить различие между общественными (социальными) отношениями и социальной связью как первичным элементом социальных отношений, которое заключается в том, что связь может измениться при воздействии на взаимодействующие стороны, а отношение – нет.⁵ Во-вторых, следует отметить, что преступление причиняет два вида вреда – фактический вред

---

¹ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. С.74-80; Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С.32-37; Прохоров В.С. Указ. соч. С.36, 39; Таций В.Я. Указ. соч. С.14-15.

² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С.134.

³ Глистин В.К. Указ. соч. С.86.

⁴ Карлин А.Б. Социальная сущность преступных последствий // Вестник ЛГУ., 1982. №5. С.73.

⁵ Тоболкин П.С. Указ. соч. С.95.

потерпевшему и политический вред государству как охранителю правопорядка.¹

Говорить о разрыве общественного отношения можно только условно, лишь на уровне социальной связи. Разрыв социальных связей между субъектами ведет к тому, что субъекты лишаются возможности реализовывать свои права и потребности либо реализация этой возможности существенно затрудняется, тем самым потерпевшему причиняется фактический вред. Этот вред может быть как восстановимым, возвращение имущества при краже, так и не восстановимым – при совершении убийства. В то же время сама система общественных отношений стабильна и не может быть изменена в результате противоправных действий людей. Предметы и люди лишь включаются в нее и выбывают. Даже в связи с гибелью человека или похищением имущества общественные отношения не повреждаются, так как при похищении за потерпевшим остается право собственности в отношении похищенного имущества. Поэтому при совершении любого преступления общественные отношения не разрушаются и не уничтожаются, а только нарушаются. В этом и выражается причинение политического вреда.² Понятие вреда от правонарушения вполне справедливо связывается с нарушением организации общественных отношений. С указанных позиций любое правонарушение причиняет «нематериальный» вред, который состоит в том, что противоправные действия вносят дезорганизацию в общественные отношения, подрывают общественную дисциплину и авторитет права, препятствуют нормальным процессам в функционировании и развитии общества.³ Таким образом, нарушаются не сами общественные отношения, а лишь механизм их функционирования как системы. «Преступление, – отмечает А.И. Марцев, – представляет собой один из видов преобразовательной деятельности, поскольку, совершая преступление, субъект производит в объекте определенные изменения или создает своей деятельностью предпосылки таких изменений. Эти изменения носят деструктивный характер и в социальном плане отрицательно сказываются на функционировании человека, общества

---

¹ Горбуза А.Д., Сухарев Е.А. Механизм преступного посягательства // Уголовное право в борьбе с преступностью : межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1987. С.4.

² Сухарев Е.А., Сухарев Е.А. Традиционные представления о механизме преступного посягательства // Проблемы совершенствования уголовного законодательства на современном этапе : межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1985. С.21; Гаухман, Л.Д. Указ. соч. С.79.

³ Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С.57.

или государства».¹ По мнению Ю.Е. Пермякова, ошибка в исследовании механизма причинения преступлением вреда общественным отношениям заключается в том, что объем причиненного вреда ограничивается рамками конкретного состава преступления, в то время как общественная опасность является категорией социальной, а не уголовно-правовой. В связи с чем, по мнению указанного автора, можно выделить три направления нарушения нормального функционирования общественных отношений в результате совершения преступления. Во-первых, совершение преступления может затруднить выполнение членами общества социально полезных функций. Во-вторых, совершение преступления может лишить общество каких-либо предпосылок его существования (например, при совершении преступлений против экологии). В-третьих, совершение преступления воспрепятствует воспроизводству социально одобряемых форм деятельности.² Как полагал Л.И. Спиридонов, так как общественные отношения – это отношения не между вещами, а между людьми и имеют безличностную природу, то посягательство на человека или имущество никаких общественных отношений не затрагивает. Ни вор, ни убийца, ни террорист не могут поколебать ни институт собственности, ни социально политические основы общества. Уголовное право охраняет лишь эмпирические предпосылки существования общественных отношений: людей, среду обитания и общие условия межличностного существования (государство, правовые установления).³ Представляется, что все-таки совершение террористического акта (ст.205 УК РФ), а также убийство государственного деятеля (ст.277 УК РФ) может поколебать основы государственного строя, о чем будет сказано далее.

Необходимо подробнее рассмотреть механизм воздействия преступления на общество по направлениям, выделенным Е.Ю. Пермяковым. Первое направление причинения вреда общественным отношениям следует обозначить как причинение политического вреда. Политический вред общественным отношениям выражается в том, что виновный не выполнил свою правовую обязанность не совершать преступления. Опасность нарушения установленных государством запретов характеризуется тем, что совершение преступлений показывает слабость государственной власти и формирует чувство незащищенности у правопослушных

---

¹ Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С.7.

² Пермяков Ю.А. О механизме преступного воздействия на систему общественных отношений // Уголовная ответственность и ее реализация : межвузовский сборник. Куйбышев, 1985. С.13-14.

³ Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С.47.

граждан.¹ Политический вред системе общественных отношений является более широким понятием, чем политический вред, как последствия определенных преступлений, например предусмотренных ст.ст.141, 278 УК РФ. Кроме этого, в некоторых случаях посягательство на государственные установления как условие нормального функционирования общества может привести к ослаблению государственной власти, например при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст.277, 278, 279, 380 УК РФ.

Второе направление нарушения нормального функционирования общественных отношений выражается в уничтожении среды обитания в результате совершения преступлений против экологии (ст.ст.247-248, 250-258, ст.358, ч.3 ст.205 УК РФ), так как охрана экологии обуславливается заботой о сохранении для человечества жизнеобеспечивающих условий: воздуха, воды, продуктов питания, вследствие чего человек не может воспроизводить социальные связи в связи с гибелью своей среды обитания.²

Третье направление причинения вреда общественным отношениям, характеризующееся воспрепятствованием воспроизводству социально одобряемых форм деятельности, проявляется в том, что совершение преступления провоцирует неустойчивых членов общества к совершению преступлений. Это наиболее четко выражается в незаконном обогащении в результате совершения преступления. Совершение кражи не только причиняет имущественный ущерб собственнику или владельцу имущества и вызывает в нем чувство обиды и несправедливости, но и формирует паразитическую психологию у вора и способствует формированию этой психологии в обществе. Тем самым обществу в целом, его идеологи причиняется моральный вред.³ Так, В.В. Мальцев, выделяя в качестве объекта хищений не только отношения собственности, но и отношения по распределению материальных благ (продуктов труда), совершенно верно отмечает: «Общество, не регулирующее и не охраняющее такие отношения, рискует взорваться изнутри в силу несдерживаемых противоречий между его членами. Во всяком случае подобное общество не может считаться ни правовым и

---

¹ Филимонов В.Д. Обстоятельства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления // Уголовное право. 2003. №2. С.83.

² Загородников Н.И. Объект преступления и проблема совершенствования уголовного законодательства // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988. С.25-26; Спиридонов Л.И. Указ. соч. С.47.

³ Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991. С.81.

социальным, ни демократическим и справедливым».¹ Данное положение подкрепляется анализом соотношения санкций, установленных законодателем за кражу, причинившую значительный ущерб (п. «в» ч.2 ст.158 УК РФ – до пяти лет лишения свободы), и умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, повлекшее причинение значительного ущерба (ч.1 ст.167 УК РФ – до двух лет лишения свободы). Моральный вред общественным отношениям является более широким по объему, чем моральный вред в виде последствия преступления как признака объективной стороны, например при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст.129 и 130 УК РФ.

Таким образом, можно условно выделить уровни вреда, причиненного преступлением. Первый уровень составляет причинение фактического вреда потерпевшему, выражающегося в разрыве социальной связи, как первичного элемента общественных отношений, в результате чего субъект отношений лишается возможности реализовывать свои возможности либо реализация этих возможностей существенно затрудняется.

Второй уровень составляет причинение политического государству и морального вреда обществу. Содержание политического вреда характеризуется тем, что виновный нарушил свою правовую обязанность не совершать преступления, что показывает слабость государственной власти и формирует чувство незащищенности у правопослушных граждан. Моральный вред, причиненный обществу, характеризуется тем, что совершение преступления препятствует воспроизводству социально одобряемых форм деятельности и способствует формированию антиобщественных форм поведения.

Отдельно следует выделить вред, причиняемый условиям нормального развития общества, который выражается в уничтожении среды обитания, а также при совершении преступлений против государства как политической организации, нормальное функционирование которого обеспечивает развитие общества.

Ценность объекта уголовно-правовой охраны определяет систему Особенной части УК РФ, критериями построения которой выступают: важность отношений, которым причиняется вред в результате совершения преступления, а также механизм причинения вреда личности – непосредственного воздействия на субъект отношений или посредством воздействия на предметы внешнего мира или разрыва социальных связей. Признавая приоритет защиты

---

¹ Мальцев В.В. Ответственность за преступления против собственности. Волгоград, 1999. С.24.

человека как наиболее важной ценности, нельзя не учитывать, что совершение некоторых преступлений причиняет вред не одному человеку, а всему обществу, когда виновный воздействует на условия его существования. Поэтому, по мнению А.Н. Красикова и Ю.А. Игнатова, Особенная часть УК РФ должна начинаться с раздела «Преступления против мира и безопасности человечества», так как эти преступления направлены не против отдельной личности, а против масс людей. Не случайно на первом месте Особенной части в УК ФРГ расположена глава «Нарушение мира», а Особенная часть УК Франции в первом разделе содержит нормы, предусматривающие ответственность за преступления против человечества.¹

Учитывая, что гарантом сохранения нормального существования общества выступает государство, представляется, что нормы, предусматривающие ответственность за преступления против него, должны располагаться в структуре Особенной части УК РФ после норм, предусматривающих ответственность за преступления против мира и безопасности и человечества. Такой вывод обосновывается тем, что защита личности невозможна в слабом государстве с недостаточно сильным механизмом его уголовно-правовой охраны.² Сверхнаивным было бы считать, что степень защиты личности в правовом государстве зависит от того, на каком месте окажется в Особенной части РФ раздел, в котором содержатся нормы, предусматривающие ответственность за преступления против личности.³ Следует отметить, что подобные идеи высказывались и ранее. Так, Н.И. Загородников, один из сторонников признания в качестве объекта преступления не общественных отношений, а человека, совершенно верно полагал, что Особенная часть Уголовного кодекса должна начинаться с преступлений против государства. Во-первых, только в сильном государстве возможна действенная защита личности, а во-вторых, это соответствует традиции отечественного уголовного права, когда нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на государственный строй и целостность государства, всегда были расположены в первой главе как Уголовных уложений, а также и Уголовных кодексов.⁴ Следует отметить, что в УК ФРГ нормы, уста-

---

¹ Вступительная статья к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: ИНФРА-НОРМА. 1996.

² Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве. Омск, 2004. С.130.

³ Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000. С.51.

⁴ Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию. С.17-18.

навливающие ответственность за государственную измену, сформулированы во второй главе Особенной части, при этом никто не говорит о недостаточной уголовно-правовой охране личности в Германии.

Затем в системе Особенной части УК РФ должны располагаться нормы, предусматривающие ответственность за преступления против экологии, как одно из условий существования человека вообще. Общественная опасность посягательства на экологию характеризуется следующими факторами: значимость и размер причиненного вреда, его многоаспектность, то есть отрицательное воздействие на различные общественные отношения.¹ Особенность причинения вреда здоровью при загрязнении окружающей среды заключается в том, что вредные изменения, возникающие в организме человека, могут проявиться не сразу, так как они растянуты «во времени и в пространстве».²

Также в УК РФ существуют нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на так называемые объекты с открытой структурой, когда преступление посягает на целый комплекс общественных отношений – жизнь, здоровье, собственность. К таким преступлениям следует отнести бандитизм (ст.209 УК РФ), массовые беспорядки (ст.212 УК РФ).³ Поэтому представляется, что в Особенной части УК РФ преступления против общественной безопасности должны быть помещены после преступлений против государства. В настоящее время ответственность за терроризм, захват заложника, бандитизм, массовые беспорядки, когда в процессе их совершения происходит непосредственное воздействие на человека, предусмотрена в главе «Преступления против общественной безопасности», там же расположены нормы, предусматривающие ответственность, за причинение вреда в результате нарушения определенных правил, когда непосредственного воздействия на человека не происходит. Следует отметить, что в теории отечественного уголовного права такая позиция уже была высказана.⁴ Представляется, что положение о неприкосновенности

---

¹ Бушуева Т.А., Дагель П.С. Объект уголовно-правовой охраны природы // Сов. гос. и право. 1977. №8. С.78.

² Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993. С.25-26.

³ Землюков С.В. Классификация объектов и последствий преступлений // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. Красноярск, 2000. С.14-15.

⁴ Коржанский Н.И. Развитие учение об объекте преступления в советском уголовном праве // Становление и развитие советского уголовного законодательства: Материалы межвузовской научной конференции, посвя-

отдельной личности наиболее эффективно должно реализовываться не на законодательном, а правоприменительном уровне.

В дальнейшем структура Особенной части УК РФ должна строиться в зависимости от механизма воздействия на элементы общественного отношения. Особенная часть УК РФ начинается с норм, предусматривающих ответственность за непосредственное посягательство на такие ценности, как жизнь и здоровье. В последующих главах Особенной части УК РФ расположены нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на такие права личности, как половая свобода (ст.ст.131-132 УК РФ), право на неприкосновенность личной жизни (ст.139 УК РФ), право собственности (ст.ст.158-168 УК РФ), право на здоровую среду обитания (ст.ст.246-252 УК РФ) и т.д. Таким образом, законодатель, устанавливая запреты на «дальних подступах», когда преступные посягательства не только не направлены непосредственно на жизнь и здоровье, но и не ставят их в непосредственную опасность, хотя создают условия для этой опасности.¹ Таким образом, система Особенной части будет построена в зависимости от важности объектов уголовно-правовой охраны как человека в системе общественных отношений.

Для построения системы Особенной части УК РФ необходимо уточнить один момент. Так, в Особенной части УК РФ есть нормы, предусматривающие ответственность за непосредственное воздействие на жизнь, здоровье, честь и достоинство человека (ст.ст.277, 295-296, 317-319 УК РФ), которые расположены в других главах. При этом жизнь, здоровье, честь и достоинство человека выступают в качестве дополнительных объектов преступления, а в качестве основных выступают основы конституционного строя, интересы правосудия, порядок управления.² Однако, при-

---

щенной 50-летию первого Советского Уголовного кодекса. Волгоград, 1973. С.42-43.

¹ Демидов Ю.А. Человек – объект уголовно-правовой охраны // Сов. гос. и право. 1972. №2. С.108.

² Вторую группу составляют преступления, которые посягают на так называемые комплексные отношения (отношения в сфере общественной безопасности, в сфере здоровья населения), где, как правило, происходит нарушение определенных правил безопасности, жизнь и здоровье выступают дополнительным объектом (Замосковцев П.В. О многообъектности преступных посягательств // Проблемы борьбы с преступностью / Сборник научных трудов. Омск, 1978. С.8.). Так как причинение вреда жизни и здоровью в указанных случаях происходит опосредованно и причинение смерти или вреда здоровью в указанных случаях является показателем глубины поражения охраняемых общественных отношений, эти нормы не являются предметом исследования.

знаявая некоторое несовпадение ценностей, охраняемых уголовным законом, таких как жизнь человека и порядок управления, сторонники выделения ст.317 УК РФ, выступающей специальной нормой по отношению к норме, предусмотренной п.«б» ч.2 ст.105 УК РФ, отмечают, что охрана жизни человека усиливается тем, что момент окончания данного преступления перенесен на более раннюю стадию – покушение на убийство, а также размером санкции, предусмотренной в ст.317 УК РФ (от 12 до 20 лет лишения свободы) против санкции, предусмотренной ч.2 ст.105 УК РФ (от 8 до 20 лет лишения свободы). Таким образом, речь идет о так называемых двухобъектных преступлениях, посягающих сразу на несколько разнородных объектов, лежащих в сферах различных по характеру общественных отношений. Следуют отметить, что авторы, ратующие за признание человек объектом преступления, упустили из внимания тот факт, что в ст.317 УК РФ в качестве основного непосредственного объекта признается не жизнь сотрудника правоохранительного органа, а порядок управления и не вносят никаких предложений на устранение этого противоречия. Хотя в теории уголовного права по этому поводу предлагаются примиренческие позиции. Так, по мнению В.С. Ткаченко, вопрос о непосредственном объекте, предусмотренном ст.317 УК РФ, следует рассматривать посредством анализа структуры общественных отношений. На основании чего он приходит к выводу о том, что виновный посягает не на два объекта, а на два структурных элемента одного и того же отношения – управленческую деятельность и субъекта этой деятельности.¹ По мнению П.В. Замосковцева, когда преступление посягает на несколько разнородных интересов, лежащих в различных сферах родовых объектов, например ч.2 ст.188 УК РСФСР (ч.2 ст.313 УК РФ), более правильно говорить не о выделении основного и дополнительного объектов, а о суммарном непосредственном объекте, который по своей природе складывается из нескольких разнопорядковых общественных отношений и лежащих в их основе интересов.² Почти аналогичной позиции придерживается С.В. Землюков, полагающий, что применительно к такому преступлению, как разбой (ст.162 УК РФ), неправомерно выделять основной и непосредственный объекты преступления, так как объект этого преступления является единым, включающим

---

¹ Ткаченко В.С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С.13.

² Замосковцев П.В. О многообъектности преступных посягательств // Проблемы борьбы с преступностью / Сборник научных трудов. Омск, 1978. С.4.

в себя два равнозначных обязательно взаимообусловленных понятия.¹ С мнением указанных авторов сложно согласиться, потому что составы преступлений, приведенные ими в качестве примеров, условно можно разложить на два состава, например состав, предусмотренный ч.2 ст.313 УК РФ, на составы, предусмотренные ч.1 ст.313 УК РФ и ст.ст.112, 115 УК РФ. Однако в силу того, что данный способ совершения побега, по мнению законодателя, достаточно распространен, он объединил два состава в один так называемый учтенный законодателем случай идеальной совокупности преступлений, в то время как составы преступлений, предусмотренные ст.ст.277, 295-296, 317-319 УК РФ, аналогичным образом разложить нельзя.

Таким образом, возникает некоторое противоречие между высказывающимися в теории уголовного права мнением о том, что человек есть высшая ценность, и положениями УК РФ. По мнению Т.Н. Нуркаевой, никакие интересы органов власти и управления не могут быть выше по своей значимости в сравнении с жизнью лица, принадлежащего по роду своей деятельности к той или иной системе органов власти и управления.² Правильное решение вопроса о систематизации двухобъектных преступлений определяется сопоставлением социальной значимости тех общественных отношений и личных интересов, на которые непосредственно воздействует преступление. Если личное благо обладает большей социальной ценностью, чем общественное благо, то нет оснований для исключения нормы, предусматривающей ответственность за соответствующее посягательство из системы преступлений против личности, и наоборот. С этой точки зрения, по мнению И.А. Исмаилова и П.П. Осипова, вполне оправдано включение в систему государственных преступлений нормы, предусматривающей ответственность за террористический акт (ст.66 УК РСФСР (ст.277 УК РФ)), так как интересы государственного строя важнее, чем жизнь отдельной личности. В то же время вряд ли можно признать правильным исключением из системы преступлений против личности посягательства на жизнь работника милиции (ст.191-2 УК РСФСР (ст.317 УК РФ)).³ Представляется, что подобный подход является

---

¹ Землюков С.В. Классификация объектов и последствий преступлений. С.11.

² Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами (Вопросы теории и практики) : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Н-Новгород, 2002. С.24.

³ Исмаилов И.А., Осипов П.П. О системе уголовноправовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на личные интересы граждан // Вестник ЛГУ., 1971. №23. С.139.

справедливым, так как убийство государственного или общественного деятеля может привести к ослаблению государства, которое является гарантией обеспечения неприкосновенности прав отдельной личности. Вместе с тем следует отказаться от использования такого понятия, как «посягательство», заменив его понятием «убийство». В то же время представляется, что для охраны от посягательств лиц, осуществляющих деятельность по осуществлению правосудия и в сфере порядка управления, будет достаточно запретов, сформулированных в ч.2 п. «б» ст.105, ч.2 п. «а» ст.111, ч.2 п. «б» ст.112 УК РФ, так как санкция нормы, предусмотренной ч.2 ст.105 УК РФ, отличается от санкций норм, предусмотренных ст.ст.295, 317 УК РФ, только нижним пределом санкций – 8, а не 12 лет лишения свободы, что вряд ли является сдерживающим фактором для лиц, задумавших убить лицо, осуществляющее правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа. Аналогичные доводы можно привести применительно к наличию в УК РФ таких норм, как предусмотренных ст.ст.296, 318, 319 УК РФ. При этом ст.ст.115, 116, 119, 129, 130 УК РФ следует дополнить соответствующим квалифицирующим признаком – «в отношении лица или его близких в связи с выполнением им служебной деятельности или выполнением общественного долга», соответственно увеличив размер наказания. Кроме этого, наличие норм, предусмотренных ч.1 ст.318, ст.319 УК РФ, порождает такую проблему, как возможность применения в отношении лиц, совершивших указанные преступления, положений ст.76 УК РФ. Так, если основным непосредственным объектом признавать интересы государства в сфере управления, то освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим быть не может. Хотя, как справедливо полагает А.А. Куприянов, основным непосредственным объектом следует признавать здоровье представителя власти, так как суды применяют положения ст.76 УК РФ.¹

Таким образом, Особенная часть УК РФ должна начинаться с главы «Преступления против мира и безопасности человечества», затем должны располагаться нормы, предусматривающих ответственность за посягательство на условия нормального развития общества – государство с его институтами: «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». После этого – нормы, предусматривающие ответственность за преступления, создающие угрозу для жизни и здоровья многих людей,

---

¹ Куприянов А.А. Освобождение от ответственности за примирением с потерпевшим по ч.1 ст.318 УК РФ // Уголовный процесс. 2008. №4. С.56-58.

такие как: террористический акт (ст.205 УК РФ), захват заложника (ст.206 УК РФ), бандитизм (ст.209 УК РФ), массовые беспорядки (ст.212 УК РФ). Затем – нормы, предусматривающие непосредственное воздействие на конкретных участников общественных отношений.

Значение такого подхода выражается в следующем. Во-первых, расположение норм в Особенной части УК РФ будет приведено в систему, которая будет основываться на таких критериях, как: 1) приоритет неприкосновенности человеческой жизни и здоровья над другими ценностями, охраняемыми уголовным законом; 2) по механизму причинения вреда общественным отношениям, когда Особенная часть УК РФ. Во-вторых, это упростит установление интеллектуального критерия умысла виновного. Так, вменяя состав преступления, предусмотренный ст.317 УК РФ, правоприменителю следует установить, что виновный сознавал, что посягает на общественные отношения в сфере порядка управления. Вряд ли виновный это осознает. Гораздо проще установить, что виновный сознавал, что причиняет смерть человеку в связи с осуществлением им своей служебной деятельности, чем отношениям в сфере осуществления правосудия или порядка управления, так как сознанием человека всегда охватывается наиболее полное ближайшее последствие, в данном случае смерть человека, а уже затем некие абстрактные отношения в сфере порядка управления. В-третьих, это избавит правоприменителя от излишних проблем выбора конкурирующих норм в процессе квалификации посягательств на лиц в связи с осуществлением ими своей служебной деятельности, а также от законодательной фикции, когда при ошибке в личности потерпевшего, в случае если его смерть не наступила, действия виновного следует квалифицировать как покушение на покушение лица в связи с выполнением им определенных функций.

Таким образом, объектом уголовно-правовой охраны следует признавать человека в системе общественных отношений, нормальное функционирование которых обеспечивает ее развитие. Для уяснения сущности вреда причиненного преступлением, его необходимо рассмотреть по уровням. Первый уровень составляет причинение фактического вреда потерпевшему, выражающегося в разрыве социальной связи, как первичного элемента общественных отношений, в результате чего человек как субъект отношений лишается возможности реализовывать свои возможности либо реализация этих возможностей существенно затрудняется. Второй уровень характеризуется причинением политического государству и морального вреда обществу. Политический вред характеризуется

тем, что виновный нарушил свою правовую обязанность не совершать преступления. Это демонстрирует слабость государственной власти и способствует формированию чувства незащищенности у правопослушных граждан. Содержание морального вреда характеризуется тем, что совершение преступления препятствует воспроизводству социально одобряемых форм деятельности и способствует формированию антиобщественных форм поведения. Кроме этого следует выделять вред, причиняемый условиям нормального развития общества, который выражается в уничтожении среды обитания, а также условиям функционирования государства как политической организации, нормальное функционирование которого обеспечивает развитие общества.

Система Особенной части УК РФ должна основываться на механизме причинения вреда человеку.

2.3. ПРАВООТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЕГО СОСТАВА

Признав важность нормального функционирования определенных общественных отношений для общества и государства, законодатель устанавливает их границы, что выражается в переводе объектов уголовно-правовой охраны в объект преступления как элемент его состава посредством описания в диспозиции статьи Особенной части УК РФ других элементов состава преступления. Одной из причин непризнания правоотношений в качестве объекта преступления в теории советского уголовного права была его идеологизированность, так как это не позволяло проводить отличие между буржуазным правом, где правоотношения признавались объектом преступления, и социалистическим уголовным правом. «Такое представление об объекте (общественные отношения), – отмечает С.А. Елисеев, – обосновывалось первичностью социально-экономического содержания и вторичностью их правовой формы».¹ Второй причиной непризнания правоотношений в качестве объекта преступления явился узкий подход к содержанию функций норм уголовного права. «Нормы права, – отмечает Н.И. Коржанский, – не могут быть признаны объектом посягательства, потому что, во-первых, преступление в некоторых случаях посягает на такие общественные отношения, которые правом не регулируются (некоторые половые отношения, общественный порядок и т.п.), и, во-вторых, общественные отношения, урегулированные нормами уголовного права, то есть уголовные правоотношения не

---

¹ Елисеев С.А. Указ. соч. С.11.

существуют до момента совершения преступления, как и не существует объекта этого правоотношения».¹

Достаточно сложно согласиться с таким категорическим выводом. В теории уголовного права общепризнанной является точка зрения, что предмет уголовного права как отрасли права наряду с отношениями, возникающими в связи с совершением преступления, составляют так называемые общерегулятивные (общепредупредительные) правоотношения. Как считал Б.С. Никифоров, положения уголовного закона о возрасте, с наступлением которого возможна уголовная ответственность, о вменяемости как необходимой предпосылке уголовной ответственности свидетельствуют о том, что нормы уголовного закона адресованы лицам, которые по своему возрасту, психическому состоянию способны отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Уголовный закон, запрещая совершать определенные действия, направляет поведение людей, требуя от них воздержаться от совершения преступления. Таким образом, уголовное право регулирует поведение людей. «Если считать, что уголовное право только охраняет общественные отношения, – писал Б.С. Никифоров, – то возникает вопрос, какими отраслями права регулируются общественные отношения, охраняемые уголовным правом, например, при убийстве и других преступлениях против личности?»² Таким образом, правовое регулирование и правовая охрана общественных отношений неотделимы, регулирование общественных отношений означает их охрану и наоборот, охрана общественных отношений, осуществляется через их регулирование.³ Это положение подтверждается тем, что если в ст.1 УК РСФСР 1960 г. к задачам Уголовного кодекса законодатель относил охрану общественного строя СССР, его политической и экономической систем, личности, прав и свобод граждан, всех форм собственности и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств, то в ст.2 УК РФ к задачам кодекса законодатель отнес не только охрану определенных объектов, но и предупреждение преступлений.

Хотя первоначально позиция о регулятивной функции уголовного права не нашла полной поддержки в общей теории права. Так, по мнению С.Ф. Кечекьяна, для уяснения специфических особенностей правоотношения в различных отраслях права, в частно-

---

¹ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С.26.

² Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С.9, 10, 12.

³ Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. С.26.

сти в уголовном, необходимо учитывать, что нормы права иногда устанавливают не только правоотношения, а только лишь одни обязанности без корреспондирующих им прав и поэтому не всегда в результате действия норм права, например уголовного, складываются только правоотношения.¹

По мнению А.В. Баркова, существование уголовных правоотношений можно констатировать лишь в сфере тех общественных отношений, которые непосредственно регулируются нормами той или иной отрасли права, так как правовое регулирование и правоотношение понятия одного порядка. Общественные отношения, регулируемые нормами морали, могут охраняться нормами права, но от этого они не становятся правоотношениями.² Однако, учитывая, что правоохранительная функция тесно связана с организацией общественных отношений,³ в последующем в теории права сложилась позиция, согласно которой одна из форм реализации права – соблюдение его предписаний, осуществляется в рамках общих правоотношений.⁴ Специфика общих правоотношений заключается в том, что: 1) они возникают на основе норм Конституции и других правовых актов такого же уровня и значения; 2) носят общий, а не индивидуализированный и детализированный характер, 3) являются постоянными или продолжительными, их длительность равна длительности действия самого закона; 4) опосредуют наиболее важные, основополагающие, относительно стабильные отношения; 5) выражают общее правовое положение (статус) субъектов, их взаимные права и обязанности; 6) возникают непосредственно из закона; 7) будучи исходными, первичными (базовыми), служат предпосылкой для появления и функционирования разнообразных конкретных, частноправовых правоотношений.⁵

Проблема непризнания существования общих правоотношений заключается в том, что происходит отождествление таких понятий, как «возникновение правоотношений» и «реализация правоотношений». Предпосылкой возникновения правоотношений яв-

---

¹ Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С.62.

² Барков Л.В. К вопросу о сущности уголовных правоотношений / Проблемы уголовного права. Сборник статей / Под ред. И.С. Тишкевича. Мн., БГУ., 1976. С.5.

³ Алексеев С.С. Указ. соч. С.55.

⁴ Матузов Н.И. Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. 1976. №3. С.23.

⁵ Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С.544.

ляется уголовный закон, в котором заложена формальная возможность возникновения правоотношений. Юридический факт – совершение преступления превращает возможность в действительность.¹ «Обязанность соблюдать правила уличного движения, – отмечал Б.Т. Базылев, – равно как и адекватное право государства требовать соблюдения указанных правил, возникает сразу принятия той правовой нормы, которые эти права и обязанности установила, то есть с момента вступления в силу соответствующего правового нормативного акта государства. Правовое отношение, о котором здесь идет речь, возникает с данного момента, а не когда правила нарушаются».² Исходя из общетеоретических представлений о механизме правового регулирования (юридические нормы – правоотношения – акты реализации права) можно различать уровни ответственности как юридическую (абстрактную) возможность, конкретную (реальную) возможность и возможность, превратившуюся в действительность, выраженную в норме права, безотносительно к конкретному преступнику.³ Таким образом, юридическим фактом, влекущим возникновение общих уголовно-правовых отношений, выступает сложное образование: уголовно-правовая норма, нормативный акт, вводящий эту норму в действие, и наступление оговоренного в этом акте события, например числа, с которого вступает в действие уголовный закон.⁴

Такая позиция была признанной и в теории дореволюционного отечественного уголовного права. Деяние должно быть запрещено законом или основывающимся на законе административным постановлением, уже вступившим в законную силу в момент совершения караемого поступка, так как только при этом условии существуют юридическое основание ответственности – обязанность каждого безусловно подчиняться установленным для всех граждан предписаниями закона. Эти признаки, характеризующие преступное деяние, тем самым устанавливают пределы судебного усмотрения, устраняя возможность признавать наказаниями поступки, хотя и сходные с какими либо преступными деяниями, но

---

¹ Горбуза А.Д. Философские категории «возможность» и «действительность» в учении об уголовной ответственности // Юридическая ответственность в советском обществе. Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Волгоград, 1974. С.60.

² Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С.75.

³ Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995. С.36.

⁴ Чистяков А.А. Элементы основания уголовной ответственности : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Рязань, 1993. С.18.

прямо в законе не запрещенные.¹ Кроме этого, учитывая, что преступление – это правонарушение, то вопрос о нем может возникнуть только тогда, когда существуют правоотношения.

По мнению А.А. Тер-Акопова, в ряде случаев нормы Особенной части УК РФ выступают в качестве единственного источника правил должного поведения. Ни в одном другом правовом акте, кроме уголовного закона, не содержатся конкретные правила поведения, исключаящие, например, убийство, причинение вреда здоровью. Правда, наиболее общую правовую базу таких правил составляют нормы Конституции РФ. Однако в ней устанавливаются лишь наиболее общие обязанности, например каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы, сохранять окружающую среду. В то же время требования должного поведения, вытекающие из конституционных прав и свобод, разрабатываются в иных нормативных актах, в том числе и в уголовном законе, который конкретизирует и формулирует отношение к разным социальным ценностям, например жизни, здоровью, и таким образом представляет систему позитивных правовых норм, регулирующих поведение людей.² По мнению А.И. Бойцова, ряд уголовно-правовых предписаний вообще относятся к числу «первичных», то есть распространяются на такое поведение, которое другими отраслями вовсе не регулируется.³

Таким образом, следует признать, что уголовное право само создает определенные отношения, которое затем охраняет. Самим фактом издания соответствующей нормы уголовного права создаются определенные регулятивные правоотношения. Они являются пассивными и абсолютными правоотношениями. Так, правоотношения, складывающиеся в результате действия норм уголовного права, охраняющих жизнь, здоровье, честь и достоинство граждан, являются абсолютными, так как они обязывают «всех и каждого» воздержаться от каких либо посягательств на жизнь, здоровье, честь и достоинство граждан.⁴ Отрицать за уголовно-правовыми запретами роль праворегулирующего начала, – отмечает А.В. Наумов, – значит утверждать, что они не упорядочивают поведе-

---

¹ Уголовное уложение. Объяснение к проекту редакционной комиссии (Часть Общая). СПб., 1885. С.19.

² Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. С.12.

³ Бойцов А.И. Указ. соч. С.17.

⁴ Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск 1. Введение в уголовное право. Свердловск, 1971. С.96-98.

ние людей в обществе. В действительности это не так».¹ Уголовно-правовые отношения представляют собой единство прав, обязанностей, законных интересов, урегулированных нормами уголовного права, и деятельности, возникающей по поводу выполнения или невыполнения обязанностей, прав, реализации либо не реализации законных интересов. Социальные связи как объект уголовно-правовой охраны и предмет уголовно-правового регулирования превращаются в уголовно-правовые отношения в случае воздействия на них нормы уголовного закона.²

Общественные отношения как объект правового регулирования обычно складываются и формируются еще до издания правовой нормы. Если государство считает, что развитие сложившихся общественных отношений отвечает его потребностям и потребностям общества, оно закрепляет их и подчиняет правовому регулированию. Общественные отношения, регулируемые нормами права и существующие в форме правоотношений, представляют собой единство фактических отношений (содержание), и прав, и обязанностей субъектов (юридической формы), поэтому теория правоотношений связана с теорией общественных отношений как особенное и общее. В таком же соотношении находится объект правоотношения с объектом всякого общественного отношения. Объектом общественных отношений как отношений между людьми выступают те или иные предметы или явления реальной действительности, в связи с которыми устанавливаются и существуют эти отношения. Объектом правоотношений выступает не всякий предмет реальной действительности, а лишь такой, взаимодействие субъектов с которым, в силу его особых свойств, небезразлично для государства. Предмет реальной действительности может выступать в качестве объекта отношений как правовых, так и не правовых, все зависит от того, с какой стороной предмета взаимодействует субъект. Так, создание объекта искусства порождает различные общественные отношения, в том числе эстетические, которые нормами права не регулируются. В то же время это произведение искусства является объектом авторских, правовых отношений.³ В данном случае речь идет о гражданских правоотношениях между конкретными субъектами, возникающих на основании юридического факта. Некоторые авторы полагают, что и в уголовном праве

---

¹ Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С.14-15.

² Чистяков А.А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме функционирования ее основания : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2003. С.27-28.

³ Дудин А.П. Объект правоотношения. М., 1980. С.11-12, 34.

определенные сведения становятся первопричиной возникновения уголовных правоотношений между субъектами по поводу несанкционированного нарушения неприкосновенности той или иной тайны. Поэтому сведения (информация), составляющие ту или иную тайну, в уголовном праве должны расцениваться как объект, то есть как интерес (благо) уголовно-правовой охраны, реализующийся и существующий в форме общественного отношения по его защите.¹ Такой вывод авторы делают вследствие отождествления общерегулятивных уголовных правоотношений, которые носят общий, не персонифицированный характер, и конкретных гражданско-правовых отношений, возникающих между конкретными субъектами. Первые, как было отмечено выше, являющиеся абсолютными и пассивными, возникают с момента вступления в силу уголовно-правовой нормы, запрещающей определенное поведение, и реализуются в момент совершения преступления. Их отождествление приводит к смешению таких понятий, как «объект преступления» – правоотношения в сфере создания и сохранности определенного вида информации, и «предмет преступления», в качестве которого выступает информация.

Специфика большинства уголовно-правовых норм заключается в том, что они содержат в себе нормы самых различных отраслей права: государственного (конституционного), административного, финансового, земельного, гражданского, трудового, семейного.² Это выражается в том, что нормы уголовного права находятся в системе межотраслевых горизонтальных связей с нормами уголовно-процессуального, гражданского и административного права.³

Признавая правоотношения в качестве объекта преступления как элемента его состава, следует отметить, что в теории уголовного права объект преступления рассматривается как двухуровневая система. Так, по мнению В.Н. Кудрявцева, объект преступления охватывает как реальные (фактические) отношения, так и их правовую форму, причем основным его элементом является то общественное отношение, ради охраны которого установлена уголовно-правовая норма. Соответственно и структура последствий идентична структуре объекта: в результате совершения преступления происходит нарушение фактического и правового отношения. На основании чего В.Н. Кудрявцев выделял прямую (уголов-

---

¹ Кибальник А., Соломоненко И. Понятие и виды тайны в уголовном праве // Рос. юстиция. 2001. №2. С.53.

² Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. С.25-26.

³ Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права : диссертация ... докт. юрид. наук. Волгоград, 1998. С.39.

ную) и смешанную противоправность. Под уголовной противоправностью следует понимать случаи, когда соответствующее деяние непосредственно запрещено уголовным законом независимо от того, запрещено оно также нормами других отраслей права или нет. Под смешанной (бланкетной) противоправностью следует понимать случаи, когда действие запрещается уголовным законом в связи с тем, что оно признано противоправным нормами других отраслей права.¹

Таким образом, как полагал А.А. Тер-Акопов, любое преступление представляет собой нарушение общих (установленных уголовным законом) либо специальных (установленных в нормах иных отраслей права и охраняемых уголовным законом) правил поведения. Поэтому роль уголовного закона в регулировании поведения граждан осуществляется посредством запретов, сформулированных, как в уголовно-правовой норме, так и в нормах других отраслей права. Особенностью преступлений, сопряженных с нарушением специальных правил, является то, что эти деяния нарушают не общий, а специальный порядок поведения, обладают специфической характеристикой всех элементов состава преступления и специальной противоправностью. Преступления с общей противоправностью нарушают только положения уголовно-правовых норм, а преступления со специальной противоправностью нарушают одновременно два уровня нормативных требований: уголовно-правовых и специально-отраслевых.² Поэтому можно условно выделить общерегулятивные уголовные правоотношения, определяющие уголовную противоправность и смешанные регулятивные уголовные правоотношения, определяющие смешанную противоправность.

В последнее время наличие регулятивной функции уголовного права было поставлено под сомнение. Так, по мнению И.В. Шишко, нормы уголовного права формулируют запреты посягать на жизнь, личную неприкосновенность, свободу. Эти запреты корреспондируют специфическим правам – правам естественным, то есть возникающим с момента рождения, неотчуждаемым, выражающим наиболее существенные возможности развития человека, реализующимся непосредственно и независимо от воли людей.³

---

¹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С.146-149, 117-120.

² Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. С.9-13.

³ Шишко И.В. Экономические преступления: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С.119.

Таким образом, отрицается существование общерегулятивных уголовных правоотношений.

Кроме этого нормы уголовного права не могут выступать регулятором экономических отношений. Так, обязанность регистрировать предпринимательскую деятельность установлена в п.1 ст.23 ГК РФ, а обязанность регистрировать юридическое лицо в п.1 ст.51 ГК РФ. Диспозиция ч.1 ст.171 УК РФ не может быть адресована участникам позитивных общественных отношений, поскольку в соответствии с абзацем 3 п.1 ст.2 ГК РФ отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием регулирует гражданское законодательство, которое содержит отсылочные нормы к нормам иных отраслей права. Так, ст.51 ГК РФ устанавливает, что порядок регистрации юридических лиц определяется законом о регистрации юридических лиц, нормы которого относятся к административно-правовым. Таким образом, действующее гражданское законодательство, закрепляя за собой регулирование отношений с участием лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, часть этих отношений «доверяет» регулировать нормам других отраслей права, но никогда не отсылает для этого к нормам УК РФ. Если допустить, что ст.171 УК РФ действительно содержит обязанность, адресованную всем участникам позитивных общественных отношений, то у последних неизбежно возникает дилемма: всегда ли они обязаны регистрировать предпринимательскую деятельность или регистрация необходима только тогда, когда предвидится получение дохода или причинение ущерба в крупном размере. Однако обязанность регистрировать предпринимательскую деятельность существует независимо от величины от ожидаемого дохода или прогнозируемого ущерба. Поэтому никакой обязанности регистрировать предпринимательскую деятельность или запрета осуществлять ее без регистрации обращенных к участникам позитивных общественных отношений в диспозиции ст.171 УК РФ нет. Так, не могут положения ст.178 УК РФ регулировать и отношения, складывающиеся на товарных рынках в РФ.¹ Таким образом, отрицается возможность существования смешанных уголовных правоотношений.

Рассмотрим приведенные доводы. Во-первых, само по себе закрепление естественных прав в Конституции РФ не оказывает никакого воздействия на общественные отношения без запретов в нормах УК РФ, подкрепленных санкциями. Это подтверждается тем, что, чем древнее право, тем в большей степени оно является

---

¹ Шишко И.В. Указ. соч. С.127-128.

уголовным, то есть его нарушение считалось преступлением.¹ «То обстоятельство, – отмечает А.И. Бойцов, – что уголовный закон не излагается в форме запретов, вовсе не означает, что норма уголовного закона не запрещает завладеть чужим имуществом, лишать жизни другого человека и т.д., а лишь устанавливает на случай такого поведения применение санкций, выступая в виде некоего преюдицианта, который указывает на цену поступка свободного, не обремененного какими бы ни было обязанностями человека». Таким образом, по мнению А.И. Бойцова, право регулирует общественные отношения, непосредственно воздействуя на волевое поведение людей, из действий которых эти отношения складываются. Обязывая воздерживаться от определенных действий, уголовно-правовой запрет включается в общую систему позитивного регулирования.² По мнению А.Э. Жалинского, уголовное и гражданское право являются хотя и различными, но частями единой правовой системы, основанной на действующей Конституции РФ; нормы этих отраслей права воздействуют на одни и те же объекты в сфере экономики, в частности на поведение, которое с социально-экономических позиций представляет собой единый объект регулирования. Так, предпринимательская деятельность одновременно регулируется нормами ГК РФ, в которых дается ее понятие и формируются условия ее осуществления, и, например, ст.171 УК РФ, которая устанавливает ответственность как за ведение предпринимательской деятельности без регистрации, так и за нарушение условий лицензирования.³

Во-вторых, следует уточнить, что запрет, сформулированный в ст.171 УК РФ, не всегда регулирует осуществление предпринимательской деятельности, а только тогда, когда она осуществляется в значительных масштабах, в результате чего происходит существенное нарушение интересов личности, общества и государства, когда виновный по ряду причин игнорирует запреты, установленные в других отраслях права. Так, позитивно-регулятивный потенциал уголовного права в сфере нормирования общественных отношений собственности заключается в том, что оно, определяя область преступных посягательств на собственность, тем самым устанавливает одну из обязанностей, возложенных на обязанных лиц, посредством чего организует поведение как не собственников, так и собственников. Последние самим фактом установления уголовной ответственности за хищения наделяются правом требо-

---

¹ Кропачев Н.М. Указ. соч. С.66.

² Бойцов А.И. Указ. соч. С.16-17.

³ Жалинский А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // Гос. и право. 1999. №12. С.47-48.

вать привлечения нарушителя к ответственности.¹ Поэтому нормам уголовного права отводится существенная роль в регулировании отношений, например, в сфере экологии, посредством установления и угрозы применения жестких санкций, влияющих на легкомысленное отношение людей к природе.²

Кроме этого, нормы уголовного права не только усиливают запрет, тем самым регулируя поведение людей, но и конкретизируют многие положения конституции РФ. Так, по мнению Н.М. Кропачева, если ч.2 ст.21 и ст.22 Конституции РФ провозглашают «не причиняй телесные повреждения», то тогда и единичный случай нанесения удара, не нарушившего анатомической целостности тела потерпевшего, противоречит Конституции РФ и противоправен, хотя в ст.116 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за нанесение множества ударов. Если ст.20 Конституции РФ провозглашает «каждый имеет право на жизнь», а ст.35 Конституции РФ содержит запрет на нарушение права собственности, а соответствующие уголовно-правовые нормы представляют собой лишь санкцию за нарушение конституционных запретов, то в случае совершения убийства из корыстных побуждений будут нарушены два запрета и, соответственно, имеют место два преступления.³

Устанавливая преступность посягательства посредством формулирования запретов на совершение определенных действий, законодатель тем самым указывает в диспозиции нормы, предусмотренной статьей Особенной части УК РФ, сферу правоотношений, которые переходят в разряд объекта преступления. Так, например, согласно диспозиции ст.173 УК РФ преступлением является только создание коммерческой организации, без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность, с целью совершения определенных действий, если это повлекло определенные последствия. В то же время использование уже имеющейся коммерческой организации, либо создание некоммерческой организации с целью совершения указанных в ст.173 УК РФ действий преступлением не является.

Таким образом, признание правоотношений объектом преступления позволяет четко указать на общественные отношения, которые в случае причинения им вреда становятся объектом пре-

---

¹ Фролов М.В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С.14.

² Векленко В.В., Попов И.В. Негативное воздействие на природу как основание юридической ответственности за экологические правонарушения // Вопросы правовой теории и практики : межвузовский сборник научных трудов. Омская академия МВД России, 2007. Вып.4. С.120-127.

³ Кропачев Н.М. Указ. соч. С.73-74.

ступления и способствует реализации принципа законности (ст.3 УК РФ). Именно в этом и заключается практическое значение рассмотрения правоотношений как формы объекта преступления, который указывается посредством описания признаков, характеризующих все элементы состава преступления.

Кроме этого, признание объектом преступления правоотношений, влияет на квалификацию при посягательстве на интересы лица, в реализации которых государство не заинтересовано, например при похищении имущества у лица, которое не имело право его хранить.

Подводя итоги, необходимо отметить, что объектом преступления как элементом его состава, следует считать правоотношения. Структура объекта преступления также состоит из двух подсистем: одну из них составляют отношения, защищаемые уголовным законом, вторую составляют отношения, защищающие первое. Защищающие отношения возникают с момента вступления в силу закона, устанавливающего наказуемость за совершение конкретного преступления. Содержание защищаемого отношения определяется предметом правового регулирования (объектом права) – общественными отношениями, складывающимися в различных сферах общественной жизни. Для уяснения правоотношения – объекта, как элемента состава преступления их можно условно разделить на уголовные правоотношения, возникающие с момента вступления в силу уголовно-правовой нормы, устанавливающей преступность определенного деяния, (речь идет об уголовной противоправности), когда соответствующее деяние непосредственно запрещено уголовным законом независимо от того, запрещено ли оно также нормами других отраслей права или нет, и уголовные правоотношения, содержание которых определяется также нормами иных отраслей права (речь идет о смешанной (бланкетной) противоправности).

Устанавливая преступность деяния посредством формулирования запретов на совершение определенных действий, законодатель тем самым указывает сферу общественных отношений, которые подпадают под охрану уголовного права и становятся объектом преступления как элементом его состава. Признание правоотношений объектом преступления позволяет четко указать на общественные отношения, которые в случае причинения им вреда становятся объектом преступления и способствуют реализации принципа законности (ст.3 УК РФ). Именно в этом и заключается практическое значение рассмотрения правоотношений как формы объекта преступления, который указывается посредством описания в диспозиции нормы признаков, характеризующих все элементы состава преступления.

2.4. ИНТЕРЕСЫ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И СПОСОБ КОНКРЕТИЗАЦИИ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Как было отмечено выше, в последнее время в литературе наметилась тенденция отхода от концепции «объект преступления – общественные отношения» к концепции «объект – интерес». По мнению С.А. Елисеева, «... представление об объекте преступления как благе (интересе), охраняемом уголовным законом от преступных посягательств, не только продолжает традиции российской уголовно-правовой науки, но и соответствует современным взглядам на сущность, социальную ценность права, содержание правоотношения».¹ Понятие интереса довольно часто упоминается в УК РФ как в нормах Общей (ч.3 ст.12, ч.1 ст.37), так и Особенной части (ст.ст.137-140; 201, 285) УК РФ, где посредством указания на интересы граждан, общества и государства законодатель описывает последствия преступления. Вместе с тем сторонники признания интереса в качестве объекта преступления, как правило, не рассматривают соотношение таких понятий, как «общественное отношение» и «интерес», поэтому представляется необходимым исследовать их соотношение.

Учитывая, что общественные отношения – это отношения субъектов по поводу объектов (предметов), под которыми следует понимать все то, что включено в сферу потребностей людей, с которыми тесным образом связано понятие «интерес», в философской и уголовно-правовой литературе интересы рассматриваются как форма выражения общественных отношений, так как общественные отношения проявляются как интересы.² Сторонники выражения общественных отношений через понятие «интерес» основываются на высказывании Ф.Энгельса о том, что «экономические отношения каждого общества проявляются прежде всего как интересы».³

Понятие «интерес» рассматривается в психологическом (субъективном) и социологическом (объективном) аспектах. В первом случае интерес рассматривается как продукт деятельности

---

¹ Елисеев С.А. Указ. соч. С.15.

² Кривуля А.М. Диалектика общественных отношений и человеческой деятельности. Харьков, 1988. С.27; Москаленко А.Г., Мокринский Г.В. Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности. Новосибирск, 1981. С.82-83; Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. С.49; Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория и практика. С.63.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.18. М., 1961. С.271.

мозга, как побудительный мотив к действию, в основе которого лежит осознанная потребность – интерес (субъективный интерес), выражающая внутренне-эмоциональное отношение субъекта к объекту. В социологическом (объективном) аспекте интерес выступает как понятие, обозначающее и характеризующее нечто объективно значимое для индивида, общества. Если потребность – это отношение субъекта к предмету потребности, то интерес – это отношение между субъектами по поводу этой потребности как взаимосвязь индивидов, их связей (социальный аспект).¹ Поэтому интерес – это объективно-субъективная категория, выражающая направленность общества, государства личности на предметы и объекты, способные удовлетворить определенную потребность.²

В дореволюционном отечественном уголовном праве интерес рассматривался как средство материализации объекта преступления. Как писал Н.С. Таганцев, «... для бытия преступного деяния необходим определенный, материально или идеально существующий, проявляющий предмет. Субъективное право делается доступным для посягательства (для восприятия последствий – В.В.) на него только тогда, когда оно реализовалось, воплотилось в сочинении, картине, доме, поместье и т.п.». Охраняемые интересы могут иметь реальный (материальный) характер – жизнь, здоровье, неприкосновенность владения или идеальный – честь, религиозное чувство, благопристойность. Интерес обычно совпадает с тем предметом, к которому прилагаются непосредственно действия преступника: здоровье как правоохраняемый интерес совпадает с выбитым глазом, переломанными ребрами, но интересы идеальные могут различаться с теми предметами, на которые направляются действия виновного, и без повреждения и или изменения которых не может быть посягательства на интерес.³ По мнению А.Н. Круглевского, под интересом лица к известному явлению следует понимать отношение лица к соответствующему факту, в силу которого возникновение или не наступление последнего создает для какого-нибудь блага индивида неблагоприятное последствие.⁴

---

¹ Здравомыслов В.Г. Проблемам интереса в социологической концепции. Л., 1964. С.29; Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990. С.10, 19; Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия (Теоретические аспекты субъективного права). Саратов, 1972. С.209.

² Замосковцев П.В. Некоторые вопросы системы Особенной части Советского уголовного законодательства // Сибирские юридические записки. Омск-Иркутск, 1971. С.7.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т.1. С.32, 34, 178, 186.

⁴ Круглевский А.Н. Указ. соч. С.16.

В советском уголовном праве одним из первых, выступивших за признание интереса объектом преступления, был Б.С. Никифоров, увязывавший его с понятием возможности, где возможность совершать определенные действия или охраняемый правом интерес управомоченного лица – это составная часть общественного отношения, обозначаемого юридически как нарушение субъективного права. «При этом, – по мнению Б.С. Никифорова, – возможность и интерес в жизни настолько переплетены друг с другом, что воспрепятствование реализации возможности или в соответствующих случаях неокказание содействия ее реализации всегда есть вместе с тем и нарушение интереса, ради которого лицу обеспечивается определенная возможность».¹ Как элемент структуры общественного отношения, проявляющийся в возможности действовать определенным образом, пребывать в определенном состоянии, рассматривали интерес и другие авторы.²

Так, по мнению Е.А. Фролова, «именно в сохранении возможности действовать определенным образом или в возможности пребывать в определенном состоянии и состоит тот социальный интерес, который представляет собой ядро, содержание всякого общественного отношения». В то же время интересы – это не элемент общественных отношений и не явление, существующее наряду с общественными отношениями, а глубинное содержание соответствующих социальных возможностей. При повседневном практическом использовании в уголовном праве понятия «общественное отношение», «объект уголовно-правовой охраны», «социальная возможность», «интерес» можно употреблять как синонимы.³

По мнению Н.И. Коржанского, непосредственным объектом выступают реализуемые социальные возможности определенного поведения субъекта или обеспечиваемое ему обществом определенное состояние. Эти социальные возможности являются глубинным содержанием общественных отношений. Как непосредственный объект интересы не заменяют общественных отношений, а лишь указывают на их конкретно осязаемую сторону. Преступле-

---

¹ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С.4, 69, 71.

² Браинин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С.167; Кузнецов А.В. Уголовно-правовая охрана интересов личности в СССР. М., 1969. С.29; Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969. С.10-11.

³ Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С.198; Фролов Е.А. Объект уголовноправовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1971. С.21.

ние только затрудняет или ликвидирует возможность удовлетворения реализации интереса как осознанной потребности.¹

П.В. Замосковцев считал, что интерес пронизывает все общественное отношение целиком и определяет его содержание. Общественные отношения существуют ради удовлетворения интересов, поэтому понимать интерес как элемент общественного отношения неверно. С целью конкретизации понятия интереса П.В. Замосковцев выделял объект интереса, под которым, по его мнению, следует понимать не только предметы внешнего мира, способные удовлетворять ту или иную потребность, но и средства ее удовлетворения. Таким образом, к объектам интереса относятся различные материальные, социально-политические, духовные ценности, которые прямо или опосредованно (как средства) обеспечивают нормальное функционирование удовлетворения потребностей людей. К таковым относятся не только материальные предметы, но и деятельность людей, нормальная деятельность государственного аппарата. Поэтому в уголовном законодательстве понятия «общественные отношения» и «интерес» отождествляются.² По мнению А.В. Кузнецова, содержание интереса включает в себя субъект интереса – его носителя и объект интереса, под которым следует понимать условия общественной жизни, обеспечивающие возникновение, развитие и удовлетворение человеческих потребностей. К этим условиям относятся, во-первых, общественный, государственный строй, деятельность государственного аппарата; во-вторых, то, что непосредственно удовлетворяет человеческие потребности: предметы природы, товары и т.д.³

Анализ структуры интереса позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, на основании такой «модели» интереса трудно убедиться в том, что она по существу является «моделью» общественного отношения.⁴ Во-вторых, необходимо выделять две группы интересов: интересы субъектов отношения, сцепляющие их и находящиеся внутри конкретного отношения, и интересы государства, выраженные в норме права, находящиеся вне отноше-

---

¹ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С.51-52, 161.

² Замосковцев П.В. Некоторые вопросы системы Особенной части Советского уголовного законодательства. С.8-10; Замосковцев, П.В. Проблема уголовно-правовой охраны в свете марксистско-ленинской теории ценностей: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С.10-11.

³ Кузнецов А.В. Уголовно-правовая охрана интересов личности в СССР. М., 1969. С.23.

⁴ Пакутин В.Д. Уголовно-правовая охрана внешней природной среды. Уфа, 1977. С.22.

ния, которое охраняется, так как является объектом направленности интереса.¹ В-третьих, понятие «интерес» позволяет конкретизировать субъект отношений. Если понятие «общественное отношение» и его составной элемент – возможность не поддаются или трудно поддаются видовой дифференциации, то этого нельзя сказать о носителе этих возможностей. Появление в Особенной части УК РФ новых глав обычно выражает стремление законодателя поставить в условия особой охраны определенные интересы того или иного участника общественных отношений или усилить охрану интересов определенного субъекта. Так, Б.С. Никифоров предлагал включить в Особенную часть УК РСФСР главы, содержащие в себе нормы, предусматривающие ответственность за преступления против политических и трудовых прав граждан, а также преступления против правосудия.² По мнению Н.И. Трофимова, насильственное половое сношение, вовлечение в пьянство, проституцию, занятия азартными играми в отношении совершеннолетних преступлениями не являются. Если такие действия совершаются в отношении несовершеннолетнего, то они являются преступными. Таким образом, качественная однородность интересов в зависимости от их носителя является основанием для объединения ряда преступлений против несовершеннолетних в самостоятельную группу и ограничения их от сходных преступлений.³ По мнению Ю.Е. Пудовочкина, следует четко разграничивать преступления против несовершеннолетнего и преступления, в которых несовершеннолетний выступает потерпевшим. Это выражается в том, что эти понятия соотносятся как часть и целое, так как в любом преступлении против несовершеннолетнего он выступает в качестве потерпевшего, но не всякое преступление, где потерпевшим выступает несовершеннолетний, является преступлением против него. К преступлениям против несовершеннолетних относятся те преступления, в составе которых возраст потерпевшего отнесен к конституирующим признакам.⁴ В связи с отмеченным интересным представляется вопрос об определении непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.135 УК РФ, так как в-первых, потерпевшим от этого преступления может быть только несовершеннолетний. Во-вторых, по мнению Ю.Е. Пудовочкина,

---

¹ Глистин В.К. Указ. соч. С.83.

² Никифоров Б.С. Об объекте преступления по Советскому уголовному праву // Сов. гос. и право. 1956. №6. С.69.

³ Трофимов Н.И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних. Иркутск, 1973. С.26-28.

⁴ Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб., 2002. С.69-70.

вред в данном случае, причиняется не столько несовершеннолетнему, сколько всему обществу.¹ Поэтому представляется, что ответственность за действия, предусмотренные ст.135 УК РФ, должна быть предусмотрена в гл.25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Кроме этого, категория «интерес» в силу особенностей законодательной техники выступает формой выражения объекта преступления – человек в системе общественных отношений, когда в диспозиции статьи невозможно дать исчерпывающий перечень различных видов причиненного вреда, которые характеризуют последствия преступления, например в ст.ст.140, 285 УК РФ.

По мнению Е.К. Каиржанова, интерес и общественные отношения соотносятся как явление (интересы) и сущность (общественные отношения), где интерес выступает конкретным выражением общественных отношений.² Категории «явление» и «сущность» выражают соотношение поверхностных и глубинных уровней действительности. Сущность – внутренняя, глубинная, скрытая, относительно устойчивая сторона того или иного явления, определяющая его природу. Явление – внешние, наблюдаемые, изменчивые характеристики того или иного предмета.³ Однако, как полагает В.К. Глистин, объект преступления нельзя рассматривать через интерес. Интерес сам по себе «сущность», которая всегда скрыта и обнаруживается в общественных отношениях. Интерес можно познать через отношения, в которые вступает личность.⁴ Таким образом, возникает определенное противоречие. По мнению Е.К. Каиржанова, интересы – это явление, а общественные отношения – сущность. Другого мнения придерживается В.К. Глистин: общественные отношения выступают в качестве явления, а интересы – как сущность, которая познается через явление.

Причина разногласий заключается в том, что указанные авторы рассматривают различные сферы общественных отношений или различные по характеру интересы и общественные отношения, выступающие в качестве объекта преступления. Многие общественные отношения, и прежде всего экономические, скрыты от непосредственного их восприятия, но это относится не ко всем общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона. Так, совершенно очевидны общественные отношения, являющиеся объектом преступлений против жизни, здоровья, свобо-

---

¹ Пудовочкин Ю.Е. Указ. соч. С.211.

² Каиржанов Е.К. Указ. соч. С.51. 56.

³ Введение в философию: Учебник для вузов. В 2 ч. Ч.2 / Фролов Т.И. и др. М., 1989. С.112-113.

⁴ Глистин В.К. Указ. соч. С.67.

ды и достоинства личности, политических и трудовых прав граждан.¹ В то же время может возникнуть вопрос в целесообразности существования ст.171 УК РФ, предусматривающей ответственность за предпринимательство без регистрации или без лицензии, так как ее наличие в определенной степени препятствует свободе осуществления предпринимательской деятельности. Однако уход экономики «в тень» причиняет вред интересам государства (возможность формирования бюджета за счет сборов, налогов), что в конечном счете причиняет вред интересам граждан.

Таким образом, можно выделить три позиции о соотношении таких понятий, как «общественные отношения» и «интерес». Сторонники одной точки зрения рассматривают интерес как структурный элемент общественного отношения и отождествляют его с возможностью поведения, тогда интерес выступает в качестве непосредственного объекта преступления, либо понятие «интерес» отождествляется с понятием «общественные отношения». Согласно второй точки зрения, интересы и общественные отношения – это тождественные понятия. Таким образом, с целью конкретизации понятия «интерес» следует выделять объект интереса, под которым понимают как предметы внешнего мира, способные удовлетворять ту или иную потребность, так и средства, обеспечивающие возможность удовлетворять эти потребности (государственные институты).

В то же время, по мнению В.К. Глистина, придерживающегося противоположной точки зрения, рассматривать общественные отношения как объект преступления через интерес нельзя, поскольку преступление посягает на возможность действовать определенным образом и всегда воздействует на реальность, а не на абстракцию, невозможно воздействовать на то, что еще не возникло. Поэтому нельзя говорить о последствиях преступления как о лишении субъекта какой-либо возможности. Преступление воздействует на фактическое отношение, что касается возможностей, то они лежат в плоскости будущего, то есть происходит нарушение соотношения категорий «действительность» и «возможность».² При этом, В.К. Глистин почему-то не учитывает, что Б.С. Никифоров понятие «возможность» рассматривал не как категорию, парную категории «действительность», а как обеспеченную законом беспрепятственность поведения людей.³

---

¹ Таций В.Я. Указ. соч. С.69-76.

² Глистин В.К. Указ. соч. С.59-60.

³ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С.70.

Также, по мнению В.К. Глистина, доказательством того, что интерес не может выступать объектом преступления, является анализ различных точек зрения по поводу того, что является объектом такого преступления, как спекуляция (ст.154 УК РФ), объектом которого не могут быть ни интересы торговли, ни интересы покупателей.¹ Это утверждение совершенно верно, именно поэтому в настоящее время спекуляция не является преступлением, так как скупка товаров с целью их продажи никому вреда не причиняет. Таким образом, если нет субъекта, реализация интересов которого как возможности определенного поведения затрудняется совершением преступления, то, соответственно, и нет преступления.

Признавая тесную связь интереса с общественными отношениями, категория «интерес», по мнению В.К. Глистина, непригодна для уяснения сущности и определения границ преступных последствий. Каждое преступление нарушает большой объем интересов, которые безразличны для уголовного права. Так, убийство дипломата причиняет вред интересам государства, его семье и т.д., но эти интересы безразличны для квалификации преступления и назначения наказания, если будет установлено, что убийство совершено на почве ревности, так как оно было направлено на разрушение его бытовых связей и поэтому интерес обнаруживается через отношение.² Следует отметить, что объем сферы общественных отношений, нарушаемых преступлением, приведенным В.К. Глистиным в качестве примера, очень большой, но направленность действий виновного (месть на почве ревности) как раз и позволят определить ту сферу общественных отношений, которым причиняется вред в результате совершения преступления. Этими отношениями будут не отношения в сфере осуществления политики государства в отношении иностранных государств, а отношения в сфере неприкосновенности жизни.

Кроме этого, по мнению В.К. Глистина, интересы отдельных субъектов могут не совпадать с интересами государства, например преступление, предусмотренное ст.143 УК РСФСР (ст.148 УК РФ), поскольку с позиции понимания непосредственного объекта как интереса применительно к воспрепятствованию совершению религиозных обрядов нельзя объяснить наличие запрета, сформулированного в указанной статье, так как государство не может признавать религиозные интересы граждан ценностью, требующей их уголовно-правовой охраны. Если же рассматривать объект преступления через понятие «общественные отношения», то объектом

---

¹ Глистин В.К. Указ. соч. С.15.

² Там же. С.83.

преступления следует признать общественные отношения по поводу отправления религиозных культов.¹ В данном случае непризнание интересов в качестве объекта преступления обосновывается несовпадением интересов государства и интересов граждан. Однако если интересы граждан не противоречат интересам других лиц, общества и государства, то их реализация может быть поставлена под охрану уголовного закона. Юридическую охрану получает не всякий, а лишь такой индивидуальный интерес, который совпадает с интересами государства или не противоречит им.² посредством субъективного права реализуется не весь объем интереса, а лишь тот, который «отмерен» субъекту субъективным правом и «оформлен» в законный (правоохраняемый) интерес. Именно эту часть интереса, удовлетворение которой возможно путем реализации субъективного права, и следует признавать элементом структуры объекта преступления.³ Под интересом, охраняемым уголовным законом, следует понимать такой интерес, который соответствует интересам других граждан, то есть интерес, имеющий общественное значение и соответствующий общественным интересам. Военнослужащий, покинувший поле боя, действует в своих личных интересах, так как таким способом он спасает свою жизнь, но этот интерес противоречит интересам других людей, а потому не подлежит уголовно-правовой охране.⁴

Думается, что непризнание В.К. Глистиним интересов в качестве объекта преступления обусловлено тем обстоятельством, что интересы личности не всегда совпадают с интересами общества и государства. Объектом преступления следует признавать те интересы личности, реализация которых не нарушает права других граждан и способствует развитию общества, поэтому интерес способствует уяснению содержания общественного отношения как объекта преступления. Противопоставлять интерес и общественные отношения нет смысла, поскольку общественные отношения являются источником зарождения и средством претворения интереса в жизнь. Создавая материальные или духовные ценности, способные удовлетворять тот или иной интерес, люди вступают в социальные связи и отношения, в то же время содержанием общественного отношения является деятельность его участников, направленная на реализацию интереса и удовлетворение на этой ос-

---

¹ Глистин В.К. Указ. соч. С.69-70.

² Иоффе О.С. Указ. соч. С.109; Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С.242.

³ Михалев И.Ю. Криминальное банкротство. СПб., 2001. С.62-63.

⁴ Кузнецов А.В. Уголовно-правовая охрана интересов личности в СССР. М., С.31.

нове материальной или духовной потребности.¹ Общественные отношения следует рассматривать не в статическом положении, как некое застывшее образование, а в динамике вследствие постоянного изменения осознанных потребностей действующих субъектов. Поэтому соотношение интересов и общественных отношений, в зависимости от характера отношений и интересов, заключается в диалектическом проявлении интереса (содержания) в общественных отношениях (форме), которые вызывают к жизни новые осознанные потребности – интересы. Тогда уже общественные отношения (содержание) проявляются в интересах (форме). Установление интереса является способом определения соответствующих общественных отношений, выступающих объектом преступления.

Значение признания интереса в качестве объекта преступления выражается еще и в том, что это влияет на формулировку законодательного понятий умысла и неосторожности. Так, по мнению Н.И. Загородникова, если признавать непосредственным объектом общественные отношения, то следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что для установления объекта преступления при совершении умышленных преступлений необходимо устанавливать умысел виновного на причинение вреда конкретному общественному отношению. Следовательно, для вменения лицу убийства недостаточно, чтобы суд установил, что виновный сознавал общественную опасность лишения жизни. Необходимо, кроме этого, доказать, что умысел виновного был направлен на причинение вреда конкретному общественному отношению, что вряд ли возможно сознавать простым гражданам вследствие абстрактности такого понятия, как «общественные отношения».² Следует признать убедительность доводов Н.И. Загородникова, поэтому в теории уголовного права при описании умысла и неосторожности с целью конкретизации предмета предвидения было предложено установление сознания не общественной опасности совершаемых действий, а возможности причинения вреда чьим-либо интересам (личности общества и государства). Это избавит правоприменителя от необходимости устанавливать осознание виновным общественной опасности совершаемых действий.³ Таким

---

¹ Замосковцев В.П. Проблема объекта уголовно-правовой охраны в сфере марксистско-ленинской теории ценностей : автореф. дисс. ... канд юрид. наук. М., 1973. С.12; Ляпунов Ю.А. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. С.26.

² Загородников, Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию. С.11.

³ Кулыгин В.В. Виновная ответственность и субъективное вменение в уголовном праве. Хабаровск, 1996. С.48; Векленко, С.В. Понятие, сущность,

образом, признание интереса в качестве непосредственного объекта преступления будет способствовать конкретизации предмета предвидения интеллектуального момента вины.

Подводя итог, необходимо отметить, что значение признания интереса как непосредственного объекта преступления будет способствовать, во-первых, систематизации норм в Особенной части УК РФ по главам на основании однородности интересов субъектов отношений, во-вторых, конкретизации непосредственного объекта преступления, в-третьих, конкретизации предмета предвидения интеллектуального момента вины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Учение об объекте преступления получило свое развитие во второй половине XIX века и его можно систематизировать на периоды. Первый период характеризуется отождествлением объекта и предмета преступления в рамках учения о составе преступления. При этом в теории уголовного права выделяли два уровня объекта преступления: непосредственный – определенное правовое благо, под которым понимались вещи, конкретные отношения, определенные состояния, и отвлеченный – воля государства, сформулированная в запретах, содержащихся в уголовно-правовой нормах.

Второй период, начало XX века, характеризуется постепенным признанием того, что преступление причиняет вред всему обществу. Однако под непосредственным объектом понимали не общественные отношения как определенную сложившуюся систему, а как отношения, существующие между конкретными субъектами. В качестве элемента состава объект преступления рассматривался как двухаспектное явление, характеризующееся формальной (нарушение запрета государства, выраженного в правовой норме) и содержательной (характеризующей благо, которому непосредственно причинен вред) сторонами. Отсутствие хотя бы одного из аспектов не позволяло считать причинение вреда преступлением.

содержание и формы вины в уголовном праве. Омск, 2002. С.147, 162; Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С.38, 49.

Третий период, 1930-1960 гг., характеризуется критикой всех теоретических разработок дореволюционных правоведов как буржуазных и не пригодных для советского уголовного права и признанием в качестве непосредственного объекта общественных отношений. Признание общественных отношений объектом преступления обусловлено причинами социологического, методологического, законодательного и политического характера.

Признание в качестве объекта преступления общественных отношений позволяет судам расширительно толковать положения норм Особенной части Уголовного кодекса, что приводит к нарушению принципа законности. В связи с этим объектом преступления следует признавать не все общественные отношения, существующие в обществе, а только те, которые урегулированы нормами права – правоотношения. Одним из способов четкого указания на объект преступления в диспозиции статьи Особенной части является указание на признаки субъектов правоотношений и предмета преступления.

Объект преступления следует рассматривать как сложное многоуровневое явление, проявляющееся в таких аспектах, как: аксиологический – объект уголовно-правовой охраны – человек в системе общественных отношений; правовой – элемент состава преступления – правоотношения, возникающие с момента вступления в силу уголовного закона, устанавливающего запрет; социально-предметный – объект реально совершенного деяния, выражающийся в последствиях преступления.

Признание интереса в качестве непосредственного объекта преступления будет способствовать, во-первых, систематизации норм в Особенной части УК РФ по главам на основании однородности интересов субъектов отношений, во-вторых, конкретизации непосредственного объекта преступления, в-третьих, конкретизации предмета предвидения интеллектуального момента вины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

---

1. Алексеев, С.С. Социальная ценность права в советском обществе / С.С. Алексеев. – М., 1971.
2. Анианц, М.К. Ответственность за преступления против жизни / М.К. Анианц. – М., 1964.
3. Анощенко, С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / С.В. Анощенко. – М., 2006.
4. Антипов, В.И. Установление основного объекта преступления в составах многообъектных преступлений / В.И. Антипов // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности ОВД. – Киев, 1986.
5. Архангельский, А.М. Курс лекций по марксистко-ленинской этике / А.М. Архангельский. – М., 1974.
6. Бавсун, М.В. Целесообразность в уголовном праве / М.В. Бавсун. – Омск, 2004.
7. Базылев, Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б.Т. Базылев. – Красноярск, 1985.
8. Барков, Л.В. К вопросу о сущности уголовных правоотношений / Л.В. Барков / Проблемы уголовного права. Сборник статей. Под ред. И.С. Тишкевича. – Мн., БГУ., 1976.
9. Баруллин, В.С. Социальная философия / В.С. Баруллин. – М., 1999.
10. Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Киев-Петербург-Харьков, – 1903.
11. Беляев, Н.А. О системе хозяйственных преступлений. Избранные труды / Н.А. Беляев. – СПб., 2003.
12. Бернер, А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. Часть Общая / А.Ф. Бернер. – СПб., 1865.
13. Бикмурзин, М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ / М.П. Бикмурзин. – М., 2006.
14. Благов, Е.В. Общественно опасные последствия как признак объективной стороны состава преступления / Е.В. Благов / Проблемы уголовной ответственности и наказания. – Красноярск, 1995.
15. Бойцов, А.И. Действие уголовного закона во времени и в пространстве / А.И. Бойцов. – СПб., 1995.
16. Борзенков, Г.Н. Имущественные преступления в Уголовном уложении 1903 г. / Г.Н. Борзенков // Вестник МГУ., Серия 11. Право. – 1993. – №5.

17. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. – М., 1967.
18. Брайнин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я.М. Брайнин. – М., 1963.
19. Бушуева, Т.А. Объект уголовно-правовой охраны природы / Т.А. Бушуева, П.С. Дагель // Сов. гос. и право. – 1977. – №8.
20. Быков, В. Как разграничить бандитизм и разбой / В. Быков // Рос. юстиция. – 2001. – №1.
21. Введение в философию: Учебник для вузов. В 2 ч. Ч.2 / Фролов Т.И. и др. – М., 1989.
22. Векленко В.В. Объект в структуре состава преступления / Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и применения: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Омск, 2006.
23. Векленко, В.В. Квалификация хищений / В.В. Векленко. – Омск, 2001.
24. Векленко, В.В. Негативное воздействие на природу как основание юридической ответственности за экологические правонарушения / В.В. Векленко, И.В. Попов // Вопросы правовой теории и практики: Межвузовский сборник научных трудов. – Омская академия МВД России, 2007. Вып.4.
25. Векленко, С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко. – Омск, 2002.
26. Велиев, И.В. Уголовно-правовая оценка объекта посягательства при квалификации преступлений / И.В. Велиев. – Баку, 1992.
27. Верина, В.Г. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания / Г.В. Верина. – Саратов, 2001.
28. Викторский, С.М. Русский уголовный процесс / С.М. Викторский. – М., 1911.
29. Вишнякова, Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности / Н.В. Вишнякова. – Омск, 2008.
30. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – СПб., Киев, 1905.
31. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М., 2001.
32. Гаухман, Л.Д. Насилие как средство совершения преступления / Л.Д. Гаухман. – М., 1974.
33. Гельфер, М.А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве М.А. Гельфер // Ученые записки ВЮЗИ. – М., 1955.

34. Георгиевский, Э.В. Теоретический анализ объекта преступления / Э.В. Георгиевский, А.В. Чернов. – Иркутск, 1999.
35. Георгиевский, Э.Ф. Объект преступления: (Теоретический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999.
36. Глистин, В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) / В.К. Глистин. – Л., 1979.
37. Горбуза, А.Д. Механизм преступного посягательства / А.Д. Горбуза, Е.А. Сухарев // Уголовное право в борьбе с преступностью: Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1987.
38. Горбуза, А.Д. Традиционные представления о механизме преступного посягательства / А.Д. Горбуза, Е.А. Сухарев // Проблемы совершенствования уголовного законодательства на современном этапе / Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1985. – С.21.
39. Горбуза, А.Д. Философские категории «возможность» и «действительность» в учении об уголовной ответственности А.Д. Горбуза // Юридическая ответственность в советском обществе. Труды Высшей следственной школы МВД СССР. – Волгоград, 1974.
40. Горелик, И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. – Минск, 1964.
41. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М., 2000.
42. Гришаев, П.И. Соучастие по Советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. – М., 1959.
43. Дагель, П.С. Условия установления уголовной наказуемости / П.С. Дагель // Правоведение. – 1975. – №4.
44. Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М., 1974.
45. Демидов, Ю.А. Человек – объект уголовно-правовой охраны / Ю.А. Демидов // Сов. гос. и право. – 1972. – №2.
46. Денисов, Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности / Ю.А. Денисов. – М., 1984.
47. Дроздов, А.В. Человек и общественные отношения / А.В. Дроздов. – ЛГУ., 1966.
48. Дудин А.П. Объект правоотношений / А.П. Дудин. – М., 1980.
49. Дурманов, Н.Д. Понятие преступления / Н.Д. Дурманов. – М., 1948.
50. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – М., 1955.

51. Духовский, М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовский. – М., 1908.
52. Елисеев, С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории) / С.А. Елисеев. – Томск, 1999.
53. Емельянов, В.П. Концептуальные аспекты исследования объекта преступления / В.П. Емельянов // Право и политика. – 2002. – №10.
54. Жалинский, А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики / А.Э. Жалинский // Гос. и право. – 1999. – №12.
55. Жеребкин, В.Е. Логический анализ понятий права / В.Е. Жеребкин. – Киев, 1976.
56. Жижиленко, А.А. Имущественные преступления / Жижиленко А.А. – Ленинград, 1925.
57. Загородников, Н.И. Объект преступления и проблема совершенствования уголовного законодательства / Н.И. Загородников // Актуальные проблемы уголовного права. – М., 1988.
58. Загородников, Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию / Н.И. Загородников // Проблемы уголовной политики и уголовного права: Межвуз. сборник научн. трудов. – М., 1994.
59. Загородников, Н.И. Преступления против здоровья / Н.И. Загородников. – М., 1969.
60. Замосковцев П.В. Проблема объекта уголовно-правовой охраны в свете марксистско-ленинской теории ценностей: автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 1973.
61. Замосковцев, П.В. Некоторые вопросы системы Особенной части Советского уголовного законодательства / П.В. Замосковцев // Сибирские юридические записки. – Омск-Иркутск, 1971.
62. Замосковцев, П.В. О многообъектности преступных посягательств / П.В. Замосковцев // Проблемы борьбы с преступностью / Сборник научных трудов. – Омск, 1978.
63. Зателепин, О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве / О. Зателепин // Уголовное право. – 2003. – №1.
64. Здравомыслов, В.Г. Проблемам интереса в социологической концепции / В.Г. Здравомыслов. – Л., 1964.
65. Землюков, С.В. Классификация объектов и последствий преступлений / С.В. Землюков // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. – Красноярск, 2000.

66. Землюков, С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1993.
67. Землюков, С.В. Уголовно-правовые последствия преступного вреда / С.В. Землюков. – Новосибирск, 1991.
68. Иванцова, Н. Разбой насильственное хищение чужого имущества / Н. Иванцова // Уголовное право. – 2003. – №2.
69. Иоффе, О.С. Избранные труды: В 4 т. Т.1. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. – СПб., 2003.
70. Исаев, А.А. История государства и права России / А.А. Исаев. – М., 1993.
71. Исмагилов, И.А. О системе уголовноправовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на личные интересы граждан / И.А. Исмагилов, П.П. Осипов // Вестник ЛГУ., 1971. – №23.
72. Каиржанов, Е.К. Интересы трудящихся и уголовный закон. Проблемы объекта преступления / Е.К. Каиржанов. – Алма-Ата, 1973.
73. Карлин, А.Б. Социальная сущность преступных последствий / А.Б. Карлин // Вестник ЛГУ., 1982. – №5.
74. Карпушин, М.П. Уголовная ответственность и состав преступления / М.П. Карпушин, В.И. Курляндский. – М., 1974.
75. Кедров, Б.М. История науки и принципы ее исследования / Б.М. Кедров // Вопросы философии. – 1971. – №9.
76. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – М., 1958.
77. Кибальник А., Понятие и виды тайны в уголовном праве / А. Кибальник, И. Соломоненко / Рос. юстиция. – 2001. – №2. – С.53.
78. Кистяковский, А.О. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая / А.О. Кистяковский. – Киев, 1891.
79. Ковалев, М.И. Понятие преступления по советскому уголовному праву / М.И. Ковалев. – Свердловск, 1987.
80. Ковалев, М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления / М.И. Ковалев. – Красноярск, 1991.
81. Ковалев, М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск 1. Введение в уголовное право / М.И. Ковалев. – Свердловск, 1971.
82. Козаченко, И.Я. Структура объекта в преступлениях против личности / Уголовное право в борьбе с преступностью /

И.Я. Козаченко // Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1987. – С.64-65.

83. Козлов, А.П. Состав преступления и преступление / А.П. Козлов // Уголовное законодательство: состояние и перспективы развития. Материалы конференции / Отв. ред. А.Н. Тарбагаев. – Красноярск, 2002.

84. Комахидзе, М.Х. Об объекте имущественных преступлений / М.Х. Комахидзе // Сов. гос. и право. – 1955. – №6.

85. Коржанский, Н.И. О недостатках уголовно-правовой охраны чести и достоинства личности / Н.И. Коржанский // Труды ВСШ МВД СССР. Вып.3. – Волгоград, 1970.

86. Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / И.И. Коржанский. – М., 1980.

87. Коржанский, Н.И. Определение объекта преступления в законе и на практике // Советское законодательство и вопросы борьбы с преступностью / Н.И. Коржанский / Труды высшей следственной школы. Вып.10. – Волгоград, 1974.

88. Коржанский, Н.И. Развитие учение об объекте преступления в советском уголовном праве / Н.И. Коржанский // Становление и развитие советского уголовного законодательства: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию первого Советского Уголовного кодекса. – Волгоград, 1973.

89. Коробеев, А.И. Транспортные преступления / А.И. Коробеев. – СПб., 2003.

90. Коробов, П. Разбой как типичная форма хищения / П. Коробов // Уголовное право. – 2006. – №1.

91. Кривуля, А.М. Диалектика общественных отношений и человеческой деятельности / А.М. Кривуля. – Харьков, 1988.

92. Кропачев, Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система / Н.М. Кропачев. – СПб., 1999.

93. Круглевский, А.Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений / А.Н. Круглевский. – СПб., 1913.

94. Кругликов, Л.Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. – СПб., 2005.

95. Кудрявцев, В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления / В.Н. Кудрявцев // Сов. гос. и право. – 1951. – №8.

96. Кудрявцев, В.Н. О противоправности преступления / В.Н. Кудрявцев // Правоведение. – 1959. – №1.

97. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. – М., 1960.

98. Кузнецов, А.В. Охрана личности в советском уголовном праве / А.В. Кузнецов // Сов. гос. и право. 1971. – №9.
99. Кузнецов, А.В. Уголовное право и личность / А.В. Кузнецов. – М., 1977.
100. Кузнецов, А.В. Уголовно-правовая охрана интересов личности в СССР / А.В. Кузнецов. – М., 1969.
101. Кузнецова, Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. – М., 1969.
102. Кулыгин, В.В. Виновная ответственность и субъективное вменение в уголовном праве / В.В. Кулыгин. – Хабаровск, 1996.
103. Куприянов, А.А. Освобождение от ответственности за примирением с потерпевшим по ч.1 ст.318 УК РФ / А.А. Куприянов // Уголовный процесс. – 2008. – №4.
104. Курс Советского уголовного права Особенная часть. Том. 1. – М., 1955.
105. Курс Советского уголовного права. – ЛГУ., 1968.
106. Курс Советского уголовного права. – ЛГУ., Т.5. 1981.
107. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М., 1999.
108. Ляпунов, Ю. Дискуссионные проблемы объекта преступлений против собственности / Ю. Ляпунов // Уголовное право. – 2004. – №3.
109. Ляпунов, Ю.А. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел / Ю.А. Ляпунов. – М., 1974.
110. Малинин, В.Б. Объективная сторона преступления / В.Б. Малинин, А.Ф. Парфенов. – СПб., 2004.
111. Мальцев, В.В. Ответственность за преступления против собственности / В.В. Мальцев. – Волгоград, 1999.
112. Мамилов, К.В. Уголовно-правовое основание уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2001.
113. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1954. Т.1.
114. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. Т.3.
115. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1957. Т.6.
116. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1968. Т.46. Ч.1.
117. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т.18. – М., 1961.

118. Марцев, А. Состав преступления: структура и виды / А. Марцев // Уголовное право. – 2005. – №2.
119. Марцев, А.И. Общие вопросы учения о преступлении / А.И. Марцев. – Омск, 2000.
120. Марцев, А.И. Развитие учения об объекте преступления / А.И. Марцев, Н.В. Вишнякова. – Омск, 2002.
121. Матузов, Н.И. Личность. Права. Демократия (Теоретические аспекты субъективного права) / Н.И. Матузов. – Саратов, 1972.
122. Матузов, Н.И. Общие правоотношения и их специфика / Н.И. Матузов // Правоведение. – 1976. – №3.
123. Матузов, Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. – Саратов, 1987.
124. Милюков, С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа / С.Ф. Милюков. – СПб., 2000.
125. Михайлов, М.П. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой / М.П. Михайлов. – М., 1958.
126. Михалев, И.Ю. Криминальное банкротство / И.Ю. Михалев. – СПб., 2001. – С.62-63.
127. Михлин, А.С. Последствия преступления / А.С. Михлин. – М., 1969.
128. Москаленко, А.Г. Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности / А.Г. Москаленко, Г.В. Мокринский. – Новосибирск, 1981.
129. Наумов, А.В. История создания и общая характеристика Уголовного уложения 1903 г./ А.В. Наумов // Вестник МГУ., Серия 11. Право. – 1993. – №5.
130. Наумов, А.В. О законодательной и правоприменительной оценке социальных ценностей, охраняемых уголовным законом А.В. Наумов // Актуальные проблемы уголовного права. – М.:ИГПАН, 1988.
131. Наумов, А.В. Обновление методологии науки уголовного права / А.В. Наумов // Сов. гос. и право. – 1991. – №12.
132. Наумов, А.В. Применение уголовно-правовых норм / А.В. Наумов. – Волгоград, 1973. – С.14-15.
133. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций / А.В. Наумов. – М., 1996.
134. Нерсесян, В.А. Неосторожная вина: проблемы и решения / В.А. Нерсесян // Гос. и право. – 2000. – №4.
135. Никифоров, Б. Дело Чарыева и других / Б. Никифоров // Сов. юстиция. – 1965. – №22.

136. Никифоров, Б.С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров. – М., 1952.

137. Никифоров, Б.С. Об объекте преступления по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров // Сов. гос. и право. – 1956. – №6.

138. Никифоров, Б.С. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров. – М., 1960.

139. Никулин, С.И. Уголовный закон и частный интерес / С.И. Никулин. – М., 1994.

140. Новоселов, Г.П. Без преступных последствий нет преступления / Г.П. Новоселов // Рос. юстиция. – 2001. – №3.

141. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П. Новоселов. – М., 2001.

142. Нуркаева, Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами (Вопросы теории и практики): автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Новгород, 2002.

143. Пакутин, В.Д. Уголовно-правовая охрана внешней природной среды / В.Д. Пакутин. – Уфа, 1977

144. Пермяков, Ю.А. О механизме преступного воздействия на систему общественных отношений / Ю.А. Пермяков // Уголовная ответственность и ее реализация / Межвузовский сборник. – Куйбышев, 1985.

145. Пикуров, Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: диссертация ... докт. юрид. наук. – Волгоград, 1998.

146. Пинаев, А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями / А.А. Пинаев. – Харьков, 1975.

147. Пионтковский А.А. 113-ая и 185-ая статьи Уголовного кодекса. В кн.: Растрата и растратчики / А.А. Пионтковский. – М., 1926.

148. Пионтковский, А.А. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. II / А.А. Пионтковский. – М., 1970.

149. Пионтковский, А.А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая / А.А. Пионтковский. – М., 1924.

150. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. – М., 1961.

151. Поезжалов, В.Б. Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности: автореф. дис. канд. юрид. наук / В.Б. Поезжалов. – Рязань, 2003.

152. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права: (Общая часть уголовного права) / С.В. Познышев. – М., 1912.
153. Протченко, Б.А. Потерпевший как субъект уголовно-правовых отношений / Б.А. Протченко // Сов. гос. и право. – 1989. – №11. – С.80;
154. Прохоров В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. – Красноярск, 1989.
155. Прохоров, В.С. Преступление и ответственность / В.С. Прохоров. – ЛГУ., 1984.
156. Пудовочкин, Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву / Ю.Е. Пудовочкин. – СПб., 2002.
157. Пусторослев, П.П. Анализ понятия преступления / П.П. Пусторослев. – М., 1892.
158. Развитие русского права в первой половине XIX века. – М., 1994.
159. Рассказов, Л.П. Роль карательно-репрессивных органов в утверждении административно-командной системы (1928-1941 гг.) / Л.П. Рассказов. – Уфа, 1993.
160. Расторопов, С. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива / С. Расторопов // Уголовное право. – 2002. – №1. – С.40;
161. Ренненберг, И. Объективная сторона преступления / И. Ренненберг. – М., 1957.
162. Розенберг, Д.Н. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства) / Н.Д. Розенберг // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып.3. – Харьков, 1948.
163. Розин, Н.Н. Конспект лекций по уголовному праву / Н.Н. Розин. – Томск, 1904.
164. Российское уголовное права. Курс лекций. Т.1. Преступление / Под ред. проф. А.И. Коробеева. – Владивосток, 1999.
165. Сахаров, В.И. Объективная сторона преступления (факкультативные признаки) / Под ред. А.В. Наумова и С.И. Никулина / В.И. Сахаров. – М., 1995.
166. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). – М., 1938.
167. Сергеева, Т.Л. Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву / Т.Л. Сергеева. – М., 1949.
168. Сергеева, Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР / Т.Л. Сергеева. – М., 1954.

169. Сергиевский, Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям / Н.Д. Сергиевский. – СПб., 1896.
170. Скляр, С.В. Вина и мотивы преступного поведения / С.В. Скляр. – СПб., 2004.
171. Смирнов, В.Г. Функции Советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования) / В.Г. Смирнов. – ЛГУ., 1965.
172. Советское уголовное право. Часть Общая. – М., 1962.
173. Советское уголовное право. Часть Общая. – М., 1964.
174. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Гос. и право. – 1994. – №6.
175. Спасович, В. Учебник уголовного права. Том I / В. Спасович. – СПб., 1863.
176. Спиридонов, Л.И. Социология уголовного права / Л.И. Спиридонов. – М., 1986.
177. Стручков, Н.А. Объект преступного посягательства и система Особенной части УК / Н.А. Стручков // Сов. гос. и право. – 1987. – №12.
178. Сухарев, Е.А. Традиционные представления о механизме преступного посягательства / А.Д. Горбуза, Е.А. Сухарев // Проблемы совершенствования уголовного законодательства на современном этапе / Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1985.
179. Таганцев, Н.С. О преступлениях против жизни по русскому уголовному праву / Таганцев Н.С. – СПб., 1873.
180. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т.1 / Н.С. Таганцев. – М., 1994.
181. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т.2 / Н.С. Таганцев. – М., 1994.
182. Тальберг, Д.М. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж) / Н.С. Тальберг. – СПб., 1880.
183. Таубер, Л.Я. Понятие потерпевшего в уголовном праве / Л.Я. Таубер // Журнал Министерства юстиции. – СПб., – 1907. – №5.
184. Таций, В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве / В.Я. Таций. – Харьков, 1988.
185. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2001.
186. Тер-Акопов, А.А. Проблема личности в уголовном праве / А.А. Тер-Акопов // Человек: преступление и наказание / Вестник РВШ МВД России. – 1994. – №2.

187. Ткаченко, В.С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.
188. Тоболкин, П.С. Социальная обусловленность норм уголовного права / П.С. Тоболкин. – Свердловск, 1983.
189. Трайнин, А.Н. Избранные труды / Составление, вступительная статья Н.Ф. Кузнецовой / А.Н. Трайнин. – СПб., 2004.
190. Трайнин, А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву / А.Н. Трайнин. – М., 1951.
191. Трофимов, Н.И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних / Н.И. Трофимов. – Иркутск, 1973.
192. Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – СПб., 1998.
193. Трухин, А.М. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления / А.М. Трухин // Вестник Красноярского гос. университета. Гуманитарные науки. – 2001. – №1.
194. Тюнин В.И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства в сфере экономической деятельности. – СПб., 2001.
195. Тяжкова, М.И. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / М.И. Тяжкова / Под ред. В.С. Комисарова. – СПб., 2002.
196. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996.
197. Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х томах. Т.1. Общая часть / Отв. ред. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. – М., 2000.
198. Уголовное право. Общая часть. – М., 1938.
199. Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова, Ю.А. Красикова, А.И. Рарога. – М., 1994.
200. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г. П. Новоселова.. – М., 1997.
201. Уголовное Уложение 1903 г. – СПб., 1904.
202. Уголовное уложение. Объяснение к проекту редакционной комиссии (Часть Общая). – СПб., 1885.
203. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. – СПб., 1912.
204. Упоров, И. Объект уголовно-правовых отношений: содержание и различие со сходными понятиями / И. Упоров, А. Хун // Уголовное право. – 2003. – №4.

205. Устав уголовного судопроизводства. – СПб., 1909.
206. Устинов, В.С. Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (история и концепция) / В.С. Устинов. – Н-Новгород, 1998.
207. Фаргиев, И.А. Потерпевший от преступления (уголовно-правовые вопросы) / И.А. Фаргиев. – Хабаровск, 2001. – С.22-23.
208. Федоров, М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву / М.И. Федоров // Ученые записки. Пермский гос. университет. Том XI. Вып.4. Кн.2. (юрид. науки). – Пермь, 1957.
209. Фефелов, П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы) / П.А. Фефелов. – М., 1992.
210. Филимонов, В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. – Томск, 1981.
211. Филимонов, В.Д. Обстоятельства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления / В.Д. Филимонов // Уголовное право. – 2003. – №2.
212. Филимонов, В.Д. Охранительная функция уголовного права / В.Д. Филимонов. – СПб., 2003.
213. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Дополненное и пересмотренное А.А. Жижиленко / И.Я. Фойницкий. – Петроград. – 1916.
214. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1995.
215. Фон-Резон, А. О преступлениях, наказуемых только по жалобе потерпевшего по русскому праву / А.Фон-Резон. – СПб., 1882.
216. Фролов, А.Е. Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность / Е.А. Фролов // Сборник ученых трудов. Выпуск 8. – Свердловск, 1968.
217. Фролов, Е.А. Объект уголовноправовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Свердловск, 1971.
218. Фролов, Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления / Е.А. Фролов / Сборник ученых трудов. Выпуск 10. – Свердловск, 1969.
219. Фролов, М.В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-

правового моментов понятия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002.

220. Хабаров, А.В. Квалификация неоконченных преступлений / А.В. Хабаров // Российский юридический журнал. – 2000. – №2.

221. Чистяков, А.А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме функционирования ее основания: автореф. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2003. С.27-28.

222. Чистяков, А.А. Элементы основания уголовной ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1993.

223. Шайкенов, Н.А. Правовое обеспечение интересов личности / Н.А. Шайкенов. – Свердловск, 1990.

224. Шарапов, Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве / Р.Д. Шарапов. – СПб., 2001.

225. Шаргородский, М.Д. Избранные работы по уголовному праву / Шаргородский М.Д. – СПб., 2003.

226. Шаргородский, М.Д. Мошенничество в СССР и на Западе / М.Д. Шаргородский. – Харьков, 1927.

227. Шишко, И.В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук / И.В. Шишко. – Екатеринбург, 2004.

228. Шишко, И.В. Экономические преступления: Вопросы юридической оценки и ответственности / И.В. Шишко. – СПб., 2004.

229. Штамм, С.И. Судебник 1497 г / С.И. Штамм. – М., 1955.

230. Энциклопедия уголовного права. Т.4. Состав преступления. Издание профессора Малинина. – СПб., 2005.

План издания №14

Виктор Николаевич Винокуров,
кандидат юридических наук, доцент

**ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
И ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ**

Монография

*Печатается в авторской редакции
Технический редактор М.Н.Киценко*

Подписано в печать _____
Формат Р 60x84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Уч. изд. л. 7,29 (усл.печ.листов 8,75).
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131. г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6

